

Министерство образования и науки Украины
Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
Кафедра русского, славянского и общего языкознания
Горловский государственный педагогический институт иностранных языков
Крымское региональное отделение УАПРЯЛ

**СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Симферополь
2010

УДК 81'37-112/114
ББК 81.002.1
С 30

Печатается по решению Ученого совета факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (протокол № 1 от 30 августа 2010 г.)

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. Е.С. Отин
д-р филол. наук, проф. Т.С. Пристайко

Редколлегия: д-р филол. наук, проф. Г.Ю. Богданович (гл. редактор), д-р филол. наук, проф. В.И. Теркулов, д-р филол. наук, проф. Ю.Ф. Прадид, д-р филол. наук, проф. Т.А. Яценко, канд. филол. наук, доц. Л.Е. Бессонова (ответств. редактор), канд. филол. наук, проф. Е.Н. Сидоренко, канд. филол. наук, доц. Л.В. Валеева, канд. филол. наук, доц. А.В. Петров.

С 30 Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии : сборник научных трудов. – Симферополь : КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2010. – 188 с.

В сборнике представлены исследования лингвистов из Украины, России, Казахстана и Польши, посвященные вопросам деривации, лексикографии и функционирования языковых единиц в системно-семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах.

Для преподавателей высших и средних учебных заведений, научных работников, аспирантов, студентов-филологов.

ISBN 978-966-354-384-0

ББК 81.002.1

С 30 Семантика і прагматика мовних одиниць у синхронії та діакронії : збірник наукових праць. – Сімферополь : КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав», 2010. – 188 с.

У збірнику вміщено дослідження лінгвістів з України, Росії, Казахстану й Польщі, присвячені питанням деривації, лексикографії та функціонування мовних одиниць у системно-семантичному й комунікативно-прагматичному аспектах.

Для викладачів вищих і середніх навчальних закладів, наукових працівників, аспірантів, студентів-філологів.

ISBN 978-966-354-384-0

©КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2010

Раздел 1.
ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА:
ЕДИНИЦЫ, КАТЕГОРИИ, НАПРАВЛЕНИЯ

УДК 32:316.28(477)+81'373.612.2

О.І. Андрейченко
Сімферополь, Україна

**СТРУКТУРА І ПРАГМАТИКА МЕТАФОРИЧНОЇ МОДЕЛІ
«ПОЛІТИКА – ЦЕ АРТЕФАКТИ» У ГАЗЕТНО-
ЖУРНАЛЬНОМУ ДИСКУРСІ**

Статтю присвячено концептуальному аналізу сучасної політичної метафори, визначено ієрархічну структуру узагальненої метафоричної моделі «Політика – артефакти».

Ключові слова: газетно-журнальний дискурс, політичний дискурс, політична метафора, узагальнена метафорична модель, метафорична модель, метафорична субмодель.

Важливим постулатом сучасної когнітивної лінгвістики є дискурсивний підхід до вивчення мовних фактів. Метафори, які функціонують у мові, повинні розглядатися в дискурсі: у тісній взаємодії з умовами їх виникнення й формування, з урахуванням авторських, прагматичних настанов. Використовуючи в сучасному політичному дискурсі метафоричну модель замість прямої номінації, автор таким чином спрямовує думку реципієнта в заданому напрямку, робить спробу нав'язати свою систему оцінок і поглядів. Оскільки система метафоричних моделей – це важлива частина національної мовної картини світу, національної ментальності, важливо виявити в кожній мові продуктивні й актуальні метафоричні моделі.

Під концептуальною метафорою розуміємо осмислення одного концепту за рахунок перенесення певного комплексу знань у тематично інший текст. За функціональними критеріями метафору в політичному дискурсі розглядають як спосіб мислення та пізнання дійсності [2, с. 61]. За семантикою метафор можна вивчати політичну історію держави, а за продуктивністю тих чи тих метафоричних моделей – скласти уявлення про певну політичну ситуацію [4, с. 71]. Метафора – незамінний інструмент для розв'язання проблемних ситуацій у політичному дискурсі.

Однією з найбільш продуктивних метафор у сучасному політичному дискурсі є артефактна. Досліджуючи сфери-джерела концептуального поля «артефакт», спостерігаємо, що найчастіше дер-

жава, її політичне життя виявляється в семантичних категоріях 'будівля', 'механізм', 'транспорт'. За своєю структурою сфера-джерело «артефакт» – складний і неоднорідний концепт, у межах якого умовно можна виокремити дві концептуальні сфери: «будівля» (архітектурні артефакти), «механізм» (технічні артефакти).

Досліджувані метафори репрезентують узагальнену метафоричну модель «Політика – це артефакт», яка є гіперонімом для двох метафоричних моделей: «Політика – це архітектурний об'єкт», «Політика – це механізм», що вступають між собою у гіпонімічні відношення. Кожна із двох моделей складається із субмоделей – елементів нижчого рівня, що конкретизують тип архітектурного та механічного об'єктів. Ієрархія метафоричної моделі ґрунтується на тому, що з одного боку вона складається з кількох (рідше – однієї) субмоделей, з іншого – є частиною більш узагальненої моделі [6].

I. Метафорична модель «Політика – це архітектурний об'єкт».

Слід зазначити, що архітектурна метафора є традиційною для політичного дискурсу. Суспільство, за словами Н.Д. Аругіонової, – це певна «будівля <...> ця метафора дозволяє виокремити в суспільстві базис (фундамент), різноманітні структури (інфраструктури, надбудови)» [1, с. 14–15]. Концептуальна метафора «Політика – це будівля» належить до таких моделей, на основі яких можна демонструвати вплив політичних подій на життя суспільства.

Будівля або **дім** – це один із найважливіших концептів у людській свідомості. Складовими частинами будівлі є фундамент, дах, двері, вікна та інші компоненти, що зазнають переосмислення у політичному дискурсі, формуючи при цьому важливі номінації, пор.: *Втім, із нинішнім бюджетом-2008 ситуація інша: адже йдеться, по суті, про один і той же бюджетний «фундамент», складений Урядом Януковича, але «перебудований» новопризначеним Урядом Тимошенко* [УТ, 03, 2009].

Метафорична субмодель «Політика – це будівля» часто допомагає журналістам знайти потрібне метафоричне позначення для змалювання політичного життя, оскільки концептуальна сфера «будівля» як вихідна для творення метафори є достатньо структурованою й добре відомою носіям мови.

II. Метафорична модель «Політика – це механізм».

Технічні артефакти з вихідною сферою «механізм» називають об'єкти й транспортні засоби. Вони об'єднані в одну групу за принципом номінації різноманітних об'єктів, які використовує людина для здійснення певної роботи (дії, руху тощо), пересування в прос-

торі тощо. Умовно в метафоричній моделі «Політика – це механізм» виділяємо дві субмоделі з вихідними сферами «техніка» і «транспорт».

Метафорична субмодель «Політика – це техніка».

Спостереження за метафорами, які функціонують у газетному дискурсі, дає підстави стверджувати, що технічна метафора слугує свого роду моделлю, за якою пізнається політична реальність, створюється мовна картина політичного світу, для якої особливо показовими є вторинні номінації на зразок *закручування гайок, затискання в лежцатах, застосовування важелів* тощо, пор.: *Адмінресурс стис у лежцатах навіть комерційну сферу суспільної комунікації* [УМ, 12, 2001]; *Але для цього доведеться ще раз пройти через жорна президентських виборів* [УТ, 09, 2010].

Нетрадиційною для політичного дискурсу є «комп'ютерна» метафора, яка вносить у контексти нові можливості інтерпретації політичних подій, відзначається емотивністю, значним прагматичним потенціалом, пор.: *Говорячи сучасною мовою, операційна система «Україна» не розуміє запитів користувачів, і тому потребує не апгрейдів, а принципово нового програмного забезпечення* [УТ, 05, 2010].

Метафорична субмодель «Політика – це транспорт».

Політичні реалії семантично перехрещуються із номінаціями, пов'язаними з транспортом. Газетні тексти інформаційно наповнюються висловами, основою метафоричної транспозиції яких є назви транспортних засобів, їх частин, видів руху, пов'язаних із транспортом, назви територій і доріг, якими здійснюють рух [5, с. 108], пор.: *Хто розгойдує політичний човен в Україні?* [КС, 08, 2005]. Особливістю українського менталітету є метафоричне осмислення політичної реальності через такий вид транспорту як **віз**. У свідомості читачів лексема *віз* асоціюється з відомим висловом ***а віз і нині там (а хура й досі там)***, тобто «справа, яка не йде, не просувається», пор.: *Коли у воза впрягають кількох коней, то не всі однаково тягнуть <...> Віз «За єдину Україну!» тягнуть, образно кажучи, п'ять коней, п'ять партій* [ВК, 03, 2002].

Таким чином, сучасна політична метафора зі сферою-джерелом «артефакт» складається з трьох метафоричних субмоделей: «Політика – будівля», «Політика – техніка», «Політика – транспорт», об'єднаних у дві метафоричні моделі («Політика – архітектурний об'єкт», «Політика – механізм»). Кожна з трьох субмоделей має специфічну структурну організацію, прийнятну для аналізу саме політичного дискурсу України. Через семантичну структуру ме-

тафор із вихідною сферою «артефакт» автори газетних матеріалів досягають іронічного звучання тексту, в якому висловлюють зневажливе ставлення до політичної події чи особи.

ЛІТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры : сборник научных работ / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
2. Баранов А. Метафоры общественного диалога: война или согласие? / А. Баранов, Ю. Караулов // Знание – сила. – 1991. – № 10. – С. 60–63.
3. Бессонова Л.Е. Новые лингвополитические исследования в Украине / Л.Е. Бессонова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 1 (21). – С. 18–22.
4. Гутман Е.А. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик / Е.А. Гутман, Ф.А. Литвин, М.И. Черемисина // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1997. – С. 147–165.
5. Дацишин Х. Транспортна метафора в українському політичному дискурсі: конотативний аспект / Х. Дацишин // Вісник Львівського університету. Серія «Журналістика». – Вип. 23. – Львів, 2003. – С. 108–116.
6. Керимов Р.Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе : автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / Р.Д. Керимов. – Барнаул, 2005. – 18 с.

СПИСОК УМОВНИХ СКОРОЧЕНЬ

ВК – газета «Вечірній Київ».
ДТ – газета «Дзеркало тижня».
КС – газета «Кримська світлиця».
УМ – газета «Україна молода».
УТ – журнал «Український тиждень».

УДК 801.7:159.95

Л.Ю. Буянова
Краснодар, Россия

ТЕКСТ КАК МЕНТАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ КОНСТРУКТ: СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ И ТИПОЛОГИЯ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ СТРУКТУР ЗНАНИЯ

В статье рассматривается проблема параметрирования текста как особого когнитивного феномена, характеризующегося когнитивно-ментальной процессуальностью. Выявляются структуры знания, репрезентированные в тексте, характеризуется особый тип картины мира, отраженной в тексте, – когнитивно-концептуальный.

Ключевые слова: когнитивная структура, когнитивная процедура, когнитивные способности, когнитивная база, вербализация, текст.

Каждый текст как продукт и средство реализации информационно-коммуникативной задачи связан с познанием, т.е. в нем осуществляется фиксация в языковой форме как процесса приобретения знаний и опыта, так и его результатов. Когнитивное направление, опирающееся на понятие когниции, синтезирует, на наш взгляд, все имеющиеся подходы к феномену текста. «Когниция есть проявление умственных, интеллектуальных способностей человека и включает осознание самого себя, оценку самого себя и окружающего мира, **построение особой картины мира** (выделено нами – Л.Б.) <...>» [4, с. 81].

Поскольку творцом любого типа текста является конкретная языковая личность, можно признать, что текст репрезентирует особую картину мира – индивидуально-авторскую, виртуально-идеальную, в рамках которой - в зависимости от когнитивной базы и интенций автора - осуществляется концептуализация и вербализация системы знаний и результатов полученного опыта как его, так и всего социума (реализация принципа корреляции части и целого). Релевантны в данном контексте слова Г.В. Колшанского о том, что «каждый конкретный язык не искажает и не преобразует действительность, а через глобальную семантическую систему всей совокупностью своих средств отображает единую природу мира в концептуальном аппарате человека как универсальной понятийной системы, коррелирующей с реальным миром на основе принципа отражения» [3, с. 61].

При создании любого текста используются и активизируются все когнитивные способности автора: память, наблюдение, анализ, внимание, воображение, восприятие, понимание, способность к интерпретации; в основе создания словесной художественной ткани, «наполненной» метафорами, сравнениями, олицетворениями, коннотациями и т.п., лежит метафоризация как глобальный когнитивный навык (процесс).

Фундаментальным свойством любого текста, особенно художественного, является его *антропоцентричность*: текст создается человеком – творцом, автором текста; основным объектом (субъектом) его изображения почти всегда является человек; создается текст также для восприятия человеком, что и обуславливает его абсолютную антропоцентричность.

Диалогичность художественного текста как свойство литературного произведения, по мысли М.М. Бахтина, связана еще с одним качеством текста – с бесконечностью, открытостью, многослойностью его содержания, что не допускает его однозначной интерпретации [1]. Диалогичная природа текста проявляется также в том, что любой текст является ответной реакцией на другие тексты, т.к. всякое понимание текста как особый когнитивный процесс, есть соотнесение его с другими текстами.

Важнейшие параметры текста – *статичность* и *динамичность* – также являются когнитивно значимыми, так как текст одновременно находится и в статическом состоянии, и в динамическом (аспектность перцепции, интерпретации, анализа и т.д.).

С позиций когнитивного подхода *напряженность* как свойство текста можно интерпретировать как такую *процессуальность* совмещения знаний о чем-либо или о ком-либо автора и читателя, когда читательское «внешнее» знание не совпадает с «внутренним», виртуальным знанием творца текста.

Интерпретируемость текста отражает его фундаментальное качество: каждая интерпретация любого текста есть также специфическая **когнитивная процедура**, так как расшифровка в сознании реципиента культурно-смыслового кода текста базируется на ментально-языковом коде самого реципиента, на тех структурах знания, которые присущи только ему и могут не совпадать с когнитивной базой автора текста. Так, например, любой перевод художественного текста с одного языка на другой представляет собой именно такую когнитивную процедуру, вербально-ассоциативные результаты которой каждый раз будут различными.

Особую когнитивную функцию в художественном и / или научном тексте выполняют *ключевые вербальные знаки*, которые являются средством репрезентации авторской когниции и участвуют в построении текстовой когнитивной структуры. Аккумулируя в себе систему авторского знания и опыта, они, как узлы уникальной «сети» авторской картины мира, маркируют ее доминантные ассоциативно-смысловые фрагменты, организуют различные по своей структуре когнитивные текстоформирующие конструкты (концепты – фреймы, гештальты, сценарии, скрипты и др.).

Когнитивно-концептуальная картина мира текста представлена его концептосферой и соотносится с мыслительными операциями, понятиями, идеями, представлениями, оценками, образами, подчиняясь логическим законам мышления как глобального когнитивного процесса. Как признают современные когнитологи, «рече-

порождение есть сложная ментальная творческая деятельность человека, поскольку сам процесс вербализации смысла связан с привлечением разноуровневых, разноаспектных и коммуникативно разнонаправленных языковых средств» [2, с. 11], за каждым из которых стоит определенная структура знания.

Мощным когнитивным потенциалом характеризуются все части речи, языковые репрезентанты которых активируют те или иные когнитивные структуры и осуществляют вербализацию авторского смысла и замысла. Уникальная авторская картина мира формируется посредством всего многообразия частеречных структур и форм в процессе номинативной деятельности автора, которая представляет собой специфический когнитивный процесс (процедуру).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. Кобрин Н.А. Механизмы речепорождения и восприятия текста в рамках когнитивной лингвистики (перспективы изучения) / Н.А. Кобрин // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. – Ч. 1. – Тамбов, 1998. – С. 11-13.
3. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 103 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.

УДК 811.161.1:165.191

Л.В. Валеева

Симферополь, Украина

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ РОЛЬ МИФА В ЯЗЫКЕ

В статье показано, как анализ способов репрезентации мифа в языке позволяет создать новую методологию исследования мифа. Изучение интерпретационных возможностей мифемы, языковой единицы мифа, позволяет объединить классический и социальный мифы.

Ключевые слова: миф, мифема, интерпретация, язык.

Миф – это важнейший инструмент регуляции отношений между духовным опытом поколений и обыденными знаниями в режиме on-line. Синергетический характер мифа делает его уникальным средством адаптации человечества к новым реалиям, универсальным средством социализации человека. Миф функционально значим в силу его паразитических интегрирующих свойств.

В эпоху информационного тоталитаризма, когда на смену «алфавитному мышлению» приходит новый тип карнавальная информации, когда избыточность информации подавляет культурные ориентиры, утверждает вещную избыточность мира, миф становится стимулом, движущей силой развития современного общества. Человек пытается расширить пространство образов с помощью энергии мифа, проявляющейся через энергию слова. В.Н. Топоров считает мифологизацию созданием наиболее семантически богатых, энергетичных и имеющих силу примера образов действительности в их едином стремлении к поддержанию максимально возможной связи человека со сферой бытийственного, открываемого живым словом [6].

Двойственность мифа заключается в том, что максимальный субъективизм при формировании мифа и появлении мифемы (единицы языковой репрезентации мифа) является результатом объективных когнитивных процессов. Если представить шкалу достоверности, демонстрирующую истинность наименования, то миф будет обозначен единицей наименьшей степени достоверности. Миф формирует виртуальную реальность, и он становится определяющим конструктом новой культуры. М. Кастельс пишет, что в эпоху, когда наши исторически построенные системы верований и кодов под влиянием новой технологической системы подвергаются фундаментальному преобразованию, рождается новая культура: культура реальной виртуальности [2]. В новых условиях научный подход к мифу должен существенно измениться. Теория мифа нуждается в новой методологии познания, в новых принципах категориального и концептуального освоения жизненного пространства.

В современном научном знании принято делить миф на классический и социальный (прикладной). Под классическим мифом понимается сказание о богах, духах, обожествленных или связанных с богами своим происхождением героях, о первопредках, участвовавших прямо или косвенно в создании мира, его природных и культурных элементов. Традиционные мифы помогают онтологически освоить мир, формируя фундаментальные категории, поэтому они требуют связного и художественно организованного текста, в котором эмоциональный фон накладывается на когнитивную основу. По мнению Е. Мелетинского, в мифе форма тождественна содержанию и поэтому символический образ представляет то, что он моделирует. Мифологическое мышление выражается в неотчетливом разделении субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени, вещи и ее атрибутов, единичного и множест-

венного, пространственных и временных отношений, начала и принципа, то есть происхождения и сущности [5].

Социальным мифом, по определению А. Ульяновского, является контекстуально условно истинное и аксиологически доверительное высказывание [7]. Р. Барт одним из первых показал, как формируется современный миф, как из целостного образа-архетипа он преобразуется в дискретный символ, вставленный в сеть дискурса [1]. Эта группа прикладных мифов представляет не существующие онтологически и искусственно концептуализированные явления.

В современной науке принято рассматривать эти типы мифов изолированно. Главный критерий оценки мифа – проекция мифа на онтологические сущности. Традиционный миф всегда являл собой тотальный и безальтернативный миф, отражающий господствующий миропорядок. Социальный миф, как точно отметила И.А. Мальковская, повествует о способе существования конкретного человека и преодолении им с помощью создания вечности единичного и эфемерного существования [4].

Мы видим, что «несовместимость» базовых типов мифа определяется по степени устойчивости и амплитуде вариаций мифологического значения. Так, Платон считает имя Кронос результатом интерпретации Кроноса как чистого и незапятнанного ума [3]. С эллинистического периода мифоним Кронос персонифицирует время. Мы констатируем минимальную амплитуду интерпретационных значений у мифемы Кронос. Мифема Сталин представляет диапазон значений от «злодей» до «мудрец» и «спаситель»: ср.: *зловещая фигура; некий жестокий руководитель, который очень круто расправлялся с проворовавшимися чиновниками; опытный менеджер* [ЗН, № 37, 2010].

В современной мифологии амплитуда значений мифемы Сталин включает интерпретационные значения, относящихся к разным видам дискурса, и предусматривает интенции и функциональные характеристики субъектов-интерпретаторов: *С населением картина распадается на несколько составляющих. Есть совершенно оголтелые сталинисты, в том числе и среди образованных людей* [ЗН, № 37, 2010]. *Путин (как личность, как политик) не является сталинистом. ... Он – человек другой эпохи. И прекрасно усвоил аксиому: если нужно выстраивать барьеры с Западным миром, то нет средства лучше «мягкого» такого «приподнятия» Сталина* [ЗН, № 37, 2010].

Итак, анализ способов вербализации мифа в языке свидетельствует, что миф представляет целостную когнитивную структуру.

Единицей языковой репрезентации мифа является мифема, которая детерминирует множественность вариантов интерпретации, что характеристика диапазона смысловых модификаций мифемы зависит от характеристик дискурса, представляющего миф, что в большей степени смысловое декодирование мифа зависит от интерпретационных способностей языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Мифологии / Р. Барт. – М. : Академический проект, 2008. – 351 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : [монография] / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Лосев А.Ф. Краткий анализ диалога Платона «Кратил» [Электронный ресурс] / А.Ф. Лосев. – Режим доступа : <http://amkob113.narod.ru/pltn/pltn-8.html>.
4. Мальковская И.А. Знаки коммуникации. Дискурсивные матрицы / И.А. Мальковская. – М. : КомКнига, 2005. – 240 с.
5. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 408 с.
6. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : Избранное / В.Н. Топоров. – М. : Прогресс ; Культура, 1995. – 623 с.
7. Ульяновский А.В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы / А.В. Ульяновский. – СПб. : Питер, 2005. – 544 с.

УДК 81'373.47

С.Г. Воркачев
Краснодар, Россия

«ПОНЯТИЯ» И «БЕСПРЕДЕЛ»: ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОРПОРАТИВНОМ ИСПОЛНЕНИИ¹

С лингвокультурологических позиций описывается базовая категория корпоративной морали в русском языке: исследуется происхождение и семантическое наполнение лексем «понятия» и «беспредел».

Ключевые слова: *концепт, корпоративная мораль, понятие, беспредел.*

Если представить *ordo justitiae* («порядок справедливости») в виде концентрических кругов, то его внешние границы образует справедливость универсальная, космогоническая, внутри же находятся «частные справедливости»: теическая, этническая и групповая, а его центральную точку образует справедливость персональ-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ [грант № 10-04-38-404 а/Ю].

ная – индивидуальная, которая, собственно говоря, уже справедливостью и не является.

В круге справедливости групповой – классовой и корпоративной – в число «чужих», на которых не распространяется внутригрупповая справедливость, включаются «подлые сословия», аристократы, буржуи, интеллигенты, враги народа, лохи, фраера и др. – все они рискуют попасть в область «нравственных исключений», когда их уничтожение становится «моральным».

Юристы сетуют: в современном российском обществе господствует аномия – всеобщее неуважение к законам и бессилие последних, что совершенно справедливо в отношении законов писанных, общегосударственных. Однако, как известно, свято место пусто не бывает, и правовой вакуум в социуме немедленно заполняется законами иными, неписаными, получившими в русском языке имя «понятий».

По мысли св. Августина, государство без справедливости является вертепом разбойников [1, с. 9]. Здесь можно заметить, что и в вертепе разбойников есть своя справедливость: разбойничья, корпоративная, на основании которой происходит распределение добра и зла таким образом, что это удовлетворяет всех или большинство обитателей этого вертепа.

Экспансия специфической корпоративной морали на национальный уровень в законопослушный социум имеет, конечно, свои причины: извечное недоверие русского человека к власти и к официальным законам, которые она пишет «под себя», с одной стороны, и «вхождение во власть» уголовного мира, – с другой. Процесс этот напоминает некую «перманентную карнавализацию», создающую мир наизнанку, в котором «последние становятся первыми», а первые, соответственно, последними, где господствовавшие ранее нравственные категории «опускаются», а на их место поднимаются понятия корпоративной морали – появляются «хорошие» и «плохие» бандиты, «хорошие» и «плохие» проститутки, сутенеры и «бандерши», «точка отсчета» меняется – и «порядочный человек» становится «лохом».

Общая криминализация жизни и интенсивное проникновение в разговорную и не только разговорную речь «блатной фени» приводят к проникновению в «обыденное сознание» уголовных норм социального взаимодействия – «понятий», которыми руководствуются, сознательно или бессознательно, и «любители», объединяемые в одну, хотя и разнородную, группу уже не профессиональным, а «моральным» признаком.

Прообраз сегодняшних «понятий» – «писанный неписанный воровской закон» (М. Танич) – сложился в России, по свидетельству источников, в 30-е годы прошлого века не без участия тогдашних «компетентных органов». Видимо, тогда же сложился институт «воров в законе», соблюдающих «кодекс воровской чести» как совокупность криминальных традиций и обычаев. С наступлением говорухинской «Великой криминальной революции» конца 80-х и начала 90-х годов прошлого века и вхождением криминалитета во власть и в собственность «революционные изменения» претерпел также «Кодекс воровской чести» – он не только поменял имя и стал называться «понятиями», но и утратил за ненадобностью большую часть своих статей и «обуржуазился»: из него, естественно, ушли запреты на обладание собственностью («пафосную жизнь»), легальные доходы, создание семьи, постоянное место жительства, участие в работе государственных органов, необходимость «ходов на зону». По существу превратившись в «моральный кодекс строителя российского капитализма», он сохранил в неизменном виде лишь одну – первую и основную – заповедь любой «партикулярной» морали: «справедливость – для своих». У «своих» нельзя воровать; их нельзя «кидать, разводить, обувать»; с ними нужно делиться, у них нельзя «крысятничать» и проч.

Основные концепты, составляющие лингвокультурную идею справедливости, – «справедливость» и «несправедливость» – в профессиональном и социолектном жаргонах русского языка получают имена «понятий» и «беспредела». Эти лексические единицы образуются путем семантического переосмысления и морфологического переоформления соответствующих основ литературного языка. Функционируя в профессиональной речи уголовников, они одновременно обозначают как нормы догосударственного, «обычного права», подкрепляемого карательными санкциями преступного общества, так и моральные понятия преступного этоса.

«Понятия» как свод основных положений некоей корпоративной морали при ближайшем рассмотрении, в принципе, ничем особенно не отличаются от любого другого «морального кодекса» – строителя ли коммунизма, капитализма или чего-либо еще, где на первом месте стоит заповедь лояльности «своим», а самым страшным грехом считается предательство. «Понятия» в переложении на литературный язык сводятся к запретам наносить какой-либо неоправданный ущерб «своим» (предавать / сдавать, обманывать / кидать / обувать / разводить, воровать / крысятничать, грабить и проч.), а также общаться с «врагами».

Языковой знак для обозначения семантического противочлена «понятий» – «беспредела» – также появился относительно недавно. «Внутренняя форма» этого слова вполне прозрачна – «отсутствии предела как ограничений на что-либо» – и в какой-то мере воспроизводит, только с противоположным оценочным знаком, значение столь милой русскому сердцу «воли». В разговорную речь «беспредел», очевидно, «поднялся» из тюремно-воровского жаргона, где «беспредельщиной» обозначались уголовники, «не относящиеся ни к вора в законе, ни к сукам» [2, с. 48–49], а «беспределом» – преступления, совершаемые с чрезмерной жестокостью даже с точки зрения профессиональных преступников.

В нашей реальной жизни кодекса универсальной морали, включающей требование абсолютной справедливости («справедливости для всех»), не существует: любая справедливость «партикулярна», и неважно, сколь широк круг лиц, на которых она распространяется («своих»). Свободная «миграция» лексических единиц («понятия» и «беспредел») из специфического профессионального (уголовного) жаргона в социолекты и разговорный язык косвенно свидетельствует о тенденции к превращению «корпоративной морали» в национальную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Аврелий. Исповедь // Лабиринты души / Августин Аврелий. Исповедь; Блез Паскаль. Письма к провинциалу. – Симферополь : Реноме, 1998. – 416 – С. 5–206.
2. Грачев М.А. Язык из мрака: блатная музыка и феня : словарь / М.А. Грачев. – Нижний Новгород : Флокс, 1992. – 207 с.

УДК 81'1:215

А.К. Гадомский
Симферополь, Украина

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОЙ ТЕОЛИНГВИСТИКИ

В статье представлены история и основные направления исследований русской теолингвистики. В данном случае, употребляя слово «русской», мы говорим об исследованиях, проводимых на материале русского языка, или работах, написанных на русском языке.

Ключевые слова: теолингвистика, русская теолингвистика, направления исследований, диссертации по теолингвистике.

Настоящая работа продолжает серию публикаций, посвященных проблемам теолингвистики. В ранее опубликованных работах внимание, главным образом, было уделено трудам англистов, германистов и полонистов в этой области. Назрела необходимость уделить внимание русской теолингвистике.

Целью настоящей работы является краткое описание истории и основных направлений исследований русской теолингвистики. В данном случае, употребляя слово «русской», мы говорим не только о «российской», но и о «русскоязычной» теолингвистике, исследованиях, проводимых на материале русского языка, а также работах, написанных на русском языке.

В 1914 г. профессор Санкт-Петербургской Императорской Духовной Академии Н.Н. Глубоковский указывал на необходимость сотрудничества богословов и филологов при изучении греческого библейского языка [2, с. 3-4]. События, произошедшие в России спустя два года после выхода в свет книги Н.Н. Глубоковского, на долгое время прервали плодотворное сотрудничество лингвистов и богословов [4, с. 379]. Работа велась лингвистами и богословами, как правило, обособленно друг от друга. Труды служителей церкви не были доступны широкому кругу читателей, а русский религиозный язык, начиная с 1918 г. и до недавнего времени, оставался языком церковнослужителей и практикующих верующих [7]. Что касается светской науки, то трудно представить преподавание ряда вузовских курсов без обсуждения проблем религиозного языка, языка религии, пророческого языка, языка богослужения и других проблем теолингвистики.

Если же говорить о русском языке, то он всегда изобилует словами, поговорками, оборотами, изначально имеющими религиозное содержание. Изменения, произошедшие на территории бывшего Советского Союза в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., отчасти снесли стену, искусственно возведенную между религией и обществом и как следствие - между общенародным языком и языком религии. Если в 60-е годы авторы социолингвистического исследования констатировали «окончательную секуляризацию» большей части таких слов, как *догма, реликвия, мощи, исповедь* и т.п., то теперь многие слова этой тематической группы, освоённые литературной и публицистической традицией, подверглись различным семантическим трансформациям, перешли в разряд беллетристов, вошли в публицистические клише: *храм науки, алтарь победы, иконостас орденов, политическое евангелие, апостолы мировой революции* [8, с. 71-73].

В конце 90-х годов прошлого столетия проблему «язык и религия» вывела на официальный светский уровень белорусский языковед Н.Б. Мечковская [6].

Нельзя также не отметить работы по лингвокультурологии В.А. Масловой, которая также говорит о проблеме «язык и религия» как об одном из перспективных направлений лингвокультурологии [5].

В этом контексте особое внимание следует уделить гипотезе божественной сущности происхождения языка. Из всех выдвинутых наукой теорий происхождения языка, по мнению Н.Б. Мечковской, только эта теория с момента ее появления и по сей день сохраняет свои позиции, несмотря на то, что все это время ее противники заняты отчаянными поисками контраргументов [6].

Также заслуживают внимания работы профессора В.П. Даниленко, который вводит термин «лингвистическое религиоведение» [3, с. 43-44].

В начале XXI в. русисты начинают активно употреблять термин «теолингвистика», который ранее не был популярен в русском языкознании. Сразу же следует отметить, что отношение к этому термину неоднозначное [9, с. 178].

Исследования в современной русской теолингвистике ведутся по ряду направлений [1, с. 204-214]. Говоря о направлениях русской теолингвистики, следует отметить серию докторских и кандидатских диссертаций по русистике, которые были защищены в России, Украине и в Польше в последние годы (табл. 1).

Таблица 1.

**Информация о диссертациях, посвященных
проблемам теолингвистики.**

Основные направления исследований	Количество диссертаций		Города, в которых были подготовлены / защищены диссертации
	докторских	кандидатских	
Религиозный язык	1	-	Москва
Религиозный дискурс	1	2	Волгоград, Воронеж, Иркутск
Мир Сакрум. Картина мира	1	2	Екатеринбург, Иркутск
Религиозный концепт	-	3	Владикавказ, Иркутск, Краснодар

Жанры религиозного языка			
А. Проповедь	-	20	Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Киев, Москва, Рязань, Санкт-Петербург, Махачкала, Челябинск, Ярославль
Б. Церковно-религиозное послание	-	1	Москва
В. Музыкально-поэтические жанры	-	1	Москва
Изучение единиц разных уровней религиозного языка			
А. Фонетика	1	-	Волгоград
Религиозная лексика	-	9	Воронеж, Екатеринбург, Красноярск, Махачкала, Тамбов, Тарту, Тверь
Религиозная фразеология	-	2	Екатеринбург, Владикавказ
Заимствования. Библизмы	-	11	Волгоград, Воронеж, Краснодар, Москва, Санкт-Петербург, Тверь
Грамматика религиозного языка			
А. Морфология	-	1	Махачкала
Б. Синтаксис	-	1	Рязань
Текст	-	2	Санкт-Петербург, Екатеринбург
Всего:	4	54	

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамский А.К. О филологических и нефилологических направлениях изучения религиозного языка в русской и польской теолингвистике / А.К. Гадамский // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2009. – Т. 22 (61). – С. 204–214.
2. Глубоковский Н.Н. Библейский греческий язык в писаниях Ветхого и Нового завета / Н.Н. Глубоковский. – К. : АО «Петр Барский в Киеве», 1914. – 76 с.
3. Даниленко В.П. Общее языкознание. Курс лекций / В.П. Даниленко. – Иркутск : Изд-во Иркутского государственного ун-та, 2003. – 240 с.

4. Катунин Ю.А. Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством / Ю.А. Катунин. – Симферополь : МПС «Ната», 2002. – 416 с.
5. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию : [учебное пособие] / В.А. Маслова. – М. : Наследие, 1997. – 208 с.
6. Мечковская Н.Б. Язык и религия : [пособие для студентов гуманитарных вузов] / Н.Б. Мечковская. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
7. Прохвятилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи : [монография] / О.А. Прохвятилова. – Волгоград : Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999. – 364 с.
8. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) : [коллективная монография]. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 480 с.
9. Чевела О.В. Греко-славянская гимнография и древнеармянский Шаракан: основные принципы риторического анализа / О.В. Чевела // III Международные Бодуэновские чтения : И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.) : труды и материалы : в 2 т. / Казан. гос. ун-т ; под общ. ред. К.Р. Гаиуллиной, Г.Н. Николаева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. – С. 186–189.

УДК 811.161.1'371

С.В. Евраева

Днепропетровск, Украина

СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА *ЦЕРКОВЬ* В ПОЭЗИИ А. БЛОКА

*Статья посвящена изучению языковой реализации и смыслового наполнения религиозного концепта **церковь** в индивидуально-авторской картине мира А. Блока. Исследование особенностей авторского понимания данного концепта проводится в сопоставлении с его реализацией в русской наивной картине мира.*

Ключевые слова: *концепт, наивная картина мира, индивидуальная картина мира, вербализация, смысловое наполнение.*

Религиозные концепты составляют важнейший фрагмент русской языковой картины мира. В частности, концепт **церковь** в русском наивном сознании имеет особые коннотации и отражает суперморальные ценности русской культуры [3].

Актуален данный концепт также для идиостиля Александра Блока – одного из самых ярких поэтов Серебряного века, религиозные искания которого отражают всё многообразие религиозно-

философских идей русского человека в этот переломный для страны период.

Исследуемый концепт в стихотворениях А. Блока характеризуется богатым смысловым наполнением и частотой использования его вербализаторов (253 употребления). Это многочисленные наименования знаков-артефактов, а именно:

- а) зданий и их частей: *церковь, собор, храм, амвон, звонница, колокольня, паперть, ризница*;
- б) предметов (убранства) храма: *аналой, иконостас*;
- в) предметов одежды священнослужителей: *апостольник, мантия, митра, ряса*;
- г) атрибутов религиозного обряда: *кадило, крест, икона, ладанка, свеча*;
- д) самих церковных обрядов: *панихида, обедня, треба*.

В идиостиле поэта исследуемый концепт реализуется различными образами:

- а) слуховыми: *Над собором – тишина* [1, с. 414]; *Гнусавой мессы стон протяжный* [2, с. 122]; *Звон далёкий, звон печальный* [2, с. 248];
- б) обонятельными: *И трупный запах роз в церквах* [2, с. 122];
- в) визуальными: *И во мраке над собором / Золотятся купола* [1, с. 375]; *Робко пламя церковной свечи / У заутрени бледной зажгу* [1, с. 314].

Визуальные образы представлены также группой колоративов: «золотой» (связан с цветом куполов и иконописной символикой), «белый», «голубой», «лазурный», «дымно-сизый», «зелёный», а также лексемами «дым», «сумрак» и их производными: *Я – голубой, как дым кадила, / Она – туманная весна* [1, с. 414]; *Но низка зелёная келья, / Бледно золото твоё* [2, с. 103]; *Луч зелёный, луч лампадки* [2, с. 184]; *Купол стремится в лазурную высь* [1, с. 307]; *Из-за могил и склепов, где огни / Лампад и сумрак дымно-сизый* [2, с. 48].

Концепт *церковь* в индивидуально-авторской картине мира А. Блока несёт на себе особую семантическую нагрузку, включающую как наивные представления о *церкви*, так и смыслы, присущие только идиостилю автора или заимствованные им из европейской культуры.

К первым относятся следующие представления:

- 1) связь концепта с понятием смерти: *Кадите мне. Цветы рассыпьте. / Я в незапамятных веках / Была царицею в Египте. / Теперь – я воск. Я тлен. Я прах* [2, с. 73];

- 2) сравнение ресторана с храмом и храма с рестораном: *Здесь ресторан, как храмы, светел, / И храм открыт, как ресторан* [1, с. 421];
- 3) устойчивая ассоциативная связь церкви (или её части – паперти) с понятиями бедности и унижения: *Крыльцо Её словно паперть* [1, с. 286];
- 4) выражение через концепт **церковь** противопоставления понятий «вера» и «религия»: *Нет меры нашему познанию, / Вещественный не вечен храм. / Когда мы воздвигали зданье, / Его паденье снилось нам* [1, с. 192-193];
- 5) хронотоп: *Милый брат! Завечерело. / Чуть слышны колокола* [1, с. 381]; колокольный звон возвещает о наступлении утра и вечера, а также о приходе весны: *Бейся, колокол раздолбный, / Разглашай весенний звон!* [1, с. 311].

А. Блок также использует наивные представления о церковных обрядах с целью стилизации стихотворений под религиозный фольклор: *Ризу накрест обвязав, / Свечку к палке привязав, / Реет ангел невелик, / Реет лесом, светлик. / <...> Тронет свечкою сучок – / Треснет, вспыхнет огонёк* [2, с. 185].

Ко второй группе относятся такие смысловые особенности концепта **церковь**:

- 1) церковь – тёмное, таинственное место: *В глубоких сумраках собора / Прочитан мною свиток твой* [2, с. 12]; *Мглистый призрак стоял предо мной / В синеватом куреньи кадил* [1, с. 185];
- 2) характерной для идиостиля А. Блока является связь **церкви** с образом возлюбленной; храм чаще всего упоминается как место встречи с Прекрасной Дамой: *Мы встретились в храме – в глубокой тишине / Мы поняли, что годы молчанья были ясны* [1, с. 284]; *Я знаю: мы в храме вдвоём, / Ты думаешь: ты здесь одна* [1, с. 199]; *Ты так бела, как дальний храм* [2, с. 100]; в таком понимании образ церкви становится очень ёмким: **церковь** выступает символом поклонения святости и духовной чистоте: *Не сойдёт ли от божницы / Лучезарная Сама?* [1, с. 311];
- 3) храм в блоковской поэзии отождествляется с душой человека – «местом обитания» Бога: *Ничего вы не скажете, люди, / Не поймете, что тёмен мой храм* [2, с. 65]; *Все лучи моей свободы / Заалели там. / Здесь снега и непогоды / Окружили храм* [1, с. 188];
- 4) храм также может выступать символом жизни, возрождения: *Пусть любви – забвенья и могила, / Ты над могилой – лучезарный храм* [1, с. 154];
- 5) церковь и связанные с церковными обрядами артефакты в картине мира А. Блока соотносятся с детством: *Луч лампы, как в*

тумане, / Раз-два, раз-два, раз-два, раз!.. / Идёт конница... а няня / Тянет свой рассказ [2, с. 183];

- 6) для поэта церковь является также пристанищем одинокого человека: *Я возвращусь стопой тяжёлой, / Паду средь храма я в мольбе, / Но обновлённый и весёлый / Навстречу выйду я к тебе [1, с. 123];*
- 7) мотив одиночества в блоковских стихах реализуется в образе монастыря: *Брожу в стенах монастыря, / Безрадостный и тёмный инок [1, с. 214]; Мой монастырь, где я томлюсь безбожно, – / Под знаком разума расплавленный гранит [1, с. 118];* монастырь (келья) – символ добровольного отречения от мирских ценностей: *Стерегут мне келью совы, – / Вам забвенью и потере / Не помочь! [2, с. 18];* поэт ассоциирует себя с монахом, и в этом также отражается его концепция платонической, чистой любви к Прекрасной Даме: *Ты сама придёшь в мою келью / И разбудишь меня от сна [1, с. 244].*

Таким образом, смысловое наполнение концепта *церковь* в стихотворениях Александра Блока мотивировано русской наивной картиной мира и европейской культурной традицией, однако в идиостиле поэта наблюдаются и расхождения в понимании данного концепта.

В частности, в наивном сознании он приобретает негативную, иногда сниженную оценку и не несёт в себе религиозных основополагающих ценностей русского народа, тогда как в картине мира произведений А. Блока *церковь* – символ духовности, а также чистой, истинной с точки зрения поэта, любви. Символическое выражение концепта создаёт целостный визуальный образ церкви и связывает данный концепт с другими религиозными концептами – *Бог* и *Христос*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. М. Дудина и др. – Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1898–1906 / вступ. статья М. Дудина ; сост. и примеч. Вл. Орлова. – Л. : Художественная литература, 1980. – 512 с.
2. Блок А. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. М. Дудин и др. – Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1907–1921 / сост. и примеч. Вл. Орлова. – Л. : Художественная литература, 1980. – 472 с.
3. Евраева С.В. Ценностный компонент концепта *церковь* в русской наивной картине мира / С.В. Евраева // Система і структура східнослов'янських мов : до 175-річчя Національного пед. ун-ту ім. М.П. Драгоманова : зб. наук. праць / відп. ред. В.І. Гончаров. – К. : Знання України, 2009. – С. 121–125.

ПРЕСУППОЗИЦИОННАЯ СТРУКТУРА ЗНАЧЕНИЯ ОНИМА В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается характер пресуппозиций в семантической структуре онима в рекламном тексте, влияние дискурса и экстралингвистических знаний реципиента на формирование пресуппозиционной структуры языковой единицы.

Ключевые слова: *оним, апеллятив, рекламный текст, дискурс, пресуппозиция.*

В структуре значения апеллятивов, как и имен собственных, выделяют разноплановые по характеру передаваемой информации семы, или семантические компоненты. Одни из них являются денотативными, другие – коннотативными. Процесс формирования денотативных и коннотативных сем многоаспектен и многогранен. Денотативные и коннотативные компоненты, входящие в структуру значения онима, эксплицируются парадигматическим, синтагматическим и фоновым контекстами.

Вряд ли можно выявить порядок отвлечения сем от данных контекстов, ведь экспликация семантики имени собственного – одной из сильных позиций рекламного текста – должна происходить непосредственно при ознакомлении с этим текстом. Очевидно, что члены контекстов вступают в оппозиционные отношения множественной мотивации с онимом, являясь его семантическими производящими.

Безусловно, влияние фонового контекста или лексического фона на формирование семантики онима является решающим, так как этот вид контекста содержит не очерченную четкими границами некую сумму экстралингвистических знаний – исторических, культурологических, географических и др. Когда потенциальный потребитель, читая рекламный текст, выделяет имя собственное, он тем самым апеллирует к своему багажу фоновых знаний. Этот процесс можно назвать подготовительной стадией экспликации семантики имени собственного: из накопленных фоновых знаний «изымается» некий объем, который приложим к определенному ониму. Этот объем и будет являться фоновым контекстом.

Подготовительная стадия требует немалых усилий от создателей рекламного текста. Копирайтеру необходимо быть понятым реципиентом, и он апеллирует к соответствующей части идентифицирующего знания слушающего. Следовательно, авторами реклам-

ного текста избирается не любой оним, а тот, который известен большинству представителей языкового коллектива. Фоновый контекст таких имен собственных настолько устоялся и стал привычным, что без труда облегчает переход от предварительной стадии экспликации к ее началу. Оним в фоновом контексте претерпевает разные стадии экспликации. К предварительной стадии можно отнести существование онима вне коммуникативного задания. Рассматривая определенный оним, мы можем констатировать, что данная языковая единица обладает имплицитной семантикой, состоящей из необозримого числа семантических сущностей, называемых пресуппозициями. Можно сказать, что в оним вне коммуникативного задания полипресуппозиционен.

Релевантность пресуппозиции определяется рекламным дискурсом. Пресуппозиция может носить имплицитный и эксплицитный характер. Если пресуппозиция проецируется из экстралингвистической реальности, она имплицитна, если мы можем выделить ее в дискурсе, следовательно, она эксплицитна.

Имплицитная пресуппозиция входит в семантику рекламного дискурса на визуальном и вербально представленном уровнях, представляет собой элемент контекста, который можно назвать «фондом общих знаний» собеседников (Н.Д. Арутюнова), состоящим из представлений, которые говорящий (автор рекламы) считает имеющимися у слушателей (потенциальных потребителей) в момент ознакомления с рекламным текстом.

Часто рекламный дискурс называют «миром масок». Ознакомление потенциального потребителя с текстом рекламы начинается с визуальной части. На принятие решения о приобретении рекламируемого товара большое значение оказывает импликация, когда маски, надеваемые на предметы рекламы, указывают реципиенту образцы для подражания.

В визуальной части огромную роль играет рекламный образ, который надевает на себя известная для членов социума личность. Например, в рекламном тексте «Revlon» три четверти визуальной составляющей занимает известная модель С. Кроуфорд. При этом в вербальной части никак не упоминается этот образ. Поскольку новая линия косметики предназначена для прекрасной половины человечества, то подзаголовок содержит лишь вторичную номинацию **женщина** с наиболее обобщенным значением. Это позволяет потенциальному потребителю – любой женщине любой страны – на основе имплицитной пресуппозиции *С. Кроуфорд – настоящая женщина* и импликации *Если С. Кроуфорд использует данный про-*

дует и выглядит прекрасно, то я также включить механизм самоидентификации, когда рекламный образ соотносится с каждым конкретным потребителем. Имплицированная пресуппозиция, актуализируемая реципиентом, носит причинно-следственный характер и помогает представить рекламируемый объект через призму рекламного образа известной личности.

Стилистика рекламных дискурсов швейцарских часов «Longines» не меняется десятилетиями: двухчастная композиция, в которой левую часть занимает рекламный образ, а правую – изображение продукта рекламы. Мы наблюдаем лаконизм ахроматического изображения и цветное изображение часов. Вслед за элегантной актрисой О. Хепберн этот бренд представляет изысканная российская гимнастка А. Кабаева. Однако помещенный в другой контекст рекламируемый продукт приобретает ассоциации, связанные с интертекстуальностью моды. Смещения отдельных элементов дают новые интерпретации для прочтения текста.

Эксплицитная пресуппозиция, помещенная в тексте, значительно облегчает процесс декодирования структуры значения онима для реципиента. Журнал «Vogue» на последней странице обычно помещает рекламный текст под рубрикой *«Предмет желания»*. В такой рекламе обычно представлен продукт с актуализацией семы «принадлежность к определенному социальному слою». Этот продукт становится символом успеха, престижного потребления. Рекламу кожаные туфли с отделкой из кожи ската, «Vogue» (2010, № 6) так представляет их автора: «Победитель итальянского конкурса молодых дизайнеров *Who is on Next* Даниэле Микетти».

Итак, рекламный дискурс отбирает из фонового контекста онима релевантные пресуппозиции, каждая из которых связана с выявлением скрытых компонентов. Причем для каждого нового дискурса может быть релевантной иная пресуппозиция, отвлекаемая из фонового контекста одного и того же онима.

УДК 81'42

В.И. Карасик
Волгоград, Россия

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ МОДУСЫ ОБЩЕНИЯ

Статья посвящена описанию интерпретативных модусов общения в зависимости от степени коммуникативной точности дискурса. Последний может быть принципиально неточным, относи-

тельно точным и принципиально точным. Единицы указанных модусов определяются автором соответственно как эпиномы, эргономы и акрономы.

Ключевые слова: акрономы, дискурс, модус, эпиномы, эргономы.

Дискурс представляет собой многомерное образование. Общение может быть сориентировано на разную степень коммуникативной точности и, соответственно, может носить принципиально неточный, относительно точный и принципиально точный характер. Соответственно, выделяются интерпретативные модусы общения в зависимости от степени его коммуникативной точности.

Принципиально неточный дискурс имеет место в тех ситуациях, когда назначение общения состоит в поддержании контакта и выражении эмоций. Обмениваясь приветствиями, подтверждая свое участие в диалоге с помощью вербальных и невербальных знаков, коммуниканты не сообщают друг другу каких-либо сведений о мире, но фиксируют свои взаимоотношения с помощью этикетных клише. Такое общение получило в лингвистике и культурологии название фатической коммуникации.

Вместе с тем неточный дискурс выходит за рамки поддержания контактов в тех случаях, когда один из его участников намеренно или помимовольно изъясняется неточно. Такого рода общение предполагает активное использование указательных знаков. Это может быть жестовая указательность или дейктическое слово. В особых ситуациях это может быть развернутая речь, в которой не содержится никакой информации.

Единицы неточного дискурса предлагается называть **эпиномами** (греч. *эпи-* «над, на поверхности», ср. *эпицентр*; *ном-* «закон»). Эпиномы распадаются на два типа – диктальные и модусные. Диктальные эпиномы отвечают потребностям приблизительной номинации [1]. В обиходном общении нет необходимости точно обозначать многие объекты, достаточно указательных характеристик. Речь идет о словах с размытой семантикой, часто с субъективным осмыслением: *Да она такая россамаха, вечно документы теряет!* В эпиномном общении слово «россамаха» радикально меняет смысл и обозначает не хищного зверя, а неряшливого, неорганизованного человека. Особенность таких словоупотреблений состоит в их активном фоносемантическом осмыслении.

Модусные эпиномы отличаются размытостью семантики и гипертрофированной эмоциональностью. В качестве прототипных единиц этого подкласса выступают междометия, которые не назы-

вают объект, а характеризуют отношение к нему. Модусные эпиномы используются на сокращенной дистанции общения. Например: *Ну ты что, вообще? Пряма как этот! Я улетаю!*

Нетрудно заметить, что жаргонизмы и вульгаризмы, которые служат для интимизации общения, выступают в качестве знаков неточного дискурса.

Эпиномам, единицам принципиально неточного дискурса, противостоят знаки относительно точного общения, их предлагается называть **эргономами** (греч. эрго- «работа, инструмент»), и знаки принципиально точного общения – **акрономы** (греч. акро- «вершина»).

Эргономы представляют собой основную часть знаков обиходного дискурса, они используются в повседневном и институциональном общении, значения этих слов зафиксированы в словарях и должны быть известны всем носителям языка. Граница между эпиномами и эргономами носит нечеткий характер. Эргономы являются нормой фиксации общепринятых смыслов. Как эпиномы, так и эргономы используются в обыденном (рутинном) общении. Но для общения, направленного на поиск новых смыслов, существуют акрономы.

Специфика точного дискурса состоит в том, что его участники стремятся к определению вещей, выходящих за рамки обиходного опыта. Закономерно поэтому, что акрономный дискурс требует усилий. Эту специфику точного общения метко определил известный отечественный языковед А.М. Пешковский: «Дикари просто говорят, а мы все время что-то пытаемся сказать».

Можно определить основные коммуникативные сферы, в которых требуется точность общения: художественный, научный и документный текст. Не случайно использую слово «текст» – акрономный дискурс выражается в текстах, чаще письменных, чем устных.

Специфика художественной точности лежит в символически насыщенном образе, требующем усилий для его понимания и допускающем множественное толкование, при этом такой образ запоминается и перестраивает ценностную систему адресата.

Точность научного общения состоит во множественной характеристике рассматриваемого явления. Прототипным жанром таких точных характеристик выступают научные дефиниции.

Существует также коммуникативная точность документа, состоящая в строгом соответствии данного текста документообразующим признакам. Жанровый канон в его содержательных и формальных границах характеризует точность документного текста.

Подведем основные итоги. По признаку коммуникативной точности можно выделить три интерпретативных модуса дискурса – принципиально неточный, относительно точный и принципиально точный. Первый тип, обеспечивая контакт между коммуникантами, имеет нулевую коммуникативную точность; второй тип в его личностном бытовом или институциональном вариантах подчинен императиву уместности и поэтому относительно точен; третий тип сориентирован на достижение максимальной точности смыслов - художественных, философских, документальных.

Неточный дискурс тематически ограничен, реализуется посредством сокращенного кода, обладает высокой предсказуемостью содержания высказываний, тяготеет к указательности и использованию заместительных выражений, проявляется в виде плавной спонтанной устной речи и может быть закрыт для посторонних.

Точный дискурс тематически неограничен, требует развернутого кода, характеризуется низкой предсказуемостью содержания высказываний, нацелен на поиск точных обозначений, проявляется в виде осложненной речи и открыт для посторонних. В обиходных ситуациях точный дискурс не востребован, и его доля в совокупной коммуникативной практике человечества относительно мала, но его значимость огромна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сахно С.Л. Приблизительное именование в естественном языке / С.Л. Сахно // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 29-36.

УДК 810.5

А.В. Олянич
Волгоград, Россия
Е.В. Устинова
Самара, Россия

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТОВОЙ КАТЕГОРИИ КВОТАЦИОННОЙ МАНИПУЛЯТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена описанию лингвопрагматической (текстовой, дискурсивной) категории квотационной манипулятивности как феномена политической коммуникации. Устанавливается ее статус как элемента политического вербального воздействия, рассматриваются выполняемые функции, строится типология цитат как элемен-

тов категории в зависимости от степени реализации их воздействующего потенциала.

Ключевые слова: квотационная манипулятивность, политическая коммуникация, цитата, лингвопрагматическая категория, прецедентный текст, дискурс.

Лингвистика сегодняшнего дня не может не реагировать на флуктуацию институциональных способов воздействия на социум: как отмечает А.А. Распаев, «в ситуации интенсивного и непрерывающегося воздействия потока информации на человека и общество, а значит, и взаимного воздействия продуцентов этой информации друг на друга, сформировался интерес к механизмам и анализу последствий такого, главным образом, политического воздействия. Современное мировое сообщество оказалось в центре массивного вербально-визуального институционального воздействия со стороны, что привело к тотальной политизации социальных отношений и коммуникативных процессов в социуме» [1, с. 3]. Среди таких способов наше внимание привлекло использование в целях воздействия цитаты и цитирования как вербальных элементов особой лингвопрагматической категории – *категории квотационной манипулятивности*.

Впервые на данную категорию обратил внимание известный североамериканский политолог и лингвист Чарльз де Лантшиер. Наблюдая за тем, как спичрайтеры президента Джорджа Буша-старшего при составлении серии его газетных и телевизионных обращений к нации стремились закамуфлировать цели военной операции «Буря в пустыне» многочисленными ссылками на исторические, политические и военные авторитеты, а также цитатами из их произведений или публичных высказываний, он, в частности, писал: *«Quotation has become today a means of public opinion manipulation. It is absolutely vivid, no need to seek any reason to argue against. We all are one big target of quote arrows, just be aware, guys: the President's has got a dead-eye and a steady hand. He shoots with one hand and keeps a book of quotations in the other forgetting not to pull the string of a horrified taxpayer' week soul»* («Цитата сегодня превратилась в орудие манипуляции общественным мнением. Это абсолютно очевидно, нет нужды искать причины уверять в обратном. Мы все одна большая мишень для цитатных стрел; просто, граждане, будьте уверены – у президента меткий глаз и твердая рука. Одной рукой он бьет в цель, держа в другой сборник цитат, не забывая при этом дергать за струны слабой и испуганной души налогоплательщика»)

[2, с. 306].

Рассмотрев манипулятивный потенциал использованных цитат в речах президента, проанализировав их семантику и оценив их воздействующий потенциал, привлекая оценки множества информантов из числа обывателей и элиты американского общества того времени, Ч. де Ландшиер оценил этот феномен как социолингвистический, соотнес его с текстовыми категориями и терминологизировал, назвав *quote manipulation category* (англ. quote – цитировать), при этом исследователь так сформулировал свое понимание квотационной манипулятивности: «*Quote manipulation category is by all means a text category; it can be defined as an intentional lingua-social, semantic and rhetoric instrument of a political power agent to use some well-known authoritative personality's judgment with the aim to construct public opinion in the way which might perfectly fit his political or economic interest*» («Категория квотационной манипулятивности представляет собой, безусловно, категорию текстовую; это интенциональное лингво-социальное, семантическое и риторическое средство агента политической власти, которое есть не что иное, как суждение авторитетного и хорошо известного деятеля, используемое агентом власти для формирования общественного мнения в направлении, выгодном для самого агента в политическом или экономическом отношении») [2, с. 308].

Авторами данной статьи **квотационная манипулятивность** понимается как лингвопрагматическая (текстовая, дискурсивная) категория – феномен политической коммуникации, способствующий успешности вербального воздействия политических деятелей как институциональных субъектов на широкий социум для достижения целей обретения, укрепления и удержания власти. В лингво-семиотическом пространстве политической коммуникации категория квотационной манипулятивности получает текстовую (дискурсивную) реализацию внутри публичных речей политиков в виде «чужой речи», ранее продуцированной различными языковыми личностями и используемой в качестве эффектного и эффективного способа риторического (преимущественно вербального) воздействия на социум.

Лингвопрагматическая категория квотационной манипулятивности структурирована системой цитат – вербальных комплексов, представленных в политической коммуникации как прецедентные тексты с высоким воздействующим потенциалом, локализирующие приложение политической власти и поддерживающие сюжетную линию политического события. Цитаты выполняют функцию

воздействия как основную, вербально-риторической задачей которой является эффективная и эффектная аргументация суждения политического актора, высказываемого в публичной речи. Она поддерживается дополнительными функциями – *аттрактивной* (привлечение внимания социума как аудитории политического актора); *аксиологической* (оценка состояния социума в прошлом и настоящем); *прогностической* (предсказание будущего состояния социума и возникновения разнообразных социальных, политических, экономических и культурных ситуаций); *агональной* (негативная оценка политических действий и риторических актуализаций интенций институциональных конкурентов); *презентационной* (представление и самодемонстрация политических субъектов как «радетелей» за благосостояние социума).

В коммуникации североамериканских политических деятелей наиболее эффективное воздействие на публику оказывается, когда политики эксплуатируют цитаты, актуализирующие совокупность перечисленных функций. Это цитаты афористического характера, отрывки из Библии, литературных шедевров и разделы конституции США. Среди наиболее любимых президентами цитат зафиксированы следующие вербальные комплексы:

- 1) десять библейских заповедей (широко используются в контексте популистских речей, касающихся роли того или иного политика в моральном «оздоровлении» населения страны);
- 2) высказывания великих американских политиков о стране и народе Америки, вербализующие когнитивное наполнение социально значимых и эмотивно заряженных концептов «Война», «Поколение», «Выгода», «Демократия», «Принуждение», «Военная слава», «Труд», «Расовая дискриминация», «Рабство и Свобода», «Президентские полномочия» и др. для демонстрации преемственности своей политики политике «отцов-основателей» США;
- 3) цитаты из великих (классических) литературных произведений морализаторского и инспиративного характера; яркость и образность заключенных в них образов способствует эффективности рисунка политической речи (чаще всего эксплуатируются такие образы, как шекспировские афоризмы о лжи и изворотливости, коррупции, коммерции, храбрости, проблеме выбора, героизме и т.п., более всех прочих транспонирующиеся на североамериканскую политическую конъюнктуру);
- 4) цитаты-паремии, квотационная манипулятивность которых в политической коммуникации проявляется, прежде всего, как подкрепление властью юридически закрепленного (заведенного) по-

рядка соціальної життя на визначеній території, з котрим слідуеться считатися кождому, хто попадаєт в умовия існуювання на ній.

Актуалізація категорії квотаціонної маніпулятивності в політичеської комунікації осущєствляється при поміщи широкого примєнення образних средств, вєдушим из котрих являються тропи, основанні на номінаціях емотивного характера. Дискурсивная організація політичеського общєния обычно піддерживається разветвленної типологією цитат с різної степєнью реалізації вєздєйствующєго потенціала.

Типологізація цитат маніпулятивного характера в публичних рєчах сєвероамериканського політичеського істеблїшмєнта, як прєдставляється, можєт базироватися на слєдующих основаніях: тематический принцип; семантичєская конгруєнтність с темой публичної рєчї; принцип референції; принцип семиотическої точности / приблизительности; принцип саморефлексії; принцип когнитивної освоенности семантики цитаты соціумом; принцип критического отношєния к інформації.

С учетом даних принципів типологізації можно видєлєть цитаты-авторитативы, цитаты нечеткої референції, псевдоцитаты, автоцитаты, «народные» цитаты, цитаты-«объекты для критики».

ЛИТЕРАТУРА

1. Распаев А.А. Лингвосемиотическая категория театральности в англоязычном политическом нарративе : дис. ... канд. филол. наук / А.А. Распаев. – Волгоград, 2007. – 250 с.
2. Landsheer Ch. de. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach / Charles de Landsheer // Communication and Cognition. – 1991. – Vol. 24. – № 3/4. – P. 299–342.

УДК 811.161

О.Р. Петренко
Одєса, Україна

ПРОБЛЕМА ВИЗНАЧЕННЯ СТРУКТУРНИХ ТА СТИЛІСТИЧНИХ ОСОБЛИВОСТЕЙ САКРАЛЬНИХ ТЕКСТІВ

Українські колядки являють собою різновид сакральних текстів із календарними, сугєстивними та багатьма іншими функціями. Вони віддєзеркалюють архаїчну міфологічну структуру всєсвіту й, відповідно, відзначаються рисами сакралізації на рівні втіленої в мові символі-

ки, онімної й апелятивної лексики, фонетики та морфології.

Ключові слова: мова українських колядок, магія імені, архаїзація стилю.

Як правило, сакральний текст створюється за певного психологічного стану автора (аж до зміненого стану світомості – див. праці М. Еліаде, С. Грофа). У свою чергу, сакральний текст покликаний відчутно вплинути на психологічний стан реципієнта (спершу – учасника комплексного обряду, де слово виступає лише одним із компонентів синкретичного дійства, згодом – слухача оповіді й уже потім – читача). Справити враження й закарбуватись у пам'яті має не лише зміст, а й форма тексту, теж сакралізована (при тому рівень сакралізації поетичного тексту уявляється вищим, ніж прозового, тоді як у міфологічно-казковій оповідній прозі, форма якої варіативна, сакралізовані передусім стали мовно-міфологічні формули, що кристалізуються навколо імен божеств передусім у формі епітетів).

Сприйняття сакрального тексту для підсилення враження й загострення пам'яті відбувається зазвичай в умовах попередньо активізованих емоцій і пам'яті сприймачів (передусім за допомогою обряду, що може здійснюватися вночі, коли сприйняття гостріше, включати ритмічні танці, вживання спеціальних речовин).

У більшості випадків сакральні тексти стосуються релігійної сфери (яка в архаїчному суспільстві була універсальною). Це замовляння, заклинання (з метою відвернути певне явище або накликати його), загадки (первісно пов'язані з випробуванням при зміні суспільного статусу – вступі у шлюб або набутті нової соціальної функції), молитви, звернені до вищих сил, міфологічна історія про богів, перших людей і культурні відкриття тощо.

Нині ми знаємо сакральні тексти релігійно-магічної сфери у вигляді фольклорних записів (замовляння, чарівні казки, віршовані епоси, прозові легенди), оброблених і систематизованих фольклорних записів (фінська «Калевала», пор. відому спробу П.О. Куліша створити цілісний цикл дум «Україна»), канонізованих священних текстів різних релігій (індійські Веди, іранська Авеста, Біблія, Коран, буддистський канон), давніх поем, які у нащадків набули священного статусу (поеми Гомера). Нерідко один текст чи група текстів об'єднує різні перелічені типи: наприклад, серед ведійських текстів є і гімни на честь богів, і молитви до них, і зібрання заклинань, і описи обрядів.

Помилково думати, що тільки замовляння й молитви виконують прагматичну функцію, спрямовані на досягнення певного магі-

чного ефекту. Свою прагматику (з очікуванням магічного ефекту) має будь-який сакральний текст і кожний акт його виконання. Виконавці і слухачі (спершу виконавець і слухач в одній особі в комплексному обряді) уявляли, що процесом відтворення тексту (наприклад, піснею, що закликає весну) вони впливають на впорядкування світу собі на благо (пор. у М. Еліаде про кожний обряд як повторення першообряду). Наприклад, новгородські билини про Садка виконували, як сказано в самих текстах, *морю на утцишенье, людяма на послушанье* (підкреслено наголошені голосні).

У сучасній українській лінгвістиці дослідження сакральних текстів зосереджується майже виключно на християнській традиції. В.В. Німчуком здійснено виділення *конфесійного стилю мовлення*, відтак має бути визначене місце ширшого явища – *сакрального тексту* – у стилістичній диференціації. Уживано термін «українська сакральна мова» (Ю.В. Осінчук), досліджено низку тематичних груп української конфесійної лексики, як-от назви церковних чинів та посад (С.В. Бібла), релігійних свят (І.В. Бочарова), культових споруд (Н.В. Піддубна), богослужбових предметів (Н.В. Пуряєва), богослужбово-обрядову лексику (Ю.В. Осінчук).

На жаль, язичницьким реліктам сакральних текстів (як самим по собі, так і в контексті інших традицій світу) приділяють значно менше уваги (виняток становлять головним чином дослідження текстів замовлянь). Однак, на наш погляд, саме в цій галузі є значні перспективи отримати нову важливу лінгвістичну та, зокрема, лінгвопрагматичну інформацію, передовсім ту, що стосується реалізації магічної функції мови.

Сакральні тексти містять низку рис, яка сприяє їх запам'ятовуванню, з одного боку, і їх психологічному впливові, з другого боку, а саме:

- звукописні засоби, як-от алітерації, рима тощо;
- змістовий (психологічний, за О.М. Веселовським) і структурний (синтаксичний) паралелізм окремих частин речення й цілих речень;
- численні лексичні повтори;
- уживання однорідних членів речення;
- використання власних назв, особливо тих, яким надається сакральне значення (передусім імен божественних персонажів);
- застосування мовних засобів, що відрізняється від буденного мовлення (архаїчні вислови або окремі лексеми, слова або цілі фрази іншомовного походження, спотворені слова або висловлювання, штучно сконструйовані звукосполучення та ін.);

- спеціальна інтонація (монотонна, піднесена тощо).
УДК 808.2-3

Л.А. Петрова
Одесса, Украина

ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕФИНИЦИИ

В статье рассматриваются особенности реализации прототипической ситуации в структуре художественной дефиниции. Определяются референтные признаки, расширяющие диапазон стереотипных представлений о денотате.

Ключевые слова: художественный текст, художественная дефиниция, прототипическая ситуация.

В современных лингвистических исследованиях наметился ситуационный (или прототипический) подход, акцентирующий внимание на том, что значение слова реализуется через включение его в некоторую более объемную единицу – пропозицию, фрейм, схему, сцену, сценарий, событие, ментальную модель и т.п.

Г.И. Кустова считает, что основой семантического развития слова служит не столько исходное, базовое значение, сколько соответствующая прототипическая ситуация. Прототипическая ситуация представляется как информационный образ тех знаний о предмете, который хранится в языковом сознании. Обратимся к примеру исследователя, который помогает проиллюстрировать это понятие [1, с. 35–36]. Ситуация «(человек) сел на лошадь» интерпретируется как 'сел на спину лошади', хотя в словарях *сесть на лошадь* не толкуется как 'сесть на спину лошади'. Однако если муха села на лошадь, то она может находиться где угодно – на голове, на спине, на ноге. Чтобы интерпретировать выражение *сесть на лошадь*, человек должен знать, как ездят на лошадях. Если человек сел на поезд – он в вагоне, если птицы сели на поезд – они на крыше. Если кто-то покрасил дом синей краской, значит синие стены, а не крыша, если кто-то съел яйцо – он съел внутреннюю часть, а не скорлупу и т.п. Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что прототипическая ситуация – это когнитивная модель, включающая стереотипные знания о предмете или явлениях действительности.

В художественном тексте автор расширяет диапазон сложившегося стереотипа, вводя дополнительную информацию о денотате в виде художественной дефиниции. Художественная дефиниция может содержаться как в структуре основного текста, так и за его

пределами (сноска, примечание после произведения и т.д.).

Существительное *зимница*, мотивированное субстантивом *зима*, ориентировано на прототипическую ситуацию, которая предполагает знания носителя языка о субстанции, связанной с определенным временем года (ср. лексикографическое описание однокорневых синонимов *зимовище*, *зимовье*, *зимовка* – «место или помещение, где *зимуют*, живут или останавливаются *зимой*»). В Словаре В.И. Даля данная лексема зафиксирована в двух омонимичных формах: *зимница*¹ ярсл. «ледник» и *зимница*² сиб. «шерсть, снятая с овец зимою».

Поскольку данная лексема имеет ограниченную сферу распространения, использующий ее А. Печерский в романе «В лесах» семантизирует соответствующее понятие, привлекая различные способы репрезентации значения. В первую очередь, называются денотативные признаки, определяющие локальную характеристику предмета. Автор вычленяет интегральные компоненты на основе функциональной значимости (*Зимница – где после целодневной работы проводят ночи лесники*) либо сопоставления с подобными предметами. На языковом уровне вторая часть пояснительного механизма представлена идентифицирующим предложением номинативного тождества (*Зимница – большая четырехугольная яма*).

Актуализация детерминантного признака обуславливает необходимость качественных характеристик, которые подаются путем перечисления (ср.: *и окно, и дверь, и дымволок заменяются одним отверстием; среди зимницы обыкновенно стоит сбитый из глины кожур либо вырыта тепленка, такая же, как в овинах; вот и вся обстановка зимницы, черной, закоптелой*), отрицания (ср.: *в зимнице пола нет; окон в зимнице не бывает, да их и незачем*), противопоставления (ср.: *в зимнице пола нет, а потолок накатной, немножко сводом; вот и вся обстановка зимницы, черной, закоптелой, но теплой, всегда сухой и никогда не знающей, что за угар такой на свете бывает*), последовательного описания интегральных признаков 'отверстие' (ср.: *Дым из тепленки, поднимаясь вверх струями, стелется по потолку и выходит в единственное отверстие зимницы*), 'нары' (*против этого отверстия внизу приделаны к стене широкие нары*), 'стол', 'скамья', 'стулья', 'очаг' (*В переднем углу, возле нар, стол для обеда, возле него переметная скамья и несколько стульев, то есть деревянных обрубков. В другом углу – очаг с подвешенными над ним котелками для варева*).

Прототип места детерминирует количественные признаки размера: *большая яма, аршина в полтора, либо в две глубины. В*

нее запущен бревенчатый сруб, а над ней, поверх земли, выведено венцов шесть-семь сруба; оно <окно> прорублено вровень с землей, в аршин вышины.

Дифференциальный признак мотивирующего слова *зима*, указывающий на время года, не сужает границы прототипической ситуации. В художественной дефиниции он соотносится с семантикой темпоральных лексем, конкретизирующих время суток. Временная составляющая представлена антонимичными парами *день – ночь; утро – сумерки; от (ранней) зари до (поздней) зари; обед – ужин*: *«Люди там бывают только ночью, дневного света им не надо, а чуть утро забрезжит, они уж в лес лесовать и лесуют, пока не наступят глубокие сумерки <...> И живут они в своей мурье месяца по три, по четыре, работая на воле от зари до зари, обедая, когда утро еще не забрезжило, а ужиная поздно вечером»*. Антонимичная парадигма создает впечатление повторяемости, незаблестности временного круга.

Расширение информационного поля происходит за счет включения в толкование прагматических смыслов, знаний, основанных на личном опыте автора. В анализируемой художественной дефиниции коннотативный компонент представлен авторской оценкой-резюме: *«Непривычный человек недолго пробудет в зимнице, а лесники ею не нахвалятся: привычка великое дело»*.

Интересно отметить, что формирование художественной дефиниции допускает включение промежуточных определений. Например: *дымволок, или дымник, – отверстие в потолке или в стене черной избы для выхода дыма. Переметная скамья – не прикрепленная к стене, так, что сбоку приставляется к столу во время обеда. Кожур – печь без трубы, какая обыкновенно бывает в черной, курной избе*. Все это отражает стремление автора создать наиболее полный и достоверный художественный образ, с одной стороны, а с другой, – координирует мыслительные операции читателя в условиях смоделированной художественной картины мира.

Таким образом, в структуре художественной дефиниции происходит расширение прототипической ситуации, обусловленное интенцией автора передать дополнительную информацию о денотате, создать образ, максимально приближенный к реальной обстановке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г.И. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
2. Мельников П.И. (Андрей Печерский). В лесах. – В 2-х кн. – М. : Прав-

да, 1987.

3. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г.Г. Слышкин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 46–51.

УДК 81'373:303.446.2

М.В. Пименова
Кемерово, Россия

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ МЕНТАЛЬНОСТИ

В статье формулируются базовые понятия для понимания ментальности – менталитет, национальная ментальность, языковая ментальность. Доказывается необходимость изучения ментальности в неразрывном единстве с изучением языка и культурного контекста.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, культура.

Проблемы ментальности и ее отражение в языке и речи находятся в центре внимания исследователей [2; 3; 5; 6; 7; 8]. Первоначально ученые рассматривали связь языка и мышления (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ), затем обратились к «логическому анализу языка» (Н.Д. Арутюнова), позже ментальность была выделена как самостоятельная научная проблема (В.В. Колесов). До сих пор нет общего определения терминов *менталитет* и *ментальность*. Менталитет «в своих признаках есть наивно целостная картина мира в ее ценностных ориентирах, существующая длительное время, независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования» [3, с. 15]. А ментальность это – «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных проявлениях» [3, с. 15].

Считается, что мы живем под одним небом, нам светит одно солнце и одинаковые звезды, однако мир разные народы описывают совсем не похоже: и небо, представляющееся в английском языке объемным (*in the sky*), а в русском и объемным (*высоко в небе*), и

имеющим поверхность (*на седьмом небе*), и звезды, которые в русском концептуализируются признаками алмазов (*небо в алмазах*), а в английском – падающие звезды концептуализируются признаками пули (*shooting star* «метеор, падающая звезда»), они же в русском – признаками душ (*вон чья-то душа полетела на землю* «о падающей звезде»). Как пишет А. Вежбицкая, «только надежно установленные языковые универсалии могут дать солидную основу для сопоставления концептуальных систем, закрепленных в различных языках, и для объяснения значений, закодированных в одних языках (или в одном языке) и не закодированных в других» [1, с. 46].

Еще Г.В. Лейбниц предлагал концепцию «алфавита человеческих мыслей»: «хотя количество понятий, которые можно себе мысленно представить, бесконечно, возможно, что весьма невелико число таких, которые мысленно представимы сами по себе; ибо через комбинацию весьма немногих элементов можно получить бесконечное множество. <...> Алфавит человеческих мыслей есть каталог тех понятий, которые мысленно представимы сами по себе и посредством комбинаций которых возникают остальные наши идеи» [10, с. 430].

Знания человека об окружающей действительности и способ, которым он классифицирует мир, выражены в его языке; с другой стороны, «язык – единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре» [4, с. 8]. Исследование языка сближается с исследованием когний (процедур, связанных с приобретением, хранением, передачей и выработкой знаний). Как пишет Г.В. Лейбниц, «языки – это поистине лучшее зеркало человеческого духа и <...> путем тщательного анализа значения слов мы лучше всего могли бы понять деятельность разума» [9, с. 338].

Определить этноспецифику ментальности народа возможно двумя основными способами: обращаясь к данным одного языка в аспекте диахронии, а также в сопоставлении одного языка с другим. Особый интерес вызывают вопросы национально-специфических прототипов, категорий и культурных реалий. Национальная ментальность формируется конкретными факторами материальной среды бытования этноса (речь идет о природе и климате, пище, пейзаже, уровне природной и социальной адаптации в среде).

В существующих по данной проблеме работах *менталитет* трактуется как уровень индивидуального и общественного сознания (А.Я. Гачев), основа образа жизни (В.С. Барукин), совокупность

взглядов, мнений, стереотипов, форм и способов поведения (А.В. Петровский), человеческая активность, объективированная в памятниках культуры (В.В. Колесов), характер интеллекта (Вебстер).

То, что существует и адаптируется в языке, соответствует ментальности народа. В языке ассимилируются только те знания, которые совпадают с существующей в нем понятийной сеткой. Говорить о языковой ментальности можно, только проникнув в суть духовного пространства языка. Г.Г. Почепцов определяет *языковую ментальность* как «соотношение между некоторым участком мира и его языковым представлением. <...> Под миром в определении языковой ментальности мы понимаем не только окружающий человека мир, но и мир, создаваемый человеком и нередко в большей части своего объема прекращающий свое существование, когда исчезает его создатель и носитель – человек, т.е. мир речевых действий и состояний» [8, с. 111]. Существуют разные определения термина *ментальность*. А.Я. Гуревич [2, с. 9] под *ментальностью* понимает не сформулированные явно, не высказанные эксплицитно, не вполне осознанные культурные установки, общие ориентации и привычки сознания, «психический инструментарий», «духовную оснастку» – уровень интеллектуальной жизни общества. Иначе определяет этот термин В.В. Колесов: «Ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» [3, с. 15]. «Ментальные архетипы складывались исторически, по определенным, генетически важным принципам, которые и следует описать» [3, с. 15].

Каковы задачи исследования ментальности? «История ментальностей претендует на установление способов мировосприятия, присущих самым разным членам общества. <...> Историк ментальностей стремится за прямыми сообщениями текстов обнаружить те аспекты миропонимания их создателей, о которых последние могли невольно «проговориться». «За «планом выражения» он ищет «план содержания». Он хочет узнать об этих людях и об их сознании то, о чем сами они, возможно, не догадывались, проникнуть в механизм этого сознания, понять, как оно функционировало и какие пласты в нем были наиболее активны» [2, с. 10].

Рассматривать ментальность народа в отрыве от изучения языка и культурного контекста невозможно, это взаимосвязанные,

взаимозависимые и взаимообусловленные явления. Категории культуры накладывают свой отпечаток на сознание носителя языка, что обязательно находит свое отображение в языке. Категории культуры – это «некоторая сетка координат, наложенная на живую, пульсирующую и изменяющуюся действительность» [2, с. 11]. Изменения в обществе, особенно это касается изменений в религии, морали и повседневной жизни, влияли на то, что некоторые категории культуры переосмыслились, причем кардинально. Особенно это заметно при сопоставлении культур одного народа в разные эпохи или при сопоставлении культур разных народов. Так, в древнерусской культуре категория смерти не включала понятий ада (пекла), которые были привнесены в нее христианством. Душа, по древним представлениям русских, попадала на *тот свет* вместе с дымом погребального костра. Сейчас земля ассоциируется со смертью, именно в ней покоятся тела умерших. А в китайской культуре о категории смерти Лао-цзы сказал так: «Откуда мне знать – быть мертвым здесь не означает ли быть живым там?». То есть такие далекие культуры, как русская и китайская, имеют общее представление об ином мире, куда человек попадает после смерти. Различие восприятия смерти в истории русской культуры проявляется в заимствованных воззрениях о посмертном наказании и страдании, чего не было в русских дохристианских религиозных системах.

Ментальность народа отображена в системе языка. Языковая ментальность бывает двух типов: «лексическая и грамматическая. Языковая ментальность лексического типа отражена в лексико-семантической системе. Особенности языковой ментальности грамматического типа определяется локальным, темпоральным и другими фокусами представления мира. Данные фокусы представления мира закреплены в первую очередь в грамматической системе (в системе времен, категории числа, категории рода и т.д.)» [8, с. 111].

В отечественной лингвистике появились работы, в которых обобщаются основы национальной ментальности, которая закрепляется в словесном знаке и фактах языка, а познание, как известно, осуществляется в языке и через слово. Собственный внутренний мир человек исследует и описывает в первую очередь при помощи языка [3].

Ментальность – обратная сторона картины мира народа, представляющая собой систему категорий и субкатегорий, т.е. понятийную сетку, с помощью которой носители языка воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их языковом сознании. Категории, образующие картину мира, составляют

основной когнитивный инвентарь культуры, потому что они запечатлены в языке, образуя его каркас. Человек мыслит о мире так, как «подсказывает» ему язык. Мыслить всем приходится в тех категориях, которые существуют в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 288 с.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
3. Колесов В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
4. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XXIII. - Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – С. 12-51.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология : [учебное пособие] / В.А. Маслова. – М. : Academia, 2001. – 204 с.
6. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2004. – 386 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).
7. Пименова М.В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе / М.В. Пименова // Ментальность и язык : коллективная монография / [отв. ред. М.В. Пименова]. – Кемерово : КемГУ, 2006. - С. 16-61. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 7).
8. Почепцов Г.Г. Языковая ментальность: способы представления мира / Г.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. - № 6. – С. 110-122.
9. Leibniz G.W. New Essays on Human Understanding / Trans. P. Remnant and J. Bennett. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981.

УДК 81'1:811.161.2'271:61

Е.А. Пономаренко
Симферополь, Украина

РЕАЛИЗАЦИЯ ЖАНРА ПРОСЬБЫ В УСЛОВИЯХ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (на материале произведений писателей-врачей)

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности речевого жанра просьбы, отмечается экстралингвистическая обусловленность динамики жанра, описываются языковые средства, маркирующие данный речевой жанр.

Ключевые слова: речевой жанр, просить, просьба, мольба.

«При анализе коммуникативных предпочтений эпохи целесобразно обращаться к тем жанрам, которые, претерпевая модификации, живут долго или даже являются коммуникативными константами» [4, с. 264]. Предметом анализа в данной работе является один из таких жанров – речевой жанр (РЖ) *просьбы*.

В современной лингвистике глагол *просить* традиционно истолковывается с помощью «общей для всех *просьб* ассерции '*X говорит, что он хочет, чтобы Y сделал P*', которая может иметь два типа пресуппозиций. Пресуппозиции типа 1 характеризуют отношение X-а к P. Пресуппозиции типа 2 отражают то, как в сознании X-а связываются между собой Y и P: (1) *X хочет, чтобы было P*; (2) *X считает, что Y может сделать, чтобы было P*; (2') *X не считает, что Y обязан делать P*» [2, с. 127; 1, с. 214].

Исследователь русской картины мира А.А. Зализняк дополняет компонент (2'), усиливая его до «*X считает, что Y не обязан делать P и хочет, чтобы Y знал, что X так считает*' и (2'') '*X знает, что Y не хочет делать P или Y-у трудно сделать P*'. Кроме того, просящий неизбежно оказывается «в положении просителя», т.е. в положении несколько униженном, *просьба* – это обращение «снизу вверх» [3, с. 283].

Анализ научных воззрений позволяет установить, что приемлемым для нашего исследования представляется толкование слова *просить*, семантическая структура которого такова: (1) *X хочет, чтобы было P*; (2) *X считает, что Y может сделать, чтобы было P*.

Размышляя в русле концепций Ю.Д. Апресяна и М.Я. Гловинской, считаем необходимым расширить утверждение (2) до *X считает, что Y может и обязан сделать, чтобы было P*. При этом отметим, что позиции (2') '*X знает, что Y не обязан делать P*' и (2'') '*X знает, что Y не хочет делать P или Y-у трудно сделать P*', сформулированные А.А. Зализняк, предполагают вероятность *отказа* и не могут быть применимы в условиях речевого взаимодействия врача и пациента, поскольку отказ доктора от выполнения своих профессиональных обязанностей противоречит моральным и этическим принципам, зафиксированным в этическом кодексе врача.

Представленные научные рассуждения дают основание полагать, что речевой жанр *просьбы* не может являться частотным в сфере медицинского дискурса (пациент не должен *просить* об оказании ему медицинской помощи, поскольку реагировать на жалобу заболевшего – прямая профессиональная обязанность врача). Дан-

ное положение подтверждается сравнительно небольшим количеством текстовых фрагментов, содержащих речевой жанр *просьбы*.

РЖ *просьбы* в основном представлен в художественных произведениях советских писателей-врачей (Н.М. Амосова, Ю.З. Крелина, Ф.Г. Углова), в то время как в рассказах авторов конца XIX – первой трети XX веков (А.П. Чехова, В.В. Вересаева, М.А. Булгакова) наблюдается употребление речевого жанра *мольбы*, который, по мнению Т.В. Шмелевой и Т.Ф. Терских, трактуется как жанровая разновидность *просьбы*.

«Переход» от *мольбы* к *просьбе* в произведениях писателей-врачей советского времени не является случайным. Он обусловлен рядом экстралингвистических причин, к которым следует отнести, прежде всего, смену экономической формации (укрепление социалистического строя), которая привела к разрушению религиозных устоев общества. В этот исторический период доктора перестали воспринимать как спасителя, наделив его качествами «обычного» человека, грамотно выполняющего свои профессиональные обязанности.

Во-вторых, это изменение образа языковой личности самого адресанта. В результате развития технического прогресса в советское время любой человек мог получить высшее образование, а следовательно, мог оценить и состояние своего здоровья. В таком положении просьба о помощи иногда не представлялась актуальной.

В-третьих, это унификация форм выражения *просьбы* (употребление перформативных и императивных конструкций), которая продиктована отсутствием достаточного времени для общения врача и пациента.

Реализация речевого жанра *просьбы* в произведениях писателей-врачей советской эпохи осуществляется в ситуации вынужденности, вызванной ограничением в возможностях адресанта. Вербальное оформление такой ситуации представлено с учетом важности для говорящего того дела, которое должен совершить адресат (избавить говорящего от физического недуга). В этом случае адресант стремится построить свое высказывание таким образом, чтобы оно как можно более эффективно воздействовало на собеседника. В обращении к реципиенту используется наиболее частотный эксплицитный способ выражения просьбы – формула «*Я прошу вас + инфинитив*».

Ориентированная на значительность услуги, данная языковая структура часто снабжается интенсификаторами вежливости. Ср.:

На топчане сидела старушка. Маленькая, сухонькая, с довольно бессмысленным выражением лица. Рядом сидел старичок. – Доктор, я вас очень прошу оставить мою жену в больнице. Вот ее снимки (Крелин. От мира сего).

Наряду с перформативной структурой выступает также одноактная форма императивного высказывания с ядром – повелительным наклоном глагола. Ср.: – *Профессор, сейчас оперируют моего мужа. Помогите его спасти!* (Углов. Сердце хирурга). Тяготение к одноактным способам выражения просьбы – закономерная тенденция к употреблению наиболее рациональных и кратких для целей коммуникации языковых единиц, что соответствует стремлению современного социума к увеличению информативности текста за счет его минимализации.

Как правило, в условиях речевого взаимодействия врача и пациента прямой отказ представляется нежелательным, и адресант в случае нестандартной ситуации (например, общение вне медицинского учреждения) все же предполагает возможность отказа. Несмотря на это, он вербализует интенцию просьбы, прибегая к косвенному ее выражению с помощью вопросительной конструкции, содержащей компонент *не могли бы вы ...*, который воспринимается как этикетная формула вежливости: – *Лариса Борисовна, простите меня, пожалуйста, я знаю, вы хирург, я в следующей сотне стою, за вами. У меня в животе появились боли непонятные. Не могли бы вы меня посмотреть?* (Крелин. Очередь).

Таким образом, результаты анализа динамики данного речевого жанра свидетельствуют об использовании в речи говорящего привычных, устойчивых способов выражения, не требующих дополнительных усилий и времени на обдумывание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2. – 757 с.
2. Гловинская М.Я. Русские речевые акты и вид глагола / М.Я. Гловинская // Логический анализ языка. Модели действия. – М. : Наука, 1992. – 166 с.
3. Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
4. Орлова Н.В. Культурная обусловленность динамики жанра (на материале советов в журнальных публикациях разных эпох) / Н.В. Орлова //

Н.А. Сегал
Симферополь, Украина

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СМЫСЛЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье исследуется специфика функционирования слов с пространственной семантикой, моделируются бинарные оппозиции, на основе которых формируется категория «пространство» в политическом тексте.

Ключевые слова: *политический дискурс, политический текст, бинарные оппозиции.*

В лингвистических исследованиях последних десятилетий активно обсуждаются проблемы концептуализации пространства в сознании человека с целью выявления ключевых языковых единиц, функционирующих в политической и социальной сферах его деятельности. Лингвисты отмечают, что пространственные значения становятся первоосновой языковых средств в процессе номинации: восприятие пространства является одним из первых проявлений познания мира человеком. Актуальность предлагаемой работы заключается в необходимости описания механизмов языковой репрезентации пространства и его переосмысления, в определении специфики функционирования слов с пространственной семантикой в политическом тексте.

В работах Н.Д. Аругюновой, В.Г. Гака, О.П. Ермаковой, И.М. Кобозевой, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, Е.А. Селивановой, Ю.С. Степанова, Г.М. Яворской и др. предлагаются важные для лингвистики концепции.

1. Пространство имеет антропоцентрическую ориентацию. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр микро- и макрокосмоса.

2. Пространственные отношения отражают координацию объектов, с которыми сталкивается человек, воспринимающий объективную реальность.

3. Пространственный фрагмент языковой картины мира включает набор разноуровневых языковых средств репрезентации содержательных компонентов концептуальных оппозиций.

Эти положения тесно связаны с известными научными идеями Ю.М. Лотмана о текстовом и семиотическом пространстве: вся-

кая модель культуры и языка может быть описана в пространственных понятиях и терминах [3].

С целью описания коммуникативно-прагматического содержания политического текста в работе рассматривается ряд бинарных оппозиций, обусловленных архетипическими представлениями человека о мире. Под оппозицией принято понимать объединение двух различных объектов, «связанных таким образом, что мысль не может представить один, не представив другой. Единство оппозитивных членов всегда формируется при помощи понятия, имплицитно содержащего оба противочлена и разлагающегося на эксплицитную оппозицию, когда оно относится к конкретной действительности» [4, с. 136]. Выявление содержания и структуры концептуальных оппозиций *верх/низ, начало/конец, вперед/назад, правый/левый* через систему средств их вербальной репрезентации в политических текстах и является целью работы.

При описании оппозиций необходимо исследование не только концептуального содержания слова, но и, что очень важно, его валентностного семантического потенциала. На наш взгляд, это обусловлено тем, что номинативное поле ключевого слова «пространство» объемно и обладает высокой степенью номинативной плотности, а значит, вербализация данной единицы будет представлена разнообразными парадигмами. Этот факт свидетельствует о релевантности репрезентантов пространственных единиц в языковой картине мира. Анализ показал, что категория «пространство» является основой реализации в политическом тексте ассоциативно-прагматического потенциала ключевых слов, представляющих текст на основе горизонтального (*путь, дорога, тропа, тропинка, стезя, колея и др.*) и вертикального (*гора, вершина, пик, пропасть, обрыв и др.*) векторов. Механизмы актуализации концептуального содержания пространственных единиц в политических текстах определяются специфическими прагматическими установками языкового сознания носителя языка.

Для характеристики явлений и отношений, принадлежащих не физическому, а политическому и социальному пространству, в текстах выявляются топологические оппозиции, построенные на основе горизонтального и вертикального векторов.

Так, в политическом тексте оппозиция «*верх/низ*» может реализовываться как с помощью словосочетаний с пространственной семантикой *идти в гору / катиться под гору*, так и с помощью конечных точек вертикальной оси (*вершина, пик / пропасть, яма*). При этом активность субъекта и его продвижение вверх сопровождается

позитивной коннотацией, а его пассивность и движение вниз – негативной коннотацией: *Страна уже набрала хороший разбег, но этот разбег может привести как на гору, так и в пропасть. Если появится правильная стратегия и видение, если появится правильное лидерство, то страна, безусловно, серьезно поднимется в гору* (<http://www.rudenko.kiev.ua>, 07.06.2009). При погашении архисемы ‘пространство’ в таких контекстах происходит значительная реконструкция семной структуры рассматриваемых единиц. Политическая семантика лексической единицы «гора» возникает в результате актуализации таких сем, как ‘цель’, ‘желаемый результат’. Под воздействием контекста лексема «пропасть» актуализирует семы ‘нежелательный результат’, ‘провал’. За счет противопоставления в политическом тексте лексических единиц *гора – пропасть* актуализируется оценочный компонент: гора (‘цель’) – это хорошо, пропасть (‘провал’) – это плохо.

Значимой оппозицией становится *«открытость/закрытость»* политического пространства. Открытая *дорога* представляется как цель, к которой стремится каждое государство или политический деятель: *К реформе ОБСЕ дорога открыта* (Российская газета. Федеральный выпуск № 3942 от 3 декабря 2008).

Закрытая *дорога* является стимулом, побуждающим к принятию конкретных решений: *... предложение отменить НДС – абсурдно. Хотя бы потому, что без НДС нам закрыта дорога в ЕС* (<http://www.partyofregions.org>, 14.01.2008). Семантика «закрытости» пространства реализуется лексическими единицами *тупик, тряси́на, пучина, ловушка, западня, капкан*, а также конструкциями с расширенными контекстами: *демократический капкан, налоговый капкан, чеченский капкан, западня для НАТО, политическая ловушка, финансовая тряси́на и др.* Как показал контекстный анализ, политическое пространство, как правило, характеризуется закрытостью при несогласованности целей и направлений в политической деятельности, при отсутствии взаимопонимания и компромисса: *Политический процесс в Абхазии зашел в тупик, мировая экономика в западне, страна скатывается в пучину общественно-политического кризиса, ловушки антисоветизма.* При реализации семантико-концептуального содержания слов с пространственными компонентами выявляется динамика ценностных ориентиров аксиологической шкалы.

Таким образом, украинский политический дискурс отличается спецификой интенционального содержания, многополярностью и многовекторностью. Изменение семантики слов проходит не только

на денотативном, но и на коннотативном, прагматическом уровне, где лексемы с пространственной семантикой приобретают новые семантические признаки. Эти признаки способствуют реализации метафорических значений в лексических единицах текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. Пространство вне пространства / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств : сборник статей / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 127–135.
2. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств : сборник статей / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 84–93.
3. Лотман Ю.М. Семиотика пространства / Ю.М. Лотман // Избранные статьи : в 3-х т. – Таллин, 1992. – Т. 1. – С. 386–472.
4. Новиков Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982 – 272 с.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.

УДК 81'373.237:811.512.122

Г.Н. Смагулова
Алматы, Казахстан

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ОХОТНИЧЬЕГО ИСКУССТВА В КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются исторические и духовно-материальные артефакты казахской культуры, связанные с охотничьим искусством. Исследуются традиции охоты с ловчей птицей и их представление в словесном искусстве казахского народа.

Ключевые слова: *лексические единицы, этническая культура, охотничество, охота с ловчими птицами.*

Многовековой уклад жизни кочевников, мигрировавших по бескрайним степям Евразии, их широкий духовный простор, миропонимание, мечты и чаяния имеют свои характерные особенности. Одним из главных источников формирования казахского народа как этноса, его национальной самобытности, отличающей его от других народов, является культура, которая возникла вместе с народом, росла с ним, менялась с течением времени и продолжает развиваться. Казахская культура, начиная с древнейших времен, прошла все

этапы формирования этнического коллектива – род, племя, улус, народ.

По мнению академика А. Кайдара, «культура» есть «много-сложное понятие, которое, начиная с индивидуальных качеств и свойств личности, охватывает присущие всему народу менталитет, веками формировавшиеся национальное сознание и мировоззрение, обычаи и традиции, духовно-материальное богатство» (перевод мой – Г.С.) [1, с. 13].

В широком понимании культура является способом существования, передаваемым из поколения в поколение, ядро которого составляет система традиций и обычаев, обеспечивающих эту наследственную преемственность. В древние времена, когда не было письменности, культура заключалась в обрядах, верованиях, пророчествах и т.д. Древние обычаи и приметы следует расценивать не как архаизмы или примитивизмы, а как архетипы современных национальных культур. «Разделяясь на материальный и духовный виды, культура проявляет ментальность своей внутренней сущности. Потому что окружающие человека предметы и среда есть лишь внешнее проявление культуры, истинная ее суть заключается в опредмечивании духовности в результате человеческой деятельности» (перевод мой – Г.С.) [2, с. 416]. Вообще культура как постоянное духовное совершенствование и всестороннее развитие человека основывается на искусстве, посредством которого преобразуется окружающая его среда и внутренний духовный мир.

Охота как самый древний и первый способ добычи человеком пропитания со временем стала профессией и до конца средневековья являлась одной из главных форм ведения хозяйства. Историческая правда заключается в том, что для казахского народа, в период кочевничества придерживавшегося традиций охоты и ловли животных, этот вид деятельности со временем превратился в традиционное искусство, имеющее глубокие корни. Древнее миропонимание, мифические представления и поклонение природе налагали запреты на необоснованное истребление и чрезмерную охоту на животных, в частности, на оленей, джейранов, горных козлов, архаров и птиц, считавшихся священными.

Охотничье искусство в истории казахской культуры разделялось на формы в зависимости от используемых средств: лук, копье, ружье, капкан, сети, а также ловчие собаки (тазы) и птицы (саят). Приручение, содержание и использование ловчих птиц в охотничьих целях с течением времени превратилось в уникальный вид искусства, занявший особое место в жизни степняков.

В многообразном культурном наследии, связанном с искусством охоты с ловчими птицами, ярко отражается духовное богатство казахского народа. В качестве древнейших вещественных артефактов, связанных с охотой, можно назвать предметы, найденные среди гуннской сокровищницы в районе горы Ноин-улин в Монголии, датируемой 2400 г. до н.э.: ковры и войлоки, на которых изображены сцены нападения хищных птиц на горных козлов, а также изображения Золотого человека из сакского кургана в г. Иссыке, на головном уборе которого имеются изображения, которые свидетельствуют о существовавшем в древнюю эпоху в Средней Азии культе птиц.

Предки казахов почитали птиц и, как и лошадей, хоронили их вместе с умершими хозяевами. К примеру, в Аралтобинском могильнике, что в 6 км от могильного комплекса Бекет-Ата, расположенного на северном выезде из г. Кульсары Атырауской области, в одном из трех курганов вместе с останками найдены золотые изделия, изготовленные в «зверином» стиле, а также беркут и протомы. Это объясняется существовавшими в то время представлениями о том, что в трехстихийном пространстве священная птица беркут уносит душу человека в небо. Среди золотых украшений, найденных в Шиликтинской равнине между горными хребтами Манырак и Тарбагатай в Восточно-Казахстанской области, обнаружено 36 вылитых из золота и украшенных драгоценными камнями застежек, выполненных в виде хищных птиц (предположительно, беркут) с повернутыми назад головами. Изображения грифонов, «стражей мертвеца», по четырем углам гроба в захоронении вождя в Берельском могильнике на Алтае также свидетельствуют о значительности представлений, связанных с хищной птицей, в жизни древних степняков. В Курыкском кургане, находящемся в 40 км от г. Усть-Каменогорска (IV-II вв. до н.э.), вместе с останками умершего обнаружены скелеты четырех беркутов. Головной убор знаменитого Золотого человека из Иссыкского кургана украшен стилизованными фигурами в образе птиц. Эти и другие археологические находки доказывают, что культ птиц в казахской культуре имеет глубокие исторические корни.

Также образ птицы нашел широкое отражение в древних памятниках и каменных изваяниях тюркской эпохи. К примеру, изображения птиц имеются на памятнике Культегин, на каменной ограде исторического комплекса Кули-чур, на жетысуских каменных изваяниях, что подтверждает существование представлений о птицах как о посланниках Всевышнего Создателя – Тенгри, выражаю-

щих его волю. Кочевники, особо почитая орлов за зоркость и хваткость, украшали их образами свои знамена и стяги.

Если охота с ловчей птицей, традиции их приручения и содержания для казахских ханов, биев, представителей знати – торе, батыров и певцов были развлечением, увеселением в дальней дороге, данью моде, то для середняков и бедноты они были источником средств к существованию. Охота с небольшими по размеру ловчими птицами на гусей, уток, дроф, рябчиков, куропаток, зайцев и другую дичь являлась занятием всего аула. Мясо отдельных птиц - уларов (горных куропаток), белых куропаток, рябчиков - особенно ценилось, считалось «ханской едой». Исторические источники свидетельствуют о том, что кусбеги – охотники с ловчими птицами во времена войн, голода, джута спасали охотничьей добычей свой народ, пополняли продовольственные запасы войска.

В древние времена путешествуя по казахской степи или прибывшим с посольской миссией людям всегда оказывалось гостеприимство, их щедро одаривали, накинув на плечи чапан и вручив ловчую птицу, сажали на породистого скакуна и с почетом и добрыми пожеланиями отправляли в путь.

В своде законов «Жеты Жаргы», выработанном в ходе реформирования системы управления и политической структуры казахского ханства и учитывающем национальную специфику жизни народа, вопросам охоты уделяется особое внимание. В частности, в нем есть специальная статья (№ 19) о наказании за нарушение правил охоты: «С человека, убившего охотничью собаку, птицу (беркута), их владельцем взимается возмещение в размере 1 раба или рабыни». Вследствие этого простой народ долгое время сохранял трепет перед собаками степной знати, что нашло отражение в пословице «Собака знатного человека равна одному куну (штрафу за убийство)» [3, с. 18].

Исторические и духовно-материальные артефакты казахской культуры доказывают, что культ птиц семейства орлов в национальном миропонимании был особенно развит. Об уровне развития культа данного рода птиц в народном сознании можно судить также по тому, что их изображения присутствуют на символах казахской государственности. Кроме того, традиции охоты, в частности охоты с ловчей птицей, широко представлены в словесном искусстве казахского народа: в устной литературе, песнях, стихах и письменных источниках.

Искусство охоты, в частности охоты с ловчей птицей, воспевали почти все известные казахские акыны и писатели. Особое ме-

сто среди произведений, посвященных искусству охоты с ловчей птицей, принадлежит стихотворению великого Абая «Kansonarda burkitchi chugadi anga» («В первый снег беркутши выходит на охоту»). Также в народе бытует множество пословиц и поговорок, связанных с охотой: «An tappagan atinan koredi, ata almasa miltiginan koredi» (букв.: *Не нашедший зверя - винит коня, не сумевший выстрелить – винит ружье*); «Miltiksiz mergen kozimen korip, jurekpen sezgen» (букв.: *Охотник без ружья, видящий и чующий зверя сердцем*); «Andi ne korinbegen atadi, ne erinbegen atadi» (букв.: *Зверя подстрелит или тот, кто незаметен, или тот, кто не ленив*); «Chin anchinin aldina annin ozi keledi» (букв.: *К настоящему охотнику зверь сам выходит*; эквив.: «*На ловца и зверь бежит*»).

Наряду с этим можно отметить картину «Богатый казах в юрте» русского художника В.В. Верещагина, который в XIX в. с большим вниманием и интересом изображал сюжеты охоты и охоты с ловчей птицей на казахских землях, а также фотографии на тему «Казах-охотник» Г. Потанина, который долгое время был тесно связан с Казахстаном.

Приручение диких птиц и использование их для ловли животных представляет собой явление, общее для многих народов, тем не менее лучшие образцы искусства охоты и ловли птицами среди степных кочевников сохранились у казахов и киргизов. Они не только сохранились, но и продолжают существовать, хоть и не повсеместно, в натуральном виде, а основные понятия, связанные с приручением ловчих птиц, в том числе приметы, табу, художественные слова, поэтические метафоры, отождествления, заняли в сознании казахов прочное место.

Наш народ гордится тем, что весь современный мир признал ловчую охоту и приручение орлов и беркутов ценным наследием казахов. Подтверждением вышесказанному является и тот факт, что на государственных символах нашей независимой страны изображен орел. Следует отметить, что тенденции, связанные с изображением на неофициальных символах страны хищных животных - барса, пантеры, волка, леопарда, имеющие далеких исторические корни, продолжают.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kaydar A. Kazak tilinin ozekti maseleleri / A. Kaydar. – Almaty : Ana tili, 1998. – 150 b.
2. Kazakstan Ulttik enciklopediyasy / [bas red. B. Aiagan]. - T. VI. – Almaty, 2004. – 696 b.

3. Khynaiat B. Sayatchilik – kazaktin dasturli anchiligi / B. Khynaiat, K.M. Isabekov. – Almaty, 2007. – 208 b.
УДК 801.7+81'42

И.И. Степанченко
Харьков, Украина

ТЕКСТ И ДИСКУРС КАК СТАТИЧЕСКОЕ И ДИНАМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Текст как статическое образование и дискурс как динамическое образование предстают в статье как различные явления с разными свойствами.

Ключевые слова: *текст, дискурс, язык, речь.*

Мысль о взаимодополнимости статической и динамической моделей, о возможности более глубокого познания объекта при изучении его одновременно в статике и в динамике утвердилась в современной лингвистике. Однако, как представляется, в некоторых случаях она не может быть безоговорочно принята. Попытаемся доказать этот тезис на материале сопоставления текста и дискурса.

Текст как статическое образование и дискурс как динамическое образование (в данной статье принимается подход к *дискурсу* Н.Д. Арутюновой как к «связному тексту в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; тексту, взятому в событийном аспекте» [1, с. 136-137]) предстают не просто как две стороны одного явления, а как различные явления с разными свойствами. *Текст*, противопоставляемый дискурсу, является единицей акта коммуникации лишь номинально, поскольку, будучи включенным в коммуникативный акт, он превращается в *дискурс* (дискурс – «речь, погруженная в жизнь» [1, с. 136-137]).

Как отмечает Н.С. Валгина, текст одновременно является результатом деятельности (автора) и материалом для деятельности (читателя-интерпретатора): «Текст можно рассматривать с точки зрения заключенной в нем информации <...> (текст – это продукт речемыслительной деятельности субъекта); текст можно рассматривать с позиций прагматических (текст – это материал для восприятия, интерпретации)» [2, с. 9]. Аналогичной точки зрения придерживается М.Я. Дымарский: «Текст как процесс и текст как продукт – две тесно связанные между собой, но существенно различные стороны одного явления» [5, с. 22].

Текст с позиций автора логично было бы назвать собственно текстом, текст с позиций читателя – дискурсом. Однако в данном слу-

чае текст и дискурс объединяет только материальная форма, с точки зрения же содержания они предстают как различные образования.

Текст имеет вполне определенное (авторское) содержание, которое может быть разложено на смысловые составляющие (например, на сверхфразовые единства, по И.Р. Гальперину – [4]) и проанализировано с помощью компонентного анализа. В то же время нельзя не заметить, что интерпретировать «заложенное» автором в текст содержание невозможно вне акта восприятия его читателем-интерпретатором (случаи, когда сам автор интерпретирует текст, единичны и здесь не рассматриваются). Дискурс же как единица коммуникативного акта в плане содержания не может быть рассмотрен как совокупность составляющих его сверхфразовых единств, он идиоматичен.

Дискурс подразумевает формирование содержания в ходе рецепции текста на основе тезаурусов читателей. Оно многовариантно, причем количество и степень разброса вариантов зависят как от личностных качеств читателей, так и от степени сложности организации воспринимаемой формы. Тезис о том, что в тексте закодировано определенное содержание носит метафорический характер и также не может быть принят безоговорочно [6]. По существу, текст – это абстрактный конструктор, в речевой практике носители языка именуя дело с дискурсом.

Даже если отвлечься от этого, содержание текста и дискурса оказывается принципиально различным: текст имеет определенное содержание, «заложенное» в него автором, но не познаваемое вне акта рецепции, содержание же дискурса всегда вариативно и чаще всего не совпадает полностью с авторским вариантом. Правильно ли считать эти образования двумя сторонами одного явления? Кстати, что в этом случае представляет собой само явление? Вряд ли речь может идти о форме.

На первый взгляд, этот тезис опровергается тем, что разграничение текста и дискурса могут проводиться в плоскости разграничения языка и речи (см., напр., [3]). Текст может быть рассмотрен как языковая единица, а дискурс – как речевая. Фонема, лексема и прочие единицы эмического уровня так же, как и текст, реально не встречаются в речевой практике. В речи эти языковые единицы представлены звуками, словоформами и т.д. Причем вычленение единиц эмического уровня позволяет выявить важные закономерности функционирования языка (например, рассмотреть звуки с точки зрения выполняемой ими смысловоразличительной функции).

Однако текст и дискурс, видимо, не вписываются в иерархи-

ческие ряды языковых и речевых единиц, не являются их вершинами, а представляют собою качественно иное образование. Эту мысль разделяет, в частности, Н.С. Валгина: «Видимо, свести это понятие (текста – *И.С.*) только к категориям языкового плана невозможно – из-за его многоаспектности» [2, с. 11]. Многоаспектность текста определяется его коммуникативной природой.

Рассмотрению текста и дискурса в аспекте оппозиции язык – речь препятствует и следующее соображение. Фонема (с позиций МФШ) – это класс звуков, морфема – это класс морфов, лексема – класс словоформ и т.д. Утверждать, что текст – это класс дискурсов, невозможно: количество дискурсов в этом случае оказывается неисчислимым и определяется неязыковыми факторами, т.е. оппозиция текст – дискурс выходит за пределы языка.

Таким образом, тезис о взаимодополняемости разных парадигм, о возможности плодотворно изучать одно и то же явление в статике и в динамике, нуждается в дополнительном обосновании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136–137.
2. Валгина Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2004. – 280 с.
3. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса [Электронный ресурс] / Т.А. Ван Дейк. – Режим доступа : <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm>.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
5. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.) / М.Я. Дымарский. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – 284 с.
6. Правдин М.Н. Текст в акте коммуникации: к проблеме кодирования содержания / М.Н. Правдин, И.И. Степанченко // Русская филология. Украинский вестник. – Харьков, 2004. – № 1-2 (25). – С. 11–17.

УДК 811.161.2'366

Л.Р. Турик
Луцьк, Україна

КРИТЕРІЙ ВИОКРЕМЛЕННЯ ПЕРФОРМАТИВНИХ ДІЄСЛІВ

У статті розглянуто критерії, які дозволяють вирізняти перформативні дієслова у висловленнях наступних типів: експозитиви,

комісиви, директиви, декларативи, а також ритуальні (етикетні) формули.

Ключові слова: мовленнєві акти, висловлення, перформативні дієслова, ілокутивна сила.

У теорії мовленнєвих актів особливу увагу приділяють критеріям перформативності дієслів, головним чином сконцентрованих на граматичних особливостях цих дієслів. Проте слушною є думка Дж. Остіна, який не вважав ці критерії достатньо вагомими, оскільки вони не дають чіткого розмежування перформативів і констативів. Автор зауважує, що часто те саме речення використовують дво-яко – і перформативно, і констативно – залежно від різноманітних ситуацій висловлення [3, с. 66]. Однак правомірним є твердження про те, що перформативні формули Дж. Остіна та З. Вендлера, які акумулюють ілокутивну силу мовленнєвого акту, дозволяють виявити критерій виокремлення перформативних дієслів. За основу візьмемо критерій, запропонований З. Вендлером: критерій підрядного речення; критерій фактивності; обставинний критерій [2, с. 310].

Розглянемо можливість застосування зазначених критеріїв до українських перформативних дієслів. Спробуємо обґрунтувати критерій підрядного речення, використавши перформативні формули Дж. Остіна: **Я x, що; Я x + інфінітив; Я x + Imper.**

В українській мові **експозитиви** представлені спеціалізованими повідомленнями й ствердженнями; зізнаннями. Простежимо, як їх реалізують у перформативних формулах.

Я x, що: *Я підтверджую, що ці слова правдиві; Я визнаю, що винний.*

Я x: *Я підтверджую правдивість цих слів; Я визнаю провину.*

Аналізуючи ці конструкції, доходимо висновку, що вони цілком задовольняють перформативну формулу й критерій підрядного речення. Крім цього, реалізуючи формулу **Я x**, в експозитивних перформативних висловленнях видозмінено підрядну частину на ім'я чи іменну групу.

Другий критерій – фактивність – виявлений як власне фактивність, напівфактивність і нефактивність значень експозитивів та зумовлений їхнім дескриптивним значенням, в основі якого лежить повідомлення про пропозицію підрядної частини, саме тому її звужено до імені чи іменної групи. Напівфактивність та нефактивність також спричинені цим фактором, порівняймо: *Я сповіщаю, що ...* – фактив; *Я заявляю, що ...* – напівфактив; *Я завирю, що ...* – нефактив.

Аналізуючи обставинний критерій, доходимо висновку про несумісність перформативів із багатьма обставинами. Зокрема, експозитиви не поєднують з будь-якими уточнювальними синтаксичними одиницями. Згідно з твердженням Ю. Апресяна [1, с. 204–206], з фактитивними перформативами не вживають обставин тривалості (*довго, недовго, все ще, з тих пір*), обставин градуальності (*поступово, повільно*), обставин типу *відразу ж, у цю мить, негайно, зараз*, обставин, які позначають спосіб виконання дії (*весело, коротко*), обставин оцінного характеру на взірць *добре, погано* та ін.

Аналогічні механізми діють стосовно **комісивів**, що в українській мові представлені перформативними одиницями, які функціонують в актах обіцянок. Однак треба зазначити, що ці перформативні дієслова допускають уживання обставин способу дії: [Карло:] *Тому я обіцяюся перед світом, урочисто клянуся честію своєю королівською, звергнувши неприятеля свого, відродити землю Козацьку до первісного її стану самодержавного, ні від кого не залежного – об чім я з гетьманом вашим Мазепою письмовими пактами обіцяюся потвердити* (Ю. Хорунжий).

Наявність такого типу обставин сприяє вираженню виразності ілюкутивної сили.

Найчисленнішу групу представляють **директиви**, які об'єднують вимоги й накази, дозволи та заборони, прохання, попередження й пророкування, пропонування та поради. Для них характерна спільна ілюкутивна мета, яка полягає в тому, що мовець спонукає слухача виконати якусь дію, представлену в пропозиції. Завдяки цій особливості в директивній перформативній формулі переважає сполучник *щоб*, наприклад: [Хан:] *Великий візирю, я прошу, щоб мені Порта не заважала різними фірманами розпоряджатися долею Криму* (Р. Іваничук).

Паралельно директиви реалізують формули **Я х** та **Я х + інфінітив**: [Сафар-бей:] *Як чауш-паша, я забороняю тобі щось подібне чинити* (В. Малик); [Збаражський:] *Пане посланнику, я вас прошу до себе в намет з приємністю відпочити* (М. Вінграновський).

Серед названих дієслів єдину групу директивів – попередження й пророкування – можна з'єднувати з підрядною частиною за допомогою сполучників *щоб* і *що*, порівняймо: *Я застерігаю, що не люблю неправди; Я застерігаю, щоб ви говорили правду*. Відмінність між цими висловленнями зумовлена спрямованістю ілюкутивної сили: у першому випадку пропозиція пов'язана із суб'єктом мовлення, а в другому – зі слухачем.

Зауважимо, що наведені вище дієслова можна вживати поряд з обставинами способу дії, які виражають інтенсивність ілокутивної сили висловлення, як-от: [Кочубей:] *І я тебе дуже прошу, щоб ти того нікому не казала, дуже тебе прошу* (Б. Лепкий).

Декларативи охоплюють перформативи, що беруть участь в актах схвалення й засудження, признання та прощення, називання й призначення та ін.

Синтаксична формула **Я х** найбільш характерна для декларативів. Вона допускає поширення перформативного дієслова ім'ям чи іменною групою, наприклад: [Мати:] *Сину мій любий, сину первородний! За все, чим проти мене погрішив еси, я тебе прощаю і благословляю на життя нове* (М. Костомаров).

Проте згадані перформативні одиниці часто реалізовані у формулі **Я х, що: Я схвалюю, що ви вчинили саме так; Я засуджую, що ви нерішучі** тощо.

На межі «перформативне дієслово – підрядна структура» ніби відновлено антецедент (те), (той факт) і таке інше, що уявляє в цих випадках фактивність ілокутивного дієслова. Перформативна формула **Я х** доповнена або підрядною частиною зі сполучником **щоб**, або інфінітивом. Порівняймо: **Я рекомендую тобі відпочинок / відпочити / щоб ти відпочив.**

Декларативи часто ускладнюють обставинами способу дії: *повністю схвалюю, категорично відкидаю, наполегливо рекомендую* тощо, які підсилюють вірогідність досягнення ілокутивної мети або під час, або після завершення мовленнєвого акту.

Особливу групу перформативів становлять **мовленнєві ритуали**. Коло перформативів мовленнєвих ритуалів в українському мовленні доволі обмежене: *дякувати, бажати успіху, просити вибачення, перепрошувати, прощатися, вітати, поздоровляти, гратулювати, віншувати, співчувати.*

Я х є основною формулою, у якій реалізують мовленнєві ритуали. Наприклад: *Зірko блискуча, що очі засліплює, високий царю над царями, що тримаєш у руках своїх цілий світ, я вітаю тебе* (Р. Іваничук); *Дякую тобі, мати Ладо, заступнице наша* (Д. Міщенко).

Проте вона може мати в собі підрядну частину, наприклад, **Я х, що: Перепрошую, панство, що на хвилинку залишу вас, – Барбара ледь не вибігла з кімнати** (М. Малиновська).

Про фактивність згаданої вище групи перформативів можна говорити умовно, зважаючи на клішованість форм та змісту мовленнєвої дії. Через це деякі дієслова мовленнєвих ритуалів поєднують із якісно-обставинними одиницями способу дії, як-от: [Оксана:]

Дякую щиросердечно, тебе ніколи не забуде султаниша, вір мені (М. Лазорський).

Отже, в українській мові існує пріоритет перформативної форми над перформативним дієсловом. Крім цього, перформативи допускають паралельне вживання декількох синтаксичних конструкцій. Загалом перформативні дієслова не вживають з обставинами якісного значення. Критерій фактитивності обмежений, що зумовлено особливостями семантики й прагматики українських перформативів.

ЛІТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2. – С. 199–218.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / Людвиг Витгенштейн ; [пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева]. – М. : Гнозис, 1994. – 520 с.
3. Остин Дж.Л. Слово как действие / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М., 1986. – С. 22–130.

УДК 811.1:81'373.2

А.Б. Чернышев
Рыбинск, Россия

СИНХРОНИЯ В НОМИНАЦИИ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ АНТОНИМОВ

Данная статья посвящена проблемам синхронии и номинации в когнитивном аспекте. Синхрония рассматривается не с позиции языковой системы в целом, а с точки зрения процесса номинации. Анализ материала на примере шахматной лексики русского и основных европейских языков позволил прийти к выделению такого лингвистического феномена, как когнитивная антонимия.

Ключевые слова: синхрония, номинация, когнитивные антонимы, когнитивная модель.

Традиционно под синхронией понимается состояние языка в определенный момент его развития как системы одновременно существующих взаимообусловленных и взаимосвязанных элементов. Такое понимание, в первую очередь, связано с решением общих вопросов языкознания. Большинство современных исследований, направленных на изучение единиц языка разных уровней, на анализ лексического значения слов и выявление их когнитивных моделей,

делают актуальной задачу теоретического осмысления синхронии в ряду частных проблем науки о языке. К таким малоисследованным, но актуальным проблемам относится также вопрос о синхронии в номинации.

Целью данной работы является системный анализ лексики, послужившей обозначением шахматных фигур в русском, английском, немецком, французском, итальянском и испанском языках.

Шахматная тематика была избрана в качестве лингвистического исследования по нескольким причинам. Во-первых, шахматы как феномен в своем современном варианте не только стали спортивной игрой, но прочно вошли в быт и культуру всех народов. Во-вторых, шахматная доска как игровое поле ассоциируется с так называемым фоном, представляя собой геометризованную модель пространства. В-третьих, фигуры становятся фактом комплексной номинации в рамках конкретной когнитивной модели.

Под когнитивной моделью в ракурсе данного исследования понимается схематический образ номинации предметов, возникших в сознании человека одновременно и ограниченных определенными функциональными свойствами и набором в рамках некоторой системы [1, с. 5; 4, с. 38]. Слова, служащие для номинации фигур как элементов системы в соответствии с антропоцентрическими стереотипами и наивной картиной мира, рассматриваются нами как когнитивные антонимы.

Выявление антонимии применительно к синхронии и номинации ни в коей мере не противоречит традиционному пониманию этих лингвистических феноменов, ибо как синхрония, так и номинация основаны на принципе системности, сопоставления и противопоставления элементов. Так, выводя для синхронии понятие значимости, Ф. де Соссюр пишет: «Слово еще надо сравнить с подобными ему значимостями, со словами, которые можно будет ему противопоставить» [5, с. 115]. Сравнение как характерную особенность процесса номинации (понимания) выделяет также А.Ф. Лосев. Вещь рассматривается не сама по себе, а в свете того или иного окружения [3, с. 822]. Сравнимые же при номинации понятия, как справедливо отмечает Е.Г. Беляевская, не составляют двух полюсов некоего общего представления и противопоставляются по целой группе неполярных признаков, что позволяет говорить об их относительной противопоставленности [2, с. 119].

Таким образом, понимая под синхронией в номинации представление и языковое отображение комплекса предметов, возникших в сознании человека одновременно в рамках некоторой единой

системы, мы выделяем в различных языках номинативные признаки, основанные на функциональной противоположности объектов в рамках системы - в данном случае фигур на шахматной доске. В исследуемых языках наблюдается четкое противопоставление двух главных фигур – короля и ферзя, которые метафорически ассоциировались с главою государства – королем и королевой. Ср.: *king* и *queen* (англ.), *roi* и *dame* (фр.), *ré* и *regina* (итал.), *rey* и *dama* (исп.) *König* и *Dame* (нем.). Во всех исследуемых языках, кроме русского, ладья ассоциируется с башней или замком – *castle* (англ.), *tour* (фр.), *Turm* (нем.), *torre* (ит.), *torre* (исп.), – что объясняется расположением данной фигуры по краям доски, символизируя защищенную территорию и некоторую внутреннюю организацию «войска». В русском языке данная фигура, также имеющая неофициальное название *тура*, в литературном языке метафорически соотносится с судном. Однако в древнерусском языке ладья назвалась *рух* со значением «большая птица», что практически аналогично одному из английских обозначений ладьи словом *rook* – «грач».

Именно признак ‘животные’ и лег в основу номинации шахматных фигур в русском языке, что также подтверждается обозначением «конь» и «слон». Как представляется, в русском языке наименование этих фигур по когнитивной модели «животные – армия» связано с индийской традицией их метафорического осмысления, с индийским бытом и культурой, где конь и слон использовались в военных целях.

В немецком языке номинативный признак соотносится со способом перемещения «коня» и «слона», в результате чего данные фигуры противопоставляются как прыгун (*Springer*) и бегун (*Läufer*).

В других языках номинативным признаком данных фигур является сословная принадлежность, символизирующая устройство феодального общества. Конь и слон противопоставлены как рыцарь и епископ в английском (*knight – bishop*), как всадник и шут во французском (*cavalier – fou*) и как всадник и знаменосец в итальянском и испанском (ср. *cavallo – alfiere, caballo – alfil*). При наименовании фигуры «слон» выявляется иерархическая основа восприятия предмета, которая может быть представлена в виде следующей когнитивной модели: «сословие – религия» в английском языке, «сословие – придворная жизнь» во французском языке, «сословие – военный поход» в итальянском и испанском языках.

Таким образом, названия шахматных фигур основаны на их функциональном противопоставлении друг другу, а за индивиду-

альным обозначением каждой из них в комплексной когнитивной структуре стоят культурные и исторические особенности быта и жизни нации. Лексические единицы в разных языках, обозначающие шахматные понятия, основанные на противопоставлении короля и ферзя, коня и слона, являются когнитивными антонимами.

Реализация принципа синхронии в номинации определяет перспективы дальнейшего исследования такого лингвистического феномена, как когнитивная антонимия, лежащая в основе номинативного пространства языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляевская Е.Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) / Е.Г. Беляевская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 1. – С. 5–14.
2. Беляевская Е.Г. Семантика слова / Е.Г. Беляевская. – М. : Высшая школа, 1987. – 128 с.
3. Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос / А.Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1993. – 958 с.
4. Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека / М.В. Пименова. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1999. – 262 с.
5. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

УДК 81'276.1

А.Г. Чикибаев
Бердянск, Украина
А.Р. Габидуллина
Горловка, Украина

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА С ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ФЕНОМЕНАМИ НА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЯХ

В работе исследуются прецедентные феномены, реализуемые в учебном дискурсе (учебно-научных и дидактических текстах). Прецедентные феномены вычлняются из научных и ненаучных источников. Показаны способы реализации прецедентных текстов на учебных занятиях.

Ключевые слова: *прецедентный феномен, цитата, парафраз, реминисценция, аллюзия.*

В современном обществе языковые игры (ЯИ) реализуются в рамках институтов, которые приводят в движение квалифициро-

ванными партнерами, профессионалами. Университет - один из таких социальных институтов. Научное знание здесь требует выбора одной из языковых игр - денотативной - и исключения других. Критерий приемлемости высказывания - оценка его истинности. Конечно, мы встречаем здесь и другие классы высказываний: вопросительные («*Как объяснить, что ... ?*»), прескриптивные («*Предположим, дан исчисляемый ряд элементов ...*») и др., но они служат только для сочленения диалектической аргументации, а последняя должна завершиться денотативным высказыванием. Следовательно, студент является в определенной степени ученым, если способен сформулировать истинное высказывание на предмет некоего референта, и специалистом, если может сформулировать высказывания, верифицируемые или фальсифицируемые на предмет референта, принимаемого «экспертами». Учебно-научная ЯИ содержит диахронную темпоральность, что предполагает накопление в памяти и исследование нового, т.е. включение студента в кумулятивный процесс.

Подлежащий усвоению языковой материал предполагает на учебном занятии многократное повторение, что способствует его «вербальному импринтингу» (термин Л.П. Дядечко), формированию «динамического стереотипа».

В учебно-научной коммуникации функционируют два вида прецедентных текстов: прецедентные тексты из области науки и из других источников (художественной, публицистической литературы, СМИ, рекламы и др.). Таким образом, учебные тексты – это, с одной стороны, теоретический материал, объясняющий языковые факты, с другой – материал дидактический, иллюстративный.

В результате многократного проговаривания учебный текст постепенно становится фактом сознания студента, является значимым для дальнейшей учебной и профессиональной деятельности. Он начинает воспроизводиться в речи студента (аудирование, говорение или письмо) как парафраз или цитата.

Приведем пример студенческого парафраза на занятиях по английскому языку:

- *Why did you use Future Continuous Tense in this sentence?*

- *Because Future Continuous expresses continuing action in future.*

(‘ Почему вы использовали Future Continuous Tense в этом предложении? - Потому что Future Continuous выражает продолжительное действие в будущем’).

Сравним вторичный текст с первичным: *The Future Continuous Tense is used to express an action still continuing in future*

(‘Будущее длительное время используется для выражения продолжающегося действия в будущем’) [4, с. 108]. Во вторичном тексте наблюдается редуцирующий парафраз. Различие в текстах происходит за счет замены пассивного залога активным (*expresses continuing action - is used to express an action*), при этом основной смысл (*continuing action in future*) студентом сохранен.

Парафразированию подвергаются и другие типы ПФ: названия учебников и учебных пособий, трудов известных лингвистов, словарей и энциклопедий и пр. В этом случае мы нередко имеем дело с метонимическим парафразом: *учебник Аракина* (ср. «Практический курс английского языка» под ред. В.Д. Аракина), *словарь Макмиллана* (словарь «*Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*»), *грамматика Поповой* («Грамматика французского языка» под ред. И.Н. Поповой, Ж.А. Казаковой / «*Cours pratique de grammaire française*»), *синтаксис Загнітко* («Теоретична граматики української мови. Синтаксис» під ред. А.П. Загнітко) и т.п.

Цитата из научных источников (как прецедентное высказывание) используется студентами гораздо реже, чем парафраз. При этом заимствованный отрезок речи может быть дословным (учащийся слегка сокращает цитату, опустив некоторые лишние, на его взгляд, элементы: эмоционально окрашенные слова, вводные конструкции и пр.) и содержать законченную мысль. На первом месте стоят неатрибутизированные (имплицитные) цитаты: студенты зачастую забывают имя автора или не знают его:

- *Иллюстрацией к этому примеру служит знаменитая «глокая куздра».*

- *А кто автор?*

- *Забыла.*

К сожалению, многие преподаватели не считают нужным рассказывать учащимся о научных достижениях выдающихся отечественных и зарубежных лингвистов. Реже встречаются атрибутизированные цитаты (имеющие автора). Их основные функции – ссылка на авторитетное мнение и усиление доказательной базы аргументируемой мысли: *Как писал Л. Витгенштейн, «границы моего языка означают границы моего мира».*

В роли символа прецедентного текста могут выступать термины-аллюзии и, реже, имена выдающихся лингвистов (как «точечные цитаты» - О.В. Фокина), которые отсылают студента к знакомому тексту. Так, «иллокутивное самоубийство» устойчиво связывается в сознании студента с работами Зено Вендлера, «частица речи» - с исследованиями В.В. Виноградова и т.д.

Одна из задач обучения любому языку – формировать у учащихся социокультурную, в том числе межкультурную, компетенцию, т.е. понимание пресуппозиций, фоновых знаний, ценностных установок и вытекающих из них моделей поведения, психологической и социальной идентичности, характерных для изучаемой культуры, а также основных ее концептов. Источником имплицитной цитаты могут быть «хрестоматийные» прецедентные тексты мировой литературы. Художественные произведения представлены на занятиях по иностранному или родному языку как в «натуральном» (обычно это малые жанры литературы), так и трансформированном виде.

В первом случае речь идет о стихотворениях (в том числе о «детских стишках»), стихах в типично английском жанре «лимерик») и баснях, которые нередко заучиваются студентами наизусть, а затем многократно воспроизводятся. Использование в качестве прецедентных текстов детских стихов, считалок и рифмовок объясняется их общеизвестностью и, следовательно, легкостью декодирования: *Humpty-Dumpty sat on a wall; Old Mother Hubbard went to the cupboard; Simple Simon met a pieman; Wynken, Blynken and Nod; Little Jack Horner sat in a corner; the butcher, the baker, the candlestick-maker*. Во втором случае прецедентный текст выступает как символ, «образ, знак повторяющегося, стандартного для данной культуры <...> текста» [1, с. 54]. Роль таких символов ПТ играют собственные имена или прецедентные текстовые реминисценции. Они образуют культурное пространство как «информационно-эмоциональное („этническое”) поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится „ощутимым” при столкновении с другой культурой» [2, с. 68].

Прецедентные высказывания из ненаучных источников используются студентами на занятии следующим образом:

- 1) упоминание – апелляция к ПФ путем прямого (нетрансформированного) воспроизведения языковой единицы (обычно цитата из произведения и/или имя автора: «*Назову аллюзию из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина: „Там некогда гулял и я, но вreden север для меня”*»);
- 2) имплицитная прямая цитата (без ссылки на источник) при приведении примеров к тому или иному языковому явлению: «*Приведем примеры оксюморона: „Смотри, ей весело грустить, такой нарядно обнаженной”*. Или: *„Люблю я пышное природы увяданье”*»;
- 3) трансформированная цитата - может быть средством создания

комического эффекта: «Если поджигают налоговую, значит, это кому-нибудь нужно?»;

- 4) аллюзия - соотнесение предмета общения с ситуацией или событием, описанным в определенном тексте, без упоминания этого текста и без воспроизведения значительной его части, т.е. на содержательном уровне: «А ты явилась в конце пары и с ходу: „**Мы пахали ... Мы пахали ...**”» (аллюзия на басню И.И. Дмитриева «Муха», которая применена студентом как иронический комментарий к поведению сокурсницы, приписавшей себе чужие заслуги, преувеличившей свое значение, роль в общем деле).

Наблюдается использование «точечных цитат», включающих в себя имена литературных или мифологических персонажей и их дериваты. «Таким образом, в качестве точечных цитат выступают прецедентные высказывания с максимальной степенью количественной трансформации-усечения (до одной лексемы)» [3, с. 8-9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 263 с.
2. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
3. Фокина О.В. Источники интертекстуальных связей в средствах массовой информации (на примере современных газет) : автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / О.В. Фокина. – М., 2006. – 20 с.
4. Eckersley С.Е. Essential English for Foreign Students / С.Е. Eckersley. – Book 2. – Sofia : Foreign Languages Press, 1967.

УДК 811.161.2

Л.Ф. Щербачук
Київ, Україна

ОБ’ЄКТИВАЦІЯ КОНЦЕПТУ *КОХАННЯ* В ПОЕТИЧНОМУ ДИСКУРСІ (на матеріалі творів Ліни Костенко)

*У статті досліджено способи об’єктивації концепту *КОХАННЯ* в поетичному тексті, визначено його категоріальні риси.*

Ключові слова: *художній концепт, кохання, об’єктивація, етнокультура.*

У лінгвістичних роботах останніх десятиліть індивідуально-

авторський стиль художника слова вивчається з урахуванням співвідношення мови й мислення, способів вираження в мові позамовної дійсності (див. праці: Т. Вільчинська, В. Жайворонок, О. Задорожна, В. Кононенко, Н. Мех, Т. Радзівєвська, О. Цапок та ін.). Пропоноване дослідження передбачає аналіз особливостей поетичного дискурсу в когнітивній площині. Мовний світ Л. Костенко неодноразово був предметом дослідження багатьох науковців (Г. Губарева, І. Дишлюк, С. Єрмоленко, М. Мельник, Л. Петрова, Л. Ставицька та ін.), проте об'єктивація художнього концепту КОХАННЯ залишилася поза увагою вчених.

Термін *художній концепт*, що позначає результат складного процесу інтерпретації дійсності письменником, був запропонований С. Аскольдовим для позначення базової одиниці індивідуально-авторської свідомості [1, с. 276]. Художні концепти репрезентують уявлення, емоції, почуття автора, тобто визначають специфіку авторського світобачення. У сучасну епоху багато вчених (сексологи, соціологи, психологи, культурологи та ін.) зацікавилися пізнанням феномену *кохання*. Лінгвісти тлумачать кохання як «1. Почуття глибокої сердечної прихильності до особи іншої статі; закохання; особа, що викликає таке почуття; кохана людина. 2. *Рідко*. Те саме, що любов. 3. Дія або стан за значенням *кохати* і *кохатися*; народнопоетичне *коханнячко*: *пестл. до кохання*» [5, с. 313]. Святим почуттям любові трактується кохання в українській етнокulturі.

На основі давньогрецької класифікації любові соціолог Джон Алан Лі виокремлює 6 видів кохання: ерос, людус, сторге, манія, прагма, агапе [2, с. 142–143]. Концепт КОХАННЯ в поетичній творчості Л. Костенко репрезентований в динаміці й статичності майже всіма зазначеними видами й відзначається складною структурою.

У тканині роману «Маруся Чурай» реалізуються всі значення досліджуваного концепту. Ключовими вербалізаторами виступають лексеми *кохання, любов; кохати, покохавши, прикохати, любив, любилися, полюбились*. Варто зазначити, що лексема *любов* у лінгвоментальному просторі українців має ширше лексикографічне тлумачення, ніж кохання.

Об'єкт кохання репрезентують лексеми *милий*: *Про себе, милий, думати не час* [4, с. 53]; *єдина*: *Він ... звав єдиною* [4, с. 73]; *доленька, радість*: *Ходім зі мною, доленько, ходім. Якби мені ти стала за дружину, яка б то радість увійшла в мій дім!* [4, с. 136]; *зоря*: *...бо ти мені світила як зоря* [4, с. 62]; *ніч, світло*: *Ти ж ніч моя і світло моє денне!* [4, с. 74].

Важливість і складність концепту КОХАННЯ визначається

тим, що в ньому, як у фокусі, пересікаються протилежності біологічного й духовного, особистісного й соціального, інтимного й загально значимого. «У моральному плані кохання ґрунтується на християнських заповідях і передбачає вірність. Водночас у концепт кохання за асоціацією входять такі поняття як зрада, ревності, страждання, з одного боку, вірність, чистота, цнотливість і под. з іншого» [3, с. 118].

Категоріальною рисою концепту є його не ізольованість, а зв'язок з іншими концептами, що репрезентують фрагменти концептосфери КОХАННЯ. Приклади свідчать, що концепт КОХАННЯ нерозривно пов'язаний із концептами ЗРАДА, РЕВНОЦІ, ЗЛОЧИН: *...тоді його із ревнощів убила, підсипавши отруту у вино... так стався злочин* [4, с. 12]; *Чи це свідомо, чи під впливом хвилі, як не було, а ревності – це сказ...* [4, с. 12]; ЗЛО: *...а їхні діти учинили зло. Грицько змурався дівчини такої, Доп'яв біди, земля йому пером. Такої кривди парубок накові, що не могло це скінчитись добром...* [4, с. 23]; ПРОЩЕННЯ: *Але ти любиш і тому прости* [4, с. 73] тощо.

Ще один мотив кохання в українській етнокulturі – «його чари, згуба, щось таємниче, неусвідомлене, отож і екзистенційне...» [3, с. 118]. Досліджуваний концепт у поетичній творчості Л. Костенко експлікований суб'єктом, об'єктом, діями й наслідками ворожіння (*А, може, й правду кажуть, що ти відьма, приворожила – і пропав навек. Бо що б мені інакше так палило, чого ж я так страждаю і борюсь?* [4, с. 74]; *Коли ж вона його причарувала він як сказався, геть одбивсь од рук... Він перестав ходити на вечорниці, не зачіпав дівчат і молодниць. А все ходив до тої чарівниці...* [4, с. 15]), а також основними предметами ворожіння (*А може, то було якесь дання? Якесь чар-зілля або привороти... А зілля річ, ви знаєте, капризна – тут вони чари, тут вони трутизна... чи це була отрута чи дання...* [4, с. 14]).

Для кожного концепту притаманний специфічний набір когнітивних ознак-класифікаторів. Так, КОХАННЯ асоціюється з **болем**: *Я і тоді любив тебе до болю* [4, с. 136], **недугою**: *Твоя любов до неї – то недуга. Видужуй, сину...* [4, с. 62], **бідою**: *Не люби нікого – це біда* [4, с. 49].

В авторському осмисленні художнього концепту домінує позитивна конотація: *любов вірна, неосудна, священна..., чого не можна осквернити* тощо. Водночас зафіксовано поетичні рядки з негативно конотованими епітетами, що характеризують: а) кохання: *любов прогіркла, перестояна*; б) об'єкт кохання: *...невірного, брехливого, чужого, огидного, – а я ж його люблю!* [4, с. 70].

Аналізованому концепту притаманні темпоральні ознаки. Кохання може виникнути миттєво – з першого погляду: *Чурай, той так: побачив свою долю – ось ти, ось я, тепер нас буде двоє...* [4, с. 42]. Воно має свій початок і кінець: *А це кохання почалося з пісні. Могло урватися тільки, як струна* [4, с. 50]. Справжнє кохання вічне, трансцендентне: *Помер мій Гриць... Десь, може, там зустрінемось ми. Не буде рук – обнімемось крильми...* [4, с. 68].

Концепт КОХАННЯ відображає складне явище внутрішнього життя людини, ситуацію емоційних підпорядкованих закономірностям етнокультури стосунків і переживань двох і передбачає духовні почуття, близькість, статеві стосунки: *А я вже, Грицю, іден дух з тобою, хай ми вже й тілом будемо одне* [4, с. 53].

У народній самосвідомості кохання викликає численні асоціації, пов'язані з незайманістю, зі шлюбом, родинним життям, моральними цінностями. Через призму народного сприйняття в поезії засуджується дівоча нецнота: *Не шануватись дівчині негоже ...* [4, с. 15]; що за принципами народної моралі «вимагає» оприлюдненого осуду: *Та іще нецнота. ... їй треба дьогтем вимазать ворота!* [4, с. 14].

Гендерні ознаки концепту виражені через відповідальність партнера-чоловіка за доведення до гріха та його вчинення: *Але ж і з Гриця добрий був лайдак... не хто ж, а він звів дівчину з пуття* [4, с. 15].

Автор експлікує в поетичному дискурсі уявлення про народну обрядовість, яка «включає в себе комплекс дійств, що передбачають сватання, заручини, одруження. Одруження завершувало коло закоханості» [3, с. 119–120], однак висловлює думку про те, що шлюб може й не бути обов'язковою «вершиною кохання»: *Мене потрібно любити. А там треба тільки женитись. Ото женився – і все* [4, с. 47]; *...щоб одну кохати, а другу в церкву до вінця вести!* [4, с. 65]. Крім того, коханням як виявом найвищих почуттів умотивовано й виправдано дошлюбну статеvu близькість: *І то була любов, а не розпуста* [4, с. 15]; *Любов – це, люди, діло неосудне. По всі віки. Во вік віків. Амінь* [4, с. 22].

Одним із способів об'єктивації концепту в романі виступає метафора: *Моя любов чолом сягала неба, а Гриць ходив ногами по землі* [4, с. 42]; *моя любов ...вже скоро душу випалить мені* [4, с. 44]. У поетичних творах репрезентовано такі основні метафоричні моделі: «кохання – жива істота», «кохання – нежива істота», «кохання – абстрактне поняття» тощо.

Отже, у поетичному дискурсі концепт КОХАННЯ виступає

складною національно-культурною й індивідуально-авторською домінантою.

ЛІТЕРАТУРА

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
2. Діденко С.В. Психологія сексуальності: підручник / С.В. Діденко, О.С. Козлова. – К. : Академвидав, 2009. – 304 с.
3. Кононенко В.І. Концепти українського дискурсу : монографія / В.І. Кононенко. – К. ; Івано-Франківськ : Плай, 2004. – 248 с.
4. Костенко Ліна. Поезія // Ліна Костенко, Олександр Олесь, Василь Симоненко. – [2-е вид., доп.]. – К. : Наукова думка, 2000. – С. 7–184.
5. Словник української мови : в 11 т. – К. : Наукова думка, 1973. – Т. IV. – 840 с.

УДК 81'373.23

Н.А. Ярошенко
Донецк, Украина

ЛОГИНОНИМ КАК СПОСОБ НОМИНАЦИИ ЛИЦА

Статья посвящена изучению особенностей функционирования имен собственных (логинимов) в составе электронных адресов. Рассматриваются логинимы в рамках модели «антропоним → логиним». Выявляются и анализируются особенности логинимов, восходящих к фамилии, имени и отчеству пользователя. Представлены наиболее частотные модели их образования.

Ключевые слова: электронный адрес, имя собственное, логиним, антропонимическая формула.

Предлагаемая статья продолжает цикл публикаций автора, посвященных изучению особенностей функционирования имен собственных в языке Интернета, в частности структурно-семантических параметров так называемых логинимов [1-3]. Отметим, что под *логинимом* в узком значении термина мы понимаем «часть электронного адреса, представляющую собой имя собственное юзера (пользователя) и служащую для его индивидуальной номинации, идентификации» [1, с. 226].

Анализ выборки, включающей 657 логинимов разных типов, показал, что, во-первых, 449 из них (более 68 %) образованы на базе антропонимов, а во-вторых, в числе последних значительно преобладают те логинимы, которые восходят к трем компонентам антропонимической формулы, т.е. к фамилии, имени и отчеству

пользователя в разных их комбинациях (238 логинимов, или 53% от 449 единиц) [3, с. 385].

Цель исследования заключается в проведении структурно-семантического анализа наиболее неоднородной группы логинимов, образованных на базе фамилии, имени и отчества пользователя.

В пределах обозначенной группы логинимов нами были выделены следующие частотные модели:

1. **«Имя + фамилия пользователя (оба компонента в полном варианте)»** (53 логинима, или 22,3%): *ninabasko@hotmail.com*, *innaadamson@hotmail.ee*, *elenaryabkova@yahoo.com*, *annakokonova@gmail.ru*, *nadja.zorikhina@slav.gu.se*, *ewa.hawwa@wp.pl*, *wolffang.gladrov@rz.hu-berlin.de*, *fuennadi.nikolaev@ksu.ru*, *Walter.Breu@uni-konstanz.de*, *Maria.Novak@ksu.ru*, *Mihail.Kopotev@helsinki.fi*, *Natalia.Nikolaeva@ksu.ru*, *irina_shepkina@mail.ru*, *albena_stamenova@abv.bg*, *yana_akhapkina@rambler.ru*, *angela_shilina@rambler.ru*, *iryana-koshman@ukr.net*, *alexei-lavrentev@mail.ru*, *anna-vyalsova@mtu-net.ru*, *Kathmeng@aol.com* и др.
2. **«Первая буква имени + фамилия пользователя в полном варианте»** (50 логинимов, или 21%): *orevzina@orc.ru*, *amatusiak@epf.pl*, *eisajeva@e-apollo.lv*, *Isololov@ugr.es*, *e_kade@mail.ru*, *e_melnik@mail.ru*, *o_parshina@list.ru*, *v_chaly@pochta.ru*, *l-shestak@mail.ru*, *lvoboril@centrum.cz* и др.
3. **«Имя пользователя в полном варианте + усеченная форма фамилии»** (17 логинимов, или 7,1%): *natashenkaz@mail.ru*, *nataliam@ugr.es*, *nataljaa@takas.lt*, *aleksandraa@inbox.ru*, *olesar@mail.ru*, *irina_pis@mtu-net.ru*, *galinatr@mail.ru*, *margaritavv@mail.ru*, *marzhan_aren@mail.ru*, *irinamo@hotmail.ee*, *larisanec@yandex.ru*, *nazila_hv@yahoo.com*, *rubin-saf@rambler.ru*, *elenasol@mail.biysk.ru*, *ekaterinavin@mail.ru* и др.
4. **«Фамилия пользователя в полном варианте + первая буква имени»** (16 логинимов, или 6,7%): *kamenkovay@mail.ru*, *kolotilovan@mail.ru*, *brinevk@yandex.ru*, *korosteleva_a@mtu-net.ru*, *sergievs@komifree.ru*, *rybkova_e@list.ru*, *bagrova_n@yandex.ru*, *krivoshapova_t@mail.ru* и др.
5. **«Разные по семантическому типу и по структуре компоненты антропонимической формулы + цифровой конкретизатор разного вида»**: (16 логинимов, или 6,7%): *elenk2002@mail.ru*, *zhanel_aigull1970@list.ru*, *k2@pop.transit.ru*, *pigali17@yahoo.com*, *labara948@hotmail.com*, *tsoyalex2002@rambler.ru*, *ov57504@uta.fi*,

typ64@list.ru, vmh2003@mail.ru, map1955@mail.ru, msn_4@mail.ru, olga_alex62@mail.ru, ngi2002@hotmail.ru, sselena44@yandex.ru и др.

6. **«Усеченная форма фамилии пользователя + усеченная форма имени»** (13 логинимов, или 5,5%): *azouravl@balkan.auth.gr, alsmol@mail.ru, andrgig@km.ru, al_mas@mail.ru, likras@mail.ru, inneff@mail.ru, tchplyg@mail.iks.ru, okri@philol.msu.ru* и др.
7. **«Фамилия + имя пользователя (оба компонента в полном варианте)»** (9 логинимов, или 3,9%): *osovskiy_oleg@mail.ru, philippova_magda@mail.ru, sysoeva_valentina@rambler.ru, kirzhaeva_vera@mail.ru, takigawa-galina@tufs.ac.jp* и др.
8. **«Фамилия пользователя в усеченном варианте + полная форма имени»** (8 логинимов, или 3,4%): *gelena@home.cris.net, tjulia@uvic.ca, ilarisa@rphil.dvgu.ru, tr_tatiana@ngs.ru, favenera@mi.ru, vascjulia@yandex.ru, arapolga@mail.ru, karelena@inbox.ru.*

В пределах обозначенных частотных моделей, как свидетельствует фактический материал, выделяются видовые структурные подтипы. Таким образом, дальнейшее изучение логинимов, образованных на основе фамилии, имени и отчества пользователя, а также исследование других типов логинимов предполагают детализацию их классификаций по разным параметрам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярошенко Н.А. Логинимы как особый класс имен собственных (результаты трансонимизации) / Н.А. Ярошенко // Материалы IV Международной научной конференции «Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках», Днепропетровск, 9–10 апреля 2009 г. – Днепропетровск : Пороги, 2009. – С. 226–227.
2. Ярошенко Н.О. Антропоніми та логіноніми: наслідки міжвидової трансонімізації / Н.О. Ярошенко // Вісник Дніпропетровського університету. – Серія «Мовознавство». – 2009. – № 11. – Вип. 15. – Т. 2. – С. 173–177.
3. Ярошенко Н.А. Частотные модели образования логинимов на базе антропонимов / Н.А. Ярошенко // Труды и материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, 20–23 марта 2010 г. – М. : Изд-во Московского государственного ун-та, 2010. – С. 385.

Раздел 2. ДЕРИВАЦИЯ В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ

УДК 811.161.2'37

Е.В. Арделян
Кировоград, Украина

ОБРАЗНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

В статье на материале английского и немецкого языков анализируются фразеологизмы с ономастическим компонентом. Образный компонент рассматривается как коннотативная информация, заложённая в значении фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, ономастический компонент, коннотация, образность.

Фразеология – сокровищница языка, хранящая древнейшие слова, отжившие свой век грамматические формы и забракованные временем и литературной нормой синтаксические конструкции. Консервируя форму, фразеология консервирует также содержание – национальные обычаи, поверья, исторические предания, образное видение мира.

Фразеологические единицы несут огромную функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную нагрузку. Они являются фигурами речи, переосмысленными оборотами, которые используются не в обычных (прямых), а в особых (переносных) значениях. Отмечается высокий удельный вес *коннотации* в значении фразеологических единиц.

Коннотативный аспект – это «стилистическая окраска фразеологических единиц, их эмоционально-экспрессивная сторона, т.е. отношения носителя языка к внеязыковым сущностям, или усиление эффективности языкового воздействия, лишённого оценочного элемента» [3, с. 185].

Ю.Д. Апресян называет коннотацией такие смысловые элементы, которые отражают связанные со словом культурные представления и традиции, а также практику использования соответствующей вещи в данном языковом коллективе и многие другие внеязыковые факторы [1].

По мнению В.Н. Телии, «коннотация – семантическая сущность, узואльно илиokkaзионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически мар-

кированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [6, с. 5].

Коннотативный аспект особенно важен для фразеологической семантики, что объясняется двуплановостью семантической структуры всех фразеологизмов с ономастическим компонентом, построенных на основе образного переосмысления. Коннотацию можно рассматривать как дополнительную информацию к денотативному, основному значению, как совокупность семантических наслоений, включающих в себя оценочный, экспрессивный, эмоциональный и функционально-стилистический компоненты [2].

Названные четыре компонента коннотации могут выступать вместе в разных комбинациях или отсутствовать. Пятым компонентом большинство исследователей считает *образность*. Под образностью понимается способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности. В основе образности лежит противоречие между конкретным и переносным восприятием лексемы. Описательность, двуплановость фразеологизмов есть не что иное, как констатация их образности. Образность фразеологии состоит в том, что многие фразеологизмы не просто называют явления, признаки, предметы, действия, но содержат определенный образ, вследствие чего свободное сочетание слов подвергается переосмыслению, семантической перестройке и синтаксическому слиянию.

Высоко оценивая роль образности в создании и функционировании фразеологии, многие исследователи придают ей категориальное значение, что находит отражение в многочисленных классификациях и определениях фразеологических единиц. В образности продолжают усматривать специфику и единственный источник образования фразеологизмов.

Известно, что основным способом создания фразеологических единиц является семантическая трансформация свободных сочетаний слов, прямое значение которых понятно носителям языка. Не зная прямого значения, нельзя уловить смысл этой семантической трансформации, т.е. полностью понять образ, заключенный в устойчивом сочетании.

В основе фразеологизмов лежат свободные обороты речи, полные по составу, нормальные по грамматическому строю, прямые по значению, которые семантически обновляются в силу все более вольного, переносного употребления: от конкретного значения к абстрактному, от частного случая к обобщению. Метафоризация при-

водит к большей слитности компонентов сочетания, вызывая его некоторое упрощение: частные элементы первоначальной фразы опускаются, меняется их грамматическая структура. В итоге старые устойчивые формулы становятся все более неразложимыми семантически, лексически и грамматически.

Переход от прямого значения сочетания к переносному является важнейшим этапом фразеологизации, обуславливающим его семантическое и формальное развитие. Например: *the thread of Ariadne* (книжн.) ‘нить Ариадны, путеводная нить’ [4, с. 757]. Принадлежность имени собственного *Ariadne* к возвышенному стилю объясняется общей закономерностью мифотворчества идеализировать человеческое бытие и видеть в повседневном черты вечного. Такую же тенденцию демонстрируют следующие примеры: *the Pierian spring* (книжн.) ‘вдохновение’ (Пиерия – область в Северной Фессалии, которая в древности считалась обителью муз) [4, с. 710]; *den Pegasus besteigen (reiten, satteln)* (поэтич.) ‘осідлати Пегаса’ (починати писати вірші) [5, с. 99]; *den Parnass besteigen* (поэтич.) ‘зійти на Парнас’ (стаття поетом) [5, с. 96].

Таким образом, на дескриптивно-оценочную амальгаму наслаивается еще один аксиологический компонент, мотивом для реализации которого является ассоциативно-образное представление.

Фразеологические единицы с ономастическим компонентом представляют собой традиционные для данной лингвокультурной общности символы и даже мифы, которые служат хранителями информации, существенной для видения мира данным народом. Доминирующим в историческом развитии коннотативных значений слов является лингвокреативное мышление, способное отобразить реальность и вместе с тем вплетать в семантику слова или выражения ассоциативно-образное представление как репродукцию некоторой реалии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. – [2-е изд.]. – М. : Школа «Языки русской культуры»: «Восточная литература», 1995. – Т. 1. – 472 с.
2. Арсеньева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц / Е.Ф. Арсеньева. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 123 с.
3. Кунин А.В. Английская фразеология : [теоретический курс] / А.В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1970. – 344 с.
4. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь : ок. 20000 фразеологических единиц / А.В. Кунин. – [4-е изд., перераб. и доп.]. – М. : Русский язык, 1984. – 944 с.

5. Німецько-український фразеологічний словник : у 2 т. / Уклад. В.І. Гавриш, О.П. Пророченко. – К. : Рад. шк., 1981. – Т. 1. – 416 с. – Т. 2. – 382 с.
6. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 143 с.

УДК 81'37:32

Л.Е. Бессонова
Симферополь, Украина

СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье описываются способы реализации деривационного потенциала политического слова, выявляются механизмы семантической трансформации, что доказывает динамическую природу мотивированного знака.

Ключевые слова: деривация, производное слово, семантическая трансформация, политический текст.

Проблема семантической деривации, связанная с концептуальным содержанием производных слов, по терминологии Е.С. Кубряковой, «комплексных знаков», «space-builders» [4], как фактора объективации мира в лингвистической науке начала XXI века является одной из актуальных, приоритетных и дискуссионных. Разнообразие мнений и направлений свидетельствует о том, что концептуальный универсум картины мира весьма широк и для его моделирования необходим комплексный анализ языковых средств разных уровней. Неоспоримым фактом представляется утверждение о том, что именно в слове аккумулируются особенности восприятия мира, хранится и передается в поколениях исторический опыт, его генетическая память. Лингвисты отмечают, что в процессе познания действительности постоянно происходит стратификация новых понятийных единиц и их блоков, которые приобретают языковую форму, объемно актуализирующую их субстанциональную и функциональную специфику.

Гносеологический характер представлений и понятий обусловливает деривационную актуализацию концептуального содержания слов в его тематических и смысловых модификациях. Это определяется, прежде всего, когнитивной деятельностью человека, которая тесно связана с языком как инструментом познания. Таким образом, изучение языковых единиц в рамках антропоцентрической парадигмы невозможно без учета деривационного потенциала слова

и, соответственно, без обращения к словообразовательному уровню языка: словообразовательный аспект позволяет раскрыть признаки и свойства производных единиц, их связи и отношения, аксиологическую нагрузку, а также измерить коммуникативную значимость лексической единицы для языкового сознания носителя языка. Формирование номинации, по мнению Е.А. Карпиловской, связано как с категоризацией понятия об объекте, так и выявлением когнитивной структуры ее языкового обозначения [2, с. 52].

Комплексный анализ лексических единиц, раскрывающий механизмы образования и функционирования новых слов, позволяет устанавливать неоднородные отношения формы и содержания. Противопоставленность «языкового» и «концептуального» доказывает динамическую природу концептуальных структур, активность и креативность как ведущие свойства мотивированного знака.

Наиболее открытой и динамичной системой в концептуальном универсуме является политический лексикон, в котором иноязычные элементы всегда занимали значительное место, что позволяло делать вывод о расширении политического словаря за счет данных языковых единиц [1; 3]. Однако процесс заимствования, на наш взгляд, сегодня не может рассматриваться как одно из ведущих направлений в формировании политической терминологии. Более значимыми являются процессы детерминологизации и деидеологизации заимствованных ранее номинаций, процессы семантической трансформации адаптированных языком слов и создание на их основе новых производных, а также декорреляция политических терминов в связи с отсутствием четкой денотативной соотнесенности. Активное употребление иноязычной политической лексики в речевой культуре общества, несомненный интерес и толерантное отношение к заимствованиям у носителей языка позволяет определить коммуникативно-прагматические механизмы актуализации широкого употребления интернационализмов.

Закономерности их функционирования могут быть положены в основу концептуального описания, позволяющего установить, какие семантические признаки актуализируются в словообразовательном акте и на основе каких параметров происходит стратификация политического словарного состава. Такие единицы, как *автократия*, *амбиция*, *бюрократия*, *вертикаль*, *глобализм*, *двоевластие*, *демократия*, *европеизация*, *импичмент*, *интеграция*, *консенсус*, *компромисс*, *неофит*, *оппозиция*, *позиционирование*, *популизм*, *терроризм*, *толерантность*, *фигурант*, *электорат* и др. вошли в активный запас русского языка сравнительно недавно – в результате сме-

ны политического уклада постсоветского общества. Избирательное фиксирование рассматриваемых лексем в словарной практике в качестве оперируемых единиц является показателем того, что слово функционирует в определенных социальных сферах (политике, экономике, юриспруденции, социологии, конфликтологии и т.д.) и свойственно прежде всего публицистическому и официально-деловому стилям речи.

Принимая во внимание положение о том, что одним из показателей коммуникативной значимости и речевой адаптации заимствованного слова является его словообразовательная активность, при комплексном анализе политической лексики необходимо включать описание синтагматических моделей на уровне слова и морфемы.

Идея эпидигматической системы языка, принадлежащая Д.Н. Шмелеву, поддерживается и развивается в исследованиях, посвященных учению о производности единиц разных уровней. Так, анализируя две линии деривационных отношений лексико-семантических единиц, их связи, Л.А. Кудрявцева подчеркивает значимость эпидигматической оси как особого («третьего») измерения в структуризации лексики: «Новая единица, появившись в языке, занимает свое место в определенной лексико-семантической парадигме, образует свой синтагматический ряд и в зависимости от своего содержания поддерживает деривационные отношения с определенными словообразовательными рядами» [5, с. 22].

Поскольку слова в качестве маркеров валентности требуют определенных контекстных партнеров с определенными семантическими признаками и исключают других контекстных партнеров с иными семантическими признаками, то анализ окружения сочетаемости лексических единиц является важным в выявлении сем, не отраженных в словарных формулировках. Такой подход позволяет рассмотреть слово на пересечении лексикологии, словообразования и синтаксиса и, следовательно, предоставляет наиболее полную информацию о лексической единице, реализующей семантико-когнитивные возможности ключевого слова в политическом дискурсе.

Идея о взаимосвязи процесса словообразования с динамикой смыслов текста тесно связана с проблемой отсутствия единого формата представления корпусов текстов, а также с принципами их организации. Так, описание политической лексики может быть осуществлено на материале 1) текстов с включенными дефинициями производного слова (корпус авторских интерпретаций): *Для Украины европеизация – это даже не вступление в ЕС и не институциональная интеграция, а именно углубление политической демокра-*

тии (Russian Journal, <http://www.russ.ru>, 23.09.08); Слово «омбудсмен» в переводе со шведского означает «представитель». Однако в современной трактовке это даже не представитель, а защитник интересов и примиритель (Вести, 01.10.2010); 2) текстов масс-медийного дискурса, в которых значение производного слова легко восстанавливается из рематической части предыдущего высказывания: *Коррупция в грузинской полиции переходит в архаизм* (Подробности недели, 24.10.10); 3) текстов, в которых значение производного слова обусловлено общей коннотацией высказывания (речи политиков, интервью, предвыборные программы, ресурсы Интернет-коммуникации: *партии-однодневки, предвыборный пиар-коктейль, депутат с большой буквы и др.*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – [2-е изд.]. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 90–140.
2. Клименко Н.Ф. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі : монографія / Н.Ф. Клименко, Є.А. Карпіловська, Л.П. Кислюк. – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2008. – 336 с.
3. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
5. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка : монография / Людмила Алексеевна Кудрявцева. – [2-е изд., испр.]. – К. : ИПЦ «Киевский университет», 2004. – 208 с.

УДК 81'373.612

О.В. Блюмина
Горловка, Украина

ОБ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КОМПОЗИТОВ

В предлагаемой статье определяются принципы описания оно-масиологических структур композитов со значением процессуальности. Автор констатирует тождество общей схемы ономасиологической модели для универбализационных композитов, деривационных композитов и квазикомпозитов и предлагает шесть типов ономасиологического базиса для рассматриваемых номинатем.

Ключевые слова: номинатема, композит, базис, признак, оно-масиологическая структура.

Целью нашего исследования является определение путей описания ономасиологических структур (далее – ОС) композитов со значением процессуальности в русском языке. Для нас наиболее важен момент формирования их «чистой», номинативной семантики.

Классификация, ориентированная на абсолютизацию этого момента, требует описания сложного слова по тому принципу, как создается ОС его значения, которая включает ономасиологический базис (далее – ОБ), указывающий на определенный понятийный класс – родовое понятие (например, «процесс»), к которому отнесено наименование, и ономасиологический признак (далее – ОП), указывающий на видовую характеристику, определяющую референт внутри класса (например, для действий – направление, производитель, статус и т.п.).

В работах, посвященных описанию ОС сложных слов, в одном ряду рассматривают и универбализационные композиты, формирование которых не нарушает тождества номинатемы с коллокативной доминантой, и деривационные композиты, которые возникают на базе словосочетания, но формируют новую номинатему, и квазикомпозиты, образование которых вообще не связано с использованием словосочетания.

По нашему мнению, эти структуры принципиально различаются: в универбализационных композитах ОБ формируется на основе семантики главного слова исходного словосочетания, а ОП – на основе семантики зависимой лексемы; в деривационных композитах базисную функцию выполняет формант, а признаковую – исходное словосочетание целиком, которое и формирует производящую основу.

Например, для универбата *штрафбат* (= *штрафной батальон*) ОБ является семантика слова *батальон* («подразделение»), а ОП – семантика слова *штрафной* («статус») (ОС «подразделение + статус»). Для композита же *красноармеец*, для которого невозможно обнаружить эквивалент **красный армеец*, ОБ будет семантика форманта *-ец* («лицо»), а ОП – семантика словосочетания *Красная армия* («организация»).

В последнем случае в ОС включается особая метаязыковая единица – предикат, которая связывает ОБ с ОП. Например, в номинатеме *красноармеец* требуется уточнение соотношения базисно-

го значения форманта («субъект») и признакового значения словосочетания («организация»). Такое соотношение описывается предикатом «являющийся участником» (ОС «субъект, являющийся участником организации»). Точно так же и у квазикомпозита *фиточай* ОБ *чай* («продукт») связывается с ОП *фито-* («материал») при помощи предиката «сделанный» (ОС «продукт, сделанный из материала»).

Однако в сложных словах со значением процессуальности на уровне деривационных композитов и квазикомпозитов выведение предиката, определяющего действие или состояние, затруднено, поскольку ОБ здесь сам по себе указывает на состояние или действие. Например, дериват *водозабор* повторяет ОС словосочетания *забирать воду* (процесс + дистрибутив). Разница состоит только в частеречной семе «глагол – существительное».

Точно так же трактовка ОС квазикомпозита *аэросев* как «процесс, осуществляемый при помощи авиации» тавтологична, поскольку включает в свой состав два идентичных аргумента: «процесс + осуществляемый». Поэтому опущение предиката и описание ОС как «процесс + способ реализации» абсолютно достаточны для номинативной трактовки. Иначе говоря, ономаσιологический предикат может быть в этом случае опущен.

Это объясняется особым статусом отглагольных имен со значением процессуальности в системе языка. Не случайно часто говорится о том, что эти единицы, не утрачивая связи с семантическими характеристиками производящего слова, находятся в особой «зоне синкретизма» имени и глагола.

Представляется возможным предположить, что трансформация глагольного словосочетания в имя обусловлена тем, что процессуальность, обозначенная изначально глаголом с зависимым словом и имевшая в этом случае статус предикативного центра предложения, в новых коммуникативных условиях получает статус субъекта – мотиватора другого действия, объекта, на который направлено другое действие, атрибута и т.д. Например, словосочетание *черпать землю* является компонентом предикативного центра предложения. Образованный от него дериват *землечерпание*, обозначающий то же действие, может выполнять функции подлежащего и обозначать субъект-производитель действия, например: *В большинстве стран активизируется землечерпание и мелиорация земель*; может выполнять функцию прямого дополнения и обозначать каузатив: например, *Земснаряд обеспечивает точное землечерпание* и т.д.

Однако синтаксическая позиция не является компонентом ОС номинатемы. Она настроена на реализацию номинативного значения макрознака – предложения. Поэтому девербативный композитивный субстантив является в сущности именной глоссой глагольной номинатемы, приспособленной для реализации его макрознаковых функций.

Именно поэтому все типы субстантивных композитов со значением процессуальности имеют одинаковую ОС: «ОБ, связанный со значением исходного глагола, + ОП, реализующий семантику зависимого компонента».

ОБ несет в себе общую семантику ономаσιологического подкласса. Нами отмечается шесть типов ОБ для рассматриваемых номинатем:

- **процесс**, в котором скриптовые слоты преобладают над фреймовыми; основная составляющая ОБ здесь указывает на протяженное во времени действие, являющееся фокусом номинации, например, *образование торфа – торфообразование*;
- **мероприятие**, в котором фреймовые слоты преобладают над скриптовыми; ОБ здесь фокусирует внимание именно на системе событий, формирующих обозначенное номинатемой действие, например, *агитационный поход – агитпоход*;
- **отрасль**, в котором фреймовые слоты преобладают над скриптовыми; ОБ указывает на действие, формирующее отдельную, самостоятельную часть какого-нибудь рода деятельности, например, *торговля хлебом – хлеботорговля*;
- **состояние**, в котором фреймовые слоты преобладают над скриптовыми; ОБ указывает на положение, являющееся результатом действия, например, *взаимная обусловленность – взаимообусловленность*;
- **действие**, в котором скриптовые слоты преобладают над фреймовыми; основная составляющая ОБ здесь указывает на одноразовое, мгновенное действие, являющееся фокусом номинации, например, *убийство отца – отцеубийство*;
- **событие**, в котором фреймовые слоты преобладают над скриптовыми; ОБ указывает на происшествие, состоявшееся в результате тех или иных действий, например, *крушение корабля – кораблекрушение*.

Предложенный реестр ОБ используется при описании ОС композитов, составляющих ономаσιологический класс «процессуальность».

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУФФИКСАЛЬНЫХ УНИВЕРБОВ

В статье рассматривается стилистическая неоднородность суффиксальных универбов. Производные стилистически маркированы и относятся к разговорной, профессиональной, просторечной и жаргонной лексике. В то же время наблюдается динамика перехода производных из разговорной или профессиональной речи в кодифицированный литературный язык.

Ключевые слова: *суффиксальный универб, стилистическая дифференциация, компрессивное словообразование, разговорная окраска, профессиональная лексика.*

Язык постоянно обогащается новыми лексическими единицами в разных сферах человеческой жизни. Ускорение темпов жизни на рубеже XX–XXI вв. привело в действие один из внутренних законов языка – «закон речевой экономии» (А. Мартине), который находит свое выражение в активном использовании компрессивного словообразования. Одним из наиболее продуктивных способов компрессивного словообразования является универбация. Разнообразием универбации является суффиксальная универбация. Суффиксальные универбы (*электронка, наружка, струйник*) формально мотивируются именами прилагательными, а семантически – словосочетаниями (*электронная почта, наружная реклама, струйный принтер*). Актуальность исследования обусловлена тем, что интенсивность процесса образования подобных номинаций возрастает, современная стилистическая мода отдает предпочтение разговорным средствам.

Проблемой стилевой дифференциации универбов занимались такие лингвисты, как В.Н. Виноградова, Е.А. Земская, Т.Д. Соколовская и др.

Существование сокращенных и полных вариантов наименования, например, деривационных словосочетаний и суффиксальных универбов, служит функционально-стилевой дифференциации языковых средств. Их стилевая маркированность предопределяется в первую очередь общественными потребностями.

Суффиксальная универбация – явление стилистически неоднородное: часть производных принадлежит разговорной речи и

публицистическому стилю, часть – профессионально-технической и жаргонной лексике.

В то же время для универбов характерна полифункциональность, проявляющаяся в переходе производных из разговорной, разговорно-профессиональной речи в кодифицированную. Суффиксальные универбы в современном языке «имеют несомненную тенденцию к вытеснению своих ”полных” фразеологических эквивалентов. Некоторые из таких эквивалентов теперь уже трудно представить даже в ”официальной” речи» [1, с. 266].

Стилевая окраска суффиксальных универбов в определенной степени обусловлена их словообразовательной структурой. «Для описания стилистики словообразовательных средств важнее, видимо, те случаи, когда именно акт образования нового слова одновременно привносит и тот или иной оттенок, меняет сферу употребления» [2, с. 176].

Так, окраска разговорности свойственна прежде всего суффиксу *-к(а)* с морфами *-ушк(а)*, *-ашк(а)*. Производные имеют оттенок разговорности, фамильярности.

«Особую продуктивность в современной разговорной речи приобретает нулевая суффиксация с усечением производящей основы: фанатичный поклонник – *фанат*, стационарное отделение – *стационар*» [3], «некоторую продуктивность в просторечии при создании суффиксальных универбов получил непродуктивный суффикс *-ух(а)*: *групповуха*, *бытовуха*, *порнуха*» [2], стилистически нейтральны суффиксальные универбы с суффиксом *-ак*: *молодняк*, *холостяк*, однако новообразования принадлежат к устной ненормативной речи: *верняк* (верное дело), *медляк* (медленная музыка).

Универбы с суффиксом *-ик-*, обозначающие лицо по специальности, условиям труда, различным отношениям, заболеваниям, характеризуются разговорной окраской: *женатик* (женатый мужчина), *грудник* (ребенок грудного возраста), *прикладник* (тот, кто работает в какой-л. прикладной области), *спорт. игровик* (о тех, кто занимается игровыми видами спорта).

Суффиксы *-ак*, *-ач*, *-ух(а)*, *-щин(а)* вносят значение сниженности, в результате универбы приобретают жаргонную окраску: *левак* (левая работа), *штрафняк* (штрафная рота), *неустановка* (неуставные отношения) и др.

Универбы проникли и в публицистический стиль, поскольку фактор установки на неофициальное общение стал одним из определяющих и для современной публицистики. «Публицистика не уступает разговорно-бытовой сфере по количеству и частотности

употребления конденсатов» [3, с. 109]. Вопрос о стилиевой маркированности универбов в современной общественной жизни включает анализ разговорной лексики профессиональных групп, представленной на страницах прессы. Т.Д. Соколовская утверждает, что «использование универбатов в газете соответствует принципу коммуникативной целесообразности и является уместным, т.е. обусловлено функциональными целями публицистического стиля: информативной и агитационно-пропагандистской» [4, с. 74].

Универбы используются в профессиональной среде и функционируют как единицы неофициального профессионального общения. С.Д. Шелов выделяет такие особенности профессиональной лексики: «1) большая или меньшая ненормированность употребления слова или словосочетания в данном значении; 2) функционально-стилевая ограниченность употребления и 3) наличие эмоционально-экспрессивных коннотаций» [5, с. 82]. Для некоторых суффиксальных универбов характерны первые два параметра: *гидравлик* (гидравлический тормоз), *поисковик* (поисковая программа) и др. Разговорный характер универбов-профессионализмов подтверждает их функционально-стилевую ограниченность.

В.Н. Виноградова группирует образований с суффиксом *-ка* по профессиональной сфере: «из речи военных», «из речи медиков», «из речи спортсменов», «из речи студентов» [2, с. 191]. Например, в речи археологов встречаются единицы *камень* ← каменный век, *бронза* ← бронзовый век. С.Д. Шелов считает, что «подобные слова, безусловно, следует отнести к профессиональному просторечию <...>». В то же время исследователь отмечает, что «для этих единиц отсутствуют корреляции с полноценными терминами типа *камень – каменный век*, что приближает их к терминологии и не позволяет числить целиком в лексике профессионального просторечия», и относит производные к промежуточному явлению полутерминов, «только использование подобных единиц в языковой практике может решить их судьбу <...>» [5, с. 85].

Часть универбов с суффиксами *-ник*, *-ик* и нулевым являются лексемами научного стиля, которые зафиксированы в словарях: *гранатник* «бот. То же, что гранатовое дерево», *слизевик* «слизистый гриб», *мезозой* «геол. То же, что мезозойская эра», *термы* «геол. То же, что термальные воды» и др.

Судьба универбов в русском языке различна: а) многие вошли в кодифицированный литературный язык (*открытка*, *командировка*, *грузовик*); б) другие вышли из употребления, превратившись в историзмы (*керенка*, *учредилка*, *конка*); в) третьи являются достоя-

нием разговорной речи (*зачетка, маршрутка, читалка, титульник*).

В современном русском языке наблюдается тенденция образования универбов при помощи сложных формантов, в структуру которых входят уменьшительно-ласкательные суффиксы. В таких производных номинативная функция сливается с экспрессивной, поскольку в лексемах сохраняется оттенок ласкательности: *годовичок, грудничок, первачок, крахмалочка, откидушечка, грибочок*.

Таким образом, суффиксальные универбы служат функционально-стилевой дифференциации номинативных средств русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова А.С. Очерки по общей и русской лексикологии / А.С. Ахманова. – М. : Учпедгиз, 1957. – 294 с.
2. Виноградова В.Н. Стилистические аспекты русского словообразования: монография / Валентина Николаевна Виноградова. – М. : Наука, 1985. – 184 с.
3. Устименко И.А. Явление семантической конденсации в русском словообразовании / И.А. Устименко. – Белгород : Изд-во Бел. гос. ун-та, 2007. – 132 с.
4. Соколовская Т.Д. Активные процессы в современном русском языке (универбация, конденсация и другие сокращения) / Т.Д. Соколовская. – М., 2004. – 154 с.
5. Шелов С.Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (к проблеме классификации специальной лексики) / С.Д. Шелов // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С. 76–87.

УДК 808.3-3

М.В. Жуйкова
Луцьк, Україна

НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНА СПЕЦИФІКА ФРАЗЕОЛОГІЇ ТА ПРОБЛЕМА ЇЇ КАЛЬКУВАННЯ

Поставлене питання про надмірне захоплення пошуками національно-культурно специфіки фразеологічних одиниць, яке спостерігається у деяких дослідників в фразеології. Натомість наголошується на необхідності виявлення серед масиву фразем таких, що утворені шляхом калькування втілюють реалії чужої культури та історії.

Ключові слова: *фразеологічна одиниця, національно-культурна*

специфіка, реконструкція, калькування.

Загальновідомо, що фразеологія акумулює факти історії народу, його матеріальну і духовну культуру, світогляд, особливості національного менталітету. Це положення, що стало базовим для лінгвокультурології, знаходить безліч підтверджень на рівні фразеологічної діакронії. Однак не можна не помітити певної тенденції у фразеологічних дослідженнях останніх десятиліть, яке полягає у надмірному захопленні пошуками національної специфіки у будь-якому явищі фразеології (за винятком хіба що незначного числа античних і біблійних фразем). Це часто приводить до необгрунтованого оголошення багатьох фразеологізмів породженням того чи того культурно-мовного середовища і до намагання етимологізувати «свої» фразеологізми із залученням конкретних фактів з історії чи культури «свого» народу.

Такі намагання, як правило, виявляються дуже далекими як від реальних процесів ідіомотворення, так і від реальної історії. На подібній практиці як на хибному шляху етимологізації фразеологічних одиниць неодноразово наголошував В.М. Мокієнко, спростовуючи спроби прив'язати походження певної ідіоми до тих чи інших явищ минулого [2, с. 10-12]. Відомий дослідник в царині діакронної фразеології справедливо вказує на те, що пошуки адекватного тлумачення генези певної фразеологічної одиниці мають починатися з виявлення її відповідників та варіантів у споріднених мовах, що дає підстави вписати сталий вираз у широкий культурний контекст, який виходить за межі певної етнічної традиції, побачити загальнослов'янську чи навіть загальноєвропейську специфіку тої чи тої фраземи.

Проблема адекватної реконструкції фразеологічних одиниць наштовхується на вельми суттєву трудність, яка полягає в їх активному переході з мови в мову. Як відомо, калькування як специфічний вид запозичень часто трапляється саме у фразеосистемах. Порівняємо кальковане: з англ. *to mount a hobby-horse* - *цїмти на свого улюбленого коника*, франц. *mettre les points sur les «i»* - *ставити крапки над «i»*, *tirer les marrons du feu* - *тягати каштани з вогню*; нім. *grosse Augen machen* - *робити великі очі*, *Zuckerbrot und Peitsche* - *кнут та пряник*.

Відтворення внутрішньої форми запозичуваної ідіоми за допомогою лексичних засобів мови-реципієнта може супроводжуватися збереженням яскравого образу, що лежить в основі вихідної фраземи. У тих випадках, коли він досить прозорий і не має яскраво

вираженої історичної чи культурної специфіки, скалькована з чужого зразка вторинна фразема починає сприйматися як «своя». Це своєю чергою може спонукати фразеологів до пошуків прийняттого для її пояснення «історичного антуражу», причому часом ігноруються як лінгвістичні, так і культурні аспекти її функціонування. Так, зокрема, відбулося з ідіомою *вставляти палиці в колеса*, що у деяких дослідженнях оголошена «чисто» російською, тоді як насправді це калька відповідної французької фраземи, що виникла на зовсім іншому історико-культурному тлі.

Надзвичайно складним є виявлення фактів калькування із близькоспоріднених мов. Так, генеза ідіоми *подвести под монастирь*, що функціонує в російській мові, тлумачиться у російській фразеологічній літературі через відсилання до двох явищ російської історії: по-перше, до випадків ув'язнення жорстокого чоловіка для виправлення в якомусь монастирі, а по-друге, до практики заманювання ворожих загонів в пастку - до стін монастиря, в якому знаходилися збройні сили (історичним прецедентом тут слугував, звичайно, Іван Сусанін).

Незважаючи на те, що такі факти в історії справді мали місце, вони не спричинилися до виникнення згаданої фраземи. Обидві версії відносять виникнення ідіоми *подвести под монастирь* принаймні до XVII-XVIII вв., тоді як вона фіксується в російській літературі тільки в XX в., не має локальних варіантів і не відома в діалектах російської мови. Ці факти (як і багато інших) указують на те, що ця ідіома не є специфічною для російської мови і, безперечно, виникла в ній шляхом калькування (докладно про її історію з критикою висунених версій див. [1, с. 130-146]).

Таким чином, необхідно обережно ставитися до оголошення багатьох фразеологізмів національно-культурним надбанням тої чи іншої нації, обмежити їхнє використання в аргументації на користь специфіки певної мовної картини світу, оскільки звичний, «свій» фразеологізм може на перевірку виявитися чужоземцем, якому не цілком удалося сховати за «своєю» оболонкою чужий національний дух.

ЛІТЕРАТУРА

1. Жуйкова М.В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов : [монографія] / М.В. Жуйкова. – Луцьк : Редакційно-видавниче відділення «Вежа» Волинського державного ун-ту ім. Лесі Українки, 2007. – 416 с.
2. Мокієнко В.М. Значення української пареміології для історико-

Е.В. Загороднева
Липецк, Россия

ЭКСПЛИКАЦИЯ МАСКУЛИННЫХ ГЕНДЕРНЫХ МАРКЕРОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

Данная работа посвящена исследованию маскулинных гендерных маркеров и их экспликации на фразеологическом уровне французского языка. Приводится классификация фразеологических единиц с ономастическим компонентом структуры, определяются наиболее частотные мужские имена собственные, участвующие в процессе фразеологизации.

Ключевые слова: *маскулинный гендерный маркер, фразеологическая единица, имя собственное, андрореференция, ономастический компонент структуры фразеологических единиц.*

В современной антропоцентрической лингвистике все большее значение приобретает человек и его биологические и социальные характеристики, в том числе гендерные. В связи с этим невозможно обойти вниманием вопрос об имени человека в составе фразеологических единиц (далее - ФЕ) с набором ассоциативных и оценочных импликаций, связанных с ним в каждой отдельной лингвокультурной общности, поскольку комплексного исследования гендерных манифестаций во фразеологическом фонде французского языка ранее не предпринималось.

Гендерная маркированность плана выражения ФЕ может быть представлена следующими группами маркеров: 1) антропометрические лексемы; 2) термины родства; 3) антропонимические лексемы или имена собственные (далее - ИС); 4) агентивные существительные [1, с. 24].

Основой нашего исследования явились маскулинные гендерные маркеры в структуре ФЕ французского языка. Одним из оснований, служащих для отнесения ФЕ разряду гендерно маркированных, может служить наличие в ее плане выражения ономастического компонента, представленного мужским ИС.

Методом сплошной выборки из фразеологических словарей, основываясь на структурном критерии, нами было выделено 309 ФЕ, содержащих мужские ИС, количество ФЕ с женскими ИС со-

ставляет всего 68 ФЕ, явно демонстрируя численное преобладание первых. Однако показатель мужского рода во французском языке может быть генерализирующим началом, т.е. относиться как к референту-мужчине, так и к референту-женщине (*la postérité d'Adam* 'потомство Адама, род человеческий' [НБФРФС]). Кроме того, во фразеологическом фонде французского языка имеются ФЕ, в состав которых входят женские ИС, но сама ФЕ имеет андрореференцию, т.е. имеет своим референтом мужчину (*marin de la vierge Marie* 'разг. речник' [НБФРФС]), и наоборот, мужское ИС в составе ФЕ может иметь гинореференцию (*côte d'Adam* 'ребро адамово, женщина' [НБФРФС]).

Исследуемый лексикографический материал можно разделить на следующие группы.

1. ФЕ, ономастический компонент которых представлен ИС конкретных исторических личностей, как например: Паскаль (*L'abîme de Pascal* 'бездна Паскаля' [НБФРФС]). ИС из данной группы, участвующие в процессе фразеологизации представлены следующими единицами: *Pascal*, *Vaugelas*, *Molière*, *Montaigne*, *Rabelais*, *Offenbach*, *Charlemagne*, *Robespierre*, *Voltaire*, *Rousseau* и др. По сравнению с библейскими и мифологическими ИС, относящимися к древнегреческой и древнеримской мифологии, их количественное соотношение невелико.

2. ФЕ, ономастический компонент которых представлен ИС мифологических и библейских героев: Ахиллес (*la lance d'Achille* 'копье Ахилла' [НБФРФС]), Каин (*marque au front de Caïn* 'библ. каинова печать' [НБФРФС]). Наиболее частотные ИС, претерпевающие фразеологизацию: *Adam* (17 ФЕ), *Bacchus* (8 ФЕ), *Jésus-Christe* (7 ФЕ), *Jupiter* (5 ФЕ), *Judas* (5 ФЕ), *Apollon* (4 ФЕ), *Hercule* (4 ФЕ).

3. ФЕ, содержащие в своей структуре ИС литературных и фольклорных персонажей (*moutons de Panurge* 'панургово стадо, стадо баранов, бессмысленные подражатели' [НБФРФС]).

ИС данных групп, как правило, являясь «нагруженными» культурными представлениями, обрастают целым набором ассоциаций, признаков и представлений, связанных с тем или иным конкретным персонажем. Именно вокруг них происходит средоточие фоновых знаний, значение которых определяется типизированным образом, сложившимся в национальном сознании [3, с. 22].

4. ФЕ, не имеющие конкретного денотата, ономастическим компонентом которых являются общеизвестные прозвища, клички и наименования: *Fanfan la Tulipe* 'Фанфан-Тюльпан' «традиционное

прозвище солдата-волокиты, весельчака и забулдыги в XVIII веке» [НБФРФС]. ИС входящие в состав ФЕ данной группы, хотя и не имеют конкретного денотата, их выбор, видимо, имел случайный характер, однако в результате частотного употребления данные ИС «обросли» ассоциациями и стали языковыми реалиями с ярко выраженной оценочностью. Во фразеологическом фонде французского языка ИС в образовании ФЕ данной группы наиболее часто участвуют *Jean* (14 ФЕ) и его деривационные варианты *Jeannot* (2 ФЕ), *Jeanot* (2 ФЕ), *Gros-Jean* (1 ФЕ); *Jacques* (4 ФЕ), также имеющий несколько дериватов: *jaques* (1 ФЕ), *Jacquot* (1 ФЕ), *Jaco* (1 ФЕ), *Jacot* (1 ФЕ); *Gautier* (5 ФЕ); *Job* (4 ФЕ) и его дериваты *job* (3 ФЕ), *Jobard* (2 ФЕ); *Garguille* (4 ФЕ). Составных мужских ИС практически не было выявлено, за исключением двух ФЕ, причем, в состав каждой из них входит ИС *Jean*: *bite à Jean-Pierre* ‘арго. полицейская дубинка’; *chevalier de l’ordre de Jean-Guillaume* ‘висельник» [НБФРФС]. Большинство ИС этой группы, обладая высокой частотностью употребления, приобрели пейоративное значение в процессе деонимизации. Так, имя *Guillaume* зачастую используется для характеристики глупого, простого, наивного и пустого человека, вызывающего насмешки; *Jacques* со Средневековья может выступать в значении «глупый», «нелепый», «невежда» [4]; прозвище *Jean* приобретает характеристики глупца, рогоносца, никчемного человека.

5. ФЕ, ономастический компонент которых представлен именами, не имеющими конкретного денотата и не являющиеся именами-реалиями, выбор которых, как нам представляется, осуществлялся зачастую по созвучию лексических единиц в составе ФЕ: *tranquille, Emile!* ‘я думаю, еще бы’, ‘еще как’; *à la tienne, Etienne!* ‘разг. за твое здоровье’; *d’accord, Hector!* ‘пожалуй’, ‘допустим!’ [НБФРФС].

Таким образом, нами было установлено, что из отобранного фразеологического корпуса 179 ИС являются компонентами структуры 309 ФЕ. Причем 129 ИС, участвовавших в образовании 223 ФЕ (72%), восходят к конкретной личности, реально существовавшей или придуманной. Этот фразообразовательный потенциал можно объяснить более богатым набором характеристик, социальных ожиданий, реальных историй и мифов, связанных с детерминированными персонажами и создающих внутреннюю форму ФЕ. Напротив, лишь 50 ИС, имеющих в плане выражения 86 ФЕ (28 %), относятся к множеству денотатов. Причем из этого количества только 13 ИС, входящих в группу междометных ФЕ, не имеют ни-

каких культурных импликаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии / И.В. Зыкова. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 232 с.
2. НБФРФС – Новый Большой франко-русский фразеологический словарь / под ред. В.Г. Гака. – М. : Русский язык ; Медиа, 2005. – 1625 с.
3. Ощепкова Е.В. Слова-реалии австрализмы как образные наименования // Австралия и Новая Зеландия: Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.В. Ощепковой, А.С. Петриковской. – М. : Русский язык, 1998. – С. 21-24.
4. Sekvent K. Quelques remarques sur les prénoms français [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.phil.muni.cz/rom/erb/7sekvent-66-opraveno.rtf>. Проверено 23.11.2009.

УДК 811.162.1

E. Koriakowcwa
Siedlcah, Polska

О MODALNYCH NOMINA ABSTRACTA W JĘZYKU POLSKIM

Традиционно деление на реальные и модальные предикаты по признаку 'характер устанавливаемой достоверности' применяется только к глаголам. В данной статье доказывается, что противопоставление реальных и модальных предикатов возможно и в рамках именных предикатов - nomina abstracta, в связи с чем анализируются семантические и словообразовательные особенности польских nomina abstracta с формантом -ość, рассматриваются языковые и внеязыковые факторы, обуславливающие появление в их кругу модальных предикатов.

Ключевые слова: модальность, польское словообразование, абстрактные существительные, продуктивные форманты.

W językoznawstwie polskim modalność traktowana jest bardzo szeroko, a podejście do tego zagadnienia nie jest jednolite. Przyjęty jest podział czasownikowych predykatów na realne i modalne w zależności od charakteru wyrażania przez nich stosunku mówiącego do wypowiedzianej treści. Predykaty realne przekazują treści wypowiedzi o istniejących realnie właściwościach przedmiotów. Predykaty modalne, w odróżnieniu od realnych, przekazują treści semantyczne, które dotyczą nie samych właściwości, a potencjalnych sposobów ich realizacji, tzn. możliwości, pożądania, niezbędności¹. Problem modalności predykatów

¹ Dość obszernego przeglądu literatury na ten temat dokonują B. Boniecka

imiennych, derywatów odczasownikowych, zwykle jest pomijany, chociaż o zjawiskach paralelnych w składni i w słowotwórstwie pisano wielokrotnie. Bezdyskusyjne jest przy tym twierdzenie, iż modalność to zjawisko kompleksowe, którego zakres dotyczy zasadniczo piętra składniowego, choć ma ona także swoje wykładniki gramatyczne i leksykalne.

Na istnienie adiektywnych korelatów opozycji dwóch trybów czasownikowych (irrealnego i realnego) jeszcze w roku 1976 zwróciła uwagę J. Puzynina [8]. Udowodniła ona, iż we współczesnym języku polskim ze względu na różne relacje między orzekaną czynnością a podmiotem, któremu czynność zostaje przypisana, przymiotnikowe derywaty odczasownikowe mogą być podzielone na czynnościowe i potencjalne, tzn. takie, które wskazują na skłonność, możliwość, zdolność podmiotu do wykonywania lub podlegania czynności. Jest oczywiste, że ten podział w zasadzie odpowiada podziałowi na «predykaty realne» i «predykaty modalne».

Wychodząc z założenia, iż słowotwórstwo jest tym sposobem nominacji, który dostarcza składni środków kondensacji formalnej, a derywaty transpozycyjne mogą być nominalizacjami zdań z orzeczeniami imiennymi, zaryzykowałam twierdzenie, że we współczesnym języku polskim modalność charakteryzuje nie tylko czasowniki i odczasownikowe przymiotniki, ale również pochodne od nich nomina abstracta, tj. predykaty imienne, zwane w rusycystyce «włączonymi» [6, s. 83].

W niniejszym artykule przedstawiam rezultaty słowotwórczej analizy diachronicznej odprzymiotnikowych nomina abstracta z formantem *-ość*, zwracając szczególną uwagę na przyczyny i warunki ich powstawania. Materiał językowy zaczerpnięto z pracy «*Słowotwórstwo języka doby staropolskiej. Przegląd formacji*», zredagowanej przez K. Kleszczową [4]. Bazę materiałową do analizy stanowiły także derywaty wyekscerpowane z «*Komputerowego słownika języka polskiego*» (PWN 1996).

W pracy „*Słowotwórstwo języka doby staropolskiej. Przegląd formacji rzeczownikowych*” wydziela się ponad 40 nomina actionis z formantem *-ość* [4, s. 100-102], które były utworzone wprost od przymiotników mających bardzo różne właściwości strukturalne i semantyczne. Są to przymiotniki z sufiksami *-liw-*, *-al-*, *-n-* (por.: *kwapliwy* → *kwapliwość*, *omierzliwy* → *omierzliwość*, *pierzchliwy*

[1], D. Rytel [7], W. Kryzia [5].

‘gniewliwy’ → *pierzchliwość* ‘gniew’, *opuszczały* → *opuszczałość*, (*służebny* → *służebność* ‘służba’). Staropolskie nazwy czynności z formantem *-ość* tworzyły pary synonimiczne z nomina actionis mającymi formant *-nie* (*lekkoważność* – *lekceważenie*, *opuszczałość* – *puszczenie*), które ostatecznie wyparły rzeczowniki z *-ość* i wygrały konkurencję, ponieważ tworzyły wyspecjalizowany i bardzo produktywny typ słowotwórczy.

Szczególne produktywność formantu *-ość* ujawniła się pod koniec XIX wieku. Niewątpliwie, największy wpływ na produktywność typu słowotwórczego z tym formantem wywarły czynniki kulturowe i cywilizacyjne. Rozwój nauki i techniki w Polsce (tak samo – w Rosji) wymusił powstanie setek terminów – nazw abstrakcyjnych [3, s. 375]. W tym okresie poszerzyła się baza derywacyjna rzeczownikowego typu słowotwórczego z formantem *-ość*, bo rzeczowniki z tym formantem tworzone od możliwościowych przymiotników odczasownikowych, mających w swej strukturze sufiks *-aln-* (np., *jadalny* ‘który może być jedzony’) [9, s. 112].

Źródłem formantu *-alny*, który, zdaniem S. Rosponda, powstał w XVIII wieku, jest proces kontaminacji przyrostków przymiotnikowych *-al-* i *-n-* (por. [2]). Sufiks *-l-* etymologicznie jest związany z prasłowiańskimi imiesłowami, tzn. formami koniugacyjnymi o znaczeniu czynnościowym. Staropolskie przymiotniki z formantem *-aly* w pewnym stopniu zachowywały więc semantyczną z imiesłowami biernymi czasu przeszłego, znaczna część z nich (aż 38 z 195), według K. Kleszczowej, miała znaczenie bierne [4, s. 111]. W XX wieku polifunkcyjny sufiks *-n(y)*, używany do tworzenia przymiotników predyspozycyjnych typu *uleczny*, *pitny* był wyparty przez monofunkcyjny suf. *-alny* [3, s. 363], w którego strukturze element *-al-* zachowywał w pewnym stopniu znaczenie czasu przeszłego, por.: *jadalny* < *jadać* ‘taki, który niejednokrotnie był jedzony i dlatego wiadomo, że można go jeść’ (*grzyb jadalny*).

W XX wieku w języku polskim ostatecznie uformowała się klasa specyficznych odczasownikowych form przymiotnikowych z formatem *-alny*, mających charakter bierny możliwościowy. Ta klasa stała się niejako substytutem utraconej kategorii imiesłów biernych czasu teraźniejszego (wiadomo, że nieliczne były imiesłowy z formantem *-omy*, *niewidomy*, *widomy*, *świadomy*, *znajomy* odbierane dziś jako przymiotniki nazywające cechy statyczne). We współczesnym języku polskim predyspozycyjne przymiotniki z formantem *-alny* regularnie tworzone są od czasowników niedokonanych przechodnich. Od strony semantycznej (a niegdyś formalnej) są one bardzo podobne do rosyjskich

imiesłowów biernych czasu teraźniejszego, por.: *dopuszczalny* – *допускаемый*, *dostrzegalny* – *достигаемый*, *karalny* – *караемый*, *kontrolowalny* – *контролируемый*.

Rozwój naukowego myślenia prognozującego, które stale potrzebuje złożonych semantycznie nazw możliwościowych, stymuluje dalszy wzrost produktywności typu słowotwórczego z formantem *-alny*. Od przymiotników z tym formantem prawie automatycznie tworzone są derywaty rzeczownikowe za pomocą formantu *-ość*. Rzeczowniki te wskazują na skłonność, możliwość, zdolność wykonywania (lub podlegania) czynności. W *Komputerowym słowniku języka polskiego* odnotowano 137 przymiotników z formantem *-alny*. Znaczna część tych przymiotników to terminy naukowe albo techniczne, np., *spawalny* ‘dający się spawać’, *zniszczalny* ‘podlegający zniszczeniu, mogący być zniszczonym’ itd.

W większości przymiotniki te (prawie 100) posłużyły jako baza derywacyjna dla nomina abstracta z formantem *-ość*, które wskazują na skłonność, możliwość, zdolność wykonywania (lub podlegania) czynności przez podmiot. Te „możliwościowe” rzeczowniki znajdują się w opozycji do nomina actionis z formantem *-nie*, które nazywają realnie wykonywane czynności, por.: *spawanie* – *spawalność*, *zniszczenie* – *zniszczalność*. Warto podkreślić, że taka sama opozycja istnieje w języku rosyjskim, por.: *контролировать* – *контролируемость*, *растягивание* – *растяжимость*.

Reinterpretacja semantyczna odprzymiotnikowych nazw czynności z formantem *-ość* doprowadziła w efekcie do aktualizacji stosunków motywacyjnych z czasownikami o tym samym pniu (motywacja pośrednia). W wyniku tej reinterpretacji powstał wtórny sufix *-alność*, produktywny w systemie terminologicznym. Za jego pomocą tworzone są odczasownikowe nazwy czynności, mające znaczenia: 1) 'zdolność do wykonywania czynności („aktywna procesualność hipotetyczna”): *dożywalność* (< *dożyć*), *pływalność* (< *pływać*), *powtarzalność* (< *powtarzać się*), *zachorowalność* (< *zachorować*), *zapadalność* (< *zapadać*); 2) 'możliwość podlegania czynności' („pasywna procesualność hipotetyczna”): *obciążalność* (< *obciążać*), *oglądalność* (< *oglądać*), *używalność* (< *używać*) itd.

Nawet pobieżny przegląd historii nazw czynności z formantem *-ość* pozwala zauważyć pewne tendencje rozwojowe.

1. W języku polskim modalne nomina actionis z formantem *-ość* są tworzone od przymiotników predyspozycyjnych z formantem *-alny*, pochodnych od czasowników przechodnich będących określnikami rzeczowników żywotnych i nieżywotnych, np.: *rozpoznawalny* →

rozpoznawalność, rozpuszczalny → *rozpuszczalność*. Sufiks *-alny* to wyspecjalizowany afiks, który eksplikuje znaczenia trybu i modalności w semantyce przymiotników odczasownikowych. Jest to sufiks pełniący funkcje podobne do tych, które pełni rosyjski sufiks imiesłowów biernych czasu teraźniejszego, tzn. *-um/-em-* (brak tych imiesłowów w języku polskim).

2. Formant sufiksalny *-ość* pełni funkcję transpozycji do innej części mowy, ale przy tym w niektórych polskich nazwach czynności, mających charakter możliwościowy, pojawia się wyraźny sygnał trwałości, częstotliwości i rezultatywności (np. *jadalność, oglądalność*), co jest związane z aktualizacją etymologicznego znaczenia perfektywnego cząstki *-al-*.

3. Na skutek reinterpretacji semantycznej modalnych nomina actionis z formantem *-ość* powstał nowy odczasownikowy typ słowotwórczy i nowy złożony formant *-alność* oraz ukształtował się klasa substancywnych predykatów modalnych, będący w opozycji do substancywnych predykatów realnych, tzn. nazw czynności z formantem *-nie*.

4. Substancywne predykaty modalne z formantami *-ość/-alność*, zachowując cechy procesualności werbalnej, nijako „stylizują” je pod nazwy cech i właściwości. Owszem, te nazwy abstrakcyjne poddawane są „obróbce semantycznej” w kontekstach syntaktycznych, gdzie modalne elementy ich znaczeń mogą być zaktualizowane lub zneutralizowane. Jednak już sam fakt istnienia substancywnych modalnych nomina abstracta jest argumentem przemawiającym za tym, aby przy analizie nomina actionis stosować dodatkowe kryterium klasyfikujące (tzn. ustosunkowanie nadawcy do treści wypowiedzi, przekazywanej przez nazwę czynności). Będzie to dobrze służyć sprecyzowaniu i wzbogaceniu opisu całej makrokategorii nomina abstracta.

BIBLIOGRAFIA

1. Boniecka B. O pojęciu modalności (przegląd problemów badawczych) / B. Boniecka // *Język Polski*. – LVI, z. 2. - 1976. - S. 99-110.
2. Czopek B. Przymiotniki na *-alny, -arny* w historii języka polskiego na tle słowiańskim / B. Czopek // *Polonica*. - R. IV. – 1978.
3. Długosz-Kurczabowa K. Gramatyka historyczna języka polskiego / K. Długosz-Kurczabowa, S. Dubisz. - Warszawa, 2001.
4. Słowotwórstwo języka doby staropolskiej. Przegląd formacji rzeczownikowych / [red. K. Kleszczowa]. - Katowice, 1996.
5. Kryzia W. Infinitivus a modalność wewnątrzdzdaniowa (Pojęcie możliwości) / W. Kryzia // *Języki słowiańskie dziś*. Nowe fakty, nowe spojrzenia. - Kato-

wice. 2001.

6. Nikitin M.V. Osnovy lingvističeskoj teorii značenijsa / M.V. Nikitin. – Moskva, 1988.
7. Rytel D. Leksykalne środki wyrażania modalności w języku czeskim i polskim / D. Rytel. – Wrocław, 1982.
8. Puzynina J. Z problematyki opisu słowotwórczego przymiotników dewerbalnych: Semantyka tekstu i języka / J. Puzynina. – Wrocław, 1976.
9. Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego / S. Rospond. – Warszawa, 2000.

УДК 81'373.7:801.676

Ю.О. Маркітантов

Кам'янець-Подільський, Україна

ОКАЗИОНАЛЬНІ ФРАЗЕОЛОГІЧНІ НОВОТВОРИ У ПОЕТИЧНОМУ МОВЛЕННІ

У статті досліджується субституція як один із найдійовіших способів творення оказіональних фразеологічних одиниць у поетичному мовленні. При цьому розрізняється оказіональна варіантність і оказіональний фразеологізм.

Ключові слова: фразеологізм, оказіоналізм, субституція, поетичний текст.

Сучасні дослідження в царині фразеології на сучасному етапі здійснюються у трьох напрямках: структурному, функціональному і когнітивному. Усі вони, безперечно, мають право на існування. Однак, на нашу думку, аналіз фразеологічного матеріалу, з погляду його ролі та поведінки в конкретних мовленнєвих умовах, має важливе значення у розкритті властивостей та особливостей як самих фразеологічних одиниць (далі – ФО), так і того мовленнєвого середовища, в яке їх уведено.

Фразеологічна одиниця у поетичному тексті, за справедливим твердженням С. Тур, «одночасно акумулює і породжує додаткові текстові смисли, віддзеркалюючи специфіку авторського бачення світу. ФО є важливим засобом когезії в поетичному тексті, взаємодія ФО і тексту виявляється не лише на семантичному, але й на структурному, сюжетному і композиційному рівнях цілого тексту» [4, с. 90].

Однак поети не обмежуються використанням готових мовних образів. Загострити увагу читача (слухача), подекуди оживити образ, а подеколи й внести свої неповторні нюанси в загальновідомі мовні формули, а то й запропонувати адресату свою, авторську формулу – ось що найбільше захоплює майстрів поетичного слова. І це є характерною рисою як українських, так і інших слов'янських поетів.

Серед найвідоміших і найрезультативніших у семантико-функціональному сенсі способів творення авторських ФО виділимо лексичну заміну компонентів (субституцію) загальнономовних фразеологізмів. Дослідники зауважують, що лексична заміна компонента (компонентів), або субституція – один із найпоширеніших різновидів структурно-семантичного типу трансформацій ФО [2, с. 108].

Семантика фразеологізму під час субституції може зазнавати змін більш або менш суттєвих, що залежить, у першу чергу, від характеру заміника традиційного компонента фразеологізму. А заміниками можуть бути лексичні синоніми компонентів і, крім того, ситуативні синоніми, які, як зазначає І.В. Дубинський, «поза конкретними обставинами ніяк не асоціюються з витісненим компонентом» [3, с. 67].

Необхідною умовою будь-якої субституції є перенесення фразеологізму з одного семантичного плану в інший. Модифікуючи фразеологізм, письменник відштовхується від лексичного змісту його компонентів, тобто певним чином відбувається дефразеологізація ФО. При цьому компонент (компоненти) ФО, що підлягає заміні, знову стає словом. Це дає можливість зіставляти лексичну семантику компонента ФО і слова-замінника. Наступний крок – заповнення схеми новими компонентами і повторна метафоризація.

Якщо в узуальному фразеологізмі замінюється один або кілька компонентів, а не увесь його склад, можна говорити про оказіональну варіантність цього фразеологізму, як-от: *І сниться хлопцям – придане горою, / комори, скрині, лантухи, вози! / А понавколо свахи ходять росм, / а зверху Галя котить гарбузи* (Л. Костенко). Фразеологізм *давати гарбуза* – «відмовляти кому-небудь у сватанні, залицянні» - у видозміненій формі лише актуалізує загальнономовну семантику, а сама заміна обумовлена широким контекстом і тісно з ним пов'язана.

Дещо іншу природу мають фразеологічні одиниці, у яких заміні підлягають усі компоненти. При цьому заміники заповнюють структурно-граматичну схему узуальної ФО, не порушуючи її. До цього типу трансформацій, а точніше способу творення ФО, часто вдаються майстри поетичного слова. У поезії І. Драча «Етюд покоління» ми натрапляємо на такий приклад: *Амплітуда людська – від колиски до гробу. / Та не знати народу таких амплітуд, / Бо ошпарює реквієм мою душу окропом / І сподівану зрілість вишукує тут.*

Фразеологізм, що став прообразом для новоутвореного, ми маємо у словнику: *з (від) ранку (рання) до [самого] вечора (до смерку, до смеркання, до темна, до [пізньої] ночі)* – «весь день; цілими

днями, протягом довгого часу». Як бачимо, новотвір пізнається і признається як повноправна фразеологічна одиниця. Скажемо більше: новотвір претендує на самостійне життя не як варіант, а як повноправна, самодостатня ФО.

Часто поети як базовий у своїй фразеотворчості використовують фразеологізм з *(від) голови [аж] до ніг* – «повністю, цілком, весь». І якщо Є. Євтушенко видозмінює його, замінюючи лише другу частину: *Вся от головы и до хвоста – / ты гниешь, империя чиновничья, / как слепое, жалкое чудовище*, – то В. Соколов створює оказіональний фразеологізм. При цьому семантика новотвору надто близька до базової (хоча й не ідентична), але така трансформація стилістично виправдана ситуацією: *А уж дворник торопится к дому, / любопытен от пят до седин*. Слово *седина* в структурі ФО вносить у контекст елемент піднесення [1, с. 227] і одночасно вказує на вік персонажа.

Високого ступеня узагальнення смислу, його тісного зв'язку з контекстом, досягає Л. Мартинов, творячи на базі цієї ж ФО свою індивідуально-авторську одиницю: *А все не лопнуло б, не треснуло б, / Не рухнул бы в недобрый час / Весь этот газово-бензиновый, / Зыбучий от вершин до недр, / Мир геометрии резиновой ...*

А Л. Костенко вдається до такого оновлення цього фразеологізму: *Суддя здригнувся. Оdsaхнувся натовп. / Горбань охляв од чуба до халяв. / Козак спітнів. Козацька шабля навпіл. / А стіл стоїть. Так само, як стояв. І теж не безпідставно: чуб – атрибут козацької зовнішності, халяви – одягу. Завдяки цьому фразеологізм з національно-нейтрального переходить у розряд одиниць з яскравою етносемантикою.*

Використовуючи цю ж структурну схему *від N₁ до N₂*, Б. Олійник творить ФО-оказіоналізм *від титли до коми*: *Затворник, / всохший з виду, мов ікона, / Жадав прийняти речення святе / На вірю – / Від титли і до коми, – / Усе мирське одмівши як пuste.*

Та не лише структурні схеми та моделі є базою для творення оказіональних фразеологічних одиниць. Інколи поети використовують як базу ситуацію, відому широкому загалу, або ж народну прикмету як-от: *О Господи, його вже й поховали. / Йому вже всі зозулі відкували. / Я слутала ... у п'ятницю ... тоді... / коли я ще стояла на суді ...* (Л. Костенко). *Зозулі відкували* – «завершився життєвий шлях».

Отже, поетична творчість талановитих майстрів слова є й творчістю фразеологічною. І один з найпродуктивніших способів оказіонального фразеотворення – це субституція.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бакина М.А. Общеязыковая фразеология как выразительное средство современной поэзии / М.А. Бакина // Е.А. Некрасова, М.А. Бакина // Языковые процессы в современной русской поэзии. – М. : Наука, 1982. – С. 189-306.
2. Білоноженко В.М., Гнатюк І.С. Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів / В.М. Білоноженко, І.С. Гнатюк. – К. : Наукова думка, 1989. – 156 с.
3. Дубинский И.В. К вопросу о порядке слов в устойчивых сочетаниях / И.В. Дубинский // Ученые записки Азербайджанского государственного педагогического института языков. – 1957. – Серия «Филология». – Вып. 5. – Ч. 2. – С. 94-95.
4. Tur S. Текстобразующая роль фразеологизма в современном русском поэтическом тексте / S. Tur // Nowa frazeologia w nowej Europie. Новая фразеология в новой Европе. Neue Phraseologie im neuen Europa. Słowo. Tekst. Czas. : Tezy referatów VI międzynarodowej konferencji naukowej, Szczecin, 6-7 września 2001 r. / Pod redakcją H. Waltera, W. Mokijenki i M. Aleksiejenki. – Greifswald, 2001. – С. 89-90.

УДК 811.161.1'373.46

О.В. Нашиванько

Днепропетровск, Украина

СПОСОБЫ ДЕРИВАЦИИ ТЕРМИНОВ МЕДИЦИНСКОЙ КОСМЕТОЛОГИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рассмотрены основные способы создания терминов в медицинской косметологии в современном русском языке; установлены наиболее активно используемые способы, позволяющие создавать номинации с мотивированной, прозрачной смысловой структурой.

Ключевые слова: терминология медицинской косметологии, способы образования терминов.

Русскоязычная терминология медицинской косметологии относится к номинативным подсистемам, практически не изученным в лингвистическом аспекте. В настоящей статье предполагается рассмотрение основных способов образования терминов медицинской косметологии. Материалом исследования послужило более 1000 терминов, извлеченных автором из толковых и электронных словарей косметологических терминов.

Отметим, что в структурном отношении среди анализируемых единиц преобладают составные (57%), за которыми по численности следуют однословные сложные (23,5%) термины. Однослов-

ные простые и аффиксальные номинации составляют 18,5% всей выборки. Такое распределение структурных типов вполне соответствует общей тенденции, согласно которой «многословные термины в большинстве европейских языков составляют 60–80% от общего количества терминов» [1, с. 121].

Простые однословные термины, основа которых совпадает с корнем, в единичных случаях возникли в результате терминологизации общеупотребительных слов, т.е. образованы с помощью семантического способа (*кожа, морщины, язва* и др.), в подавляющем же большинстве случаев представляют собой заимствования из западноевропейских (*лифтинг, лишен, пилинг, брашинг* и др.) или классических языков: латинского (*абсцесс, импетиго, карбункул, невус, папула* и др.) или греческого (*эпидермис, эпителий*).

Незначительную часть простых аффиксальных терминов составляют номинации, образованные от корней русских слов при помощи русских суффиксов (*крапивница, обертывание, обливание, обтирание, потертость, почесуха* и др.) или при помощи суффиксально-префиксального способа (*омозолелость*).

Рассматривая способы образования медицинских терминов, следует подчеркнуть то, что современная медицинская наука, в частности медицинская косметология, использует в основном латинские термины или лексические элементы греческого языка. Эти два языка, вошедших в определенный исторический период в качестве особых языков науки в западноевропейских странах, явились не только источником лексических заимствований, но и образцом конкретных моделей для создания русских медицинских терминов. В силу ряда исторических причин важную роль в терминологии медицины играют сложные и производные слова, составленные из интернациональных корневых и аффиксальных морфем древнегреческого и латинского языков [2, с. 273]. Эти терминообразовательные средства принято называть терминоэлементами.

Проблемой терминоэлемента как структурной (корневой или аффиксальной) единицы слова-термина занимались многие ученые (Вюстер, Д.С. Лотте, В.П. Даниленко, Т.Л. Канделаки, В.М. Лейчик, В.Ф. Новодранова и др.). Наряду с трактовками терминоэлемента, базирующимися на смысловом анализе термина и его компонентов, существует подход, основанный на анализе линейной структуры термина, вследствие чего терминоэлементы определяются как формальные компоненты специальной единицы [2, с. 285].

Служебные терминоэлементы классических языков (префиксы, суффиксы), регулярно повторяясь в определенных терминологических

гических рядах, обретают свое особое, терминологическое значение, теряя прежнее структурное значение, присущее им в языках-источниках. В научной литературе подробно описан процесс специализации аффиксов, закрепление их для выражения определенно-го значения в определенной сфере [2].

Так, термины с суффиксом *-оз-*, восходящим к лат. *-osis-*, имеют общее значение «патологический процесс, дегенеративное заболевание, хроническое болезненное состояние». Мотивирующие основы обозначают ткань, орган, часть тела, система организма, пораженные болезнью, например: *амилоидоз, ксероз, кератоз, цианоз, спонгиоз* и др. Русский суффикс *-ит-* соответствует латинскому *-itis-*. С XVIII века суффикс *-itis-* стал использоваться исключительно для образования названия заболеваний воспалительного характера: *дерматит, целлюлит, фолликулит, хейлит* и др. Мотивирующими основами являются греческие наименования органов и тканей. С суффиксом *-ом-* в медицинской терминологии от мотивирующих основ существительных, называющих ткани, образуются названия опухолей: *ангиома, фиброма* (кожи), *миксома, атерома, меланома, папиллома* и др.

В образовании префиксальных производных чаще всего используются элементы *гипер-*, *гипо-*, *де-*, *ре-*, например: *гиперпигментация, гиперкератоз, гипертрихоз, гипопегментация, депигментация, реимплантация* и др.

Сложные образования, состоящие из греко-латинских терминоэлементов, образуют в исследуемом терминологическом пространстве ряды терминов, объединяемых первым или вторым (опорным) компонентом. Наибольшей продуктивностью характеризуются ряды с опорными терминоэлементами *терапия* (*пелоидотерапия, талассотерапия, энзимотерапия, ионотерапия* и др.), *пластика* (*блефаропластика, ринопластика, липопластика*), *дерматит* и *дермит* (*фотофитодерматит, акродерматит, нейродермит*), *-томия* (*ретидектомия, блефаротомия*) и др.

Следует отметить, что в дискурсивной практике многие сложения, состоящие из греко-латинских терминоэлементов, функционируют наряду со своими синонимами, возникшими в результате полного или частичного калькирования компонентов: *аэротерапия – воздухолечение, парафинотерапия – парафинолечение, термотерапия – теплелечение, хромотерапия – цветолечение* и др.

Парадигматический ряд может состоять из интернациональных терминов с варьирующимися компонентами: *прессотерапия – прессомассаж – пневмомассаж*, а также включать наряду с интер-

национальными калькированные и гибридные термины: *фототерапия – светолечение – фотоомоложение*.

Среди составных терминов, образованных синтаксическим способом, преобладают двухкомпонентные, три четверти которых, в свою очередь, составляют атрибутивные конструкции с именем прилагательным в функции препозитивного определения: *костная пластика, нормальная кожа, пластический хирург, клеточная терапия, надбровная ульэритема* и др. Одна треть атрибутивных двухкомпонентных номинаций включает имя существительное в функции постпозитивного определения: *фототип кожи, бластомикоз Джилкрайста, сухость кожи, синдром Ремберга* и др.

В кругу трехкомпонентных терминологических сочетаний наиболее распространенными структурными моделями являются следующие: СПС (*методика микролоскутных пересадок, армирование золотыми нитями*), ПСС (*повышенная чувствительность кожи, аллергический гранулематоз Руитера*), ППС (*жидкие силиконовые материалы, заместительная гормональная терапия*) и ССС (*повышение эластичности кожи, степень регенерации кожи*), представляющие собой модификации двухкомпонентных моделей.

Многокомпонентные (пяти-, шести- и т.д.) модели представлены в исследуемой подсистеме немногочисленными, часто единичными образованиями: *купирование воспалительных реакций на коже; пластическая операция по удалению зон облысения, коррекция морщин с помощью препаратов из донорской дермы* и др.

Исследование показало, что для образования терминов медицинской косметологии наиболее активно используются способы, позволяющие создавать номинации с мотивированной, прозрачной смысловой структурой, а именно аффиксальный, словосложение и синтаксический способ. Это вполне закономерно, так как формальная структура терминов оказывает влияние на их содержательную структуру, точность и адекватность как элементов терминосистемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение / С.В. Гринев-Гриневиц. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
2. Новодранова В.Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии / В.Ф. Новодранова. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 328 с.

УДК 811.161.1'373.611

РЕАЛИЗАЦИЯ АКТАНТНОЙ СТРУКТУРЫ ГЛАГОЛА В НЕОЛОГИЗМАХ-КОМПОЗИТАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В работе исследуется валентность глагола как одна из причин, детерминирующих появление неологизмов. Основным фактором при образовании композитов являются функциональные характеристики компонентов синтагмы, обусловленные содержательными валентностями глаголов, принадлежащих к той или иной лексико-семантической группе.

Ключевые слова: типовая сочетаемость глагола, валентность, индикатор валентности, расщепленная объектная валентность, композиты.

В дериватологии утвердился тезис о коррелятивной связи между сложным словом и синтаксическими структурами: композиты выступают трансформами некоторых типовых предложений (Э. Бенвенист), процесс создания сложных слов является формально-грамматической реализацией семантической структуры предложения (Е.Г. Городенская). В настоящем исследовании принята точка зрения, согласно которой подавляющее большинство сложных слов русского и украинского языков образуется на базе бинарных синтагм (Н.Ф. Клименко).

Многие лингвисты обратили внимание на связь семантики производного слова с валентностью производящего (Ю.Д. Апресян, Е.Л. Гинзбург, Л.П. Клобукова, Т.С. Морозова). Исследователи пришли к выводу, что типовая словообразовательная парадигма является структурой с закрытым числом элементов: не каждая валентность обязательно реализуется в производном слове, однако нет глагольных производных, которые имели бы семантику отсутствующей у глагола валентности. Особое место в валентностной грамматике занимают композиты, поскольку в их структуре содержатся элементы, отображающие компоненты мотивирующего словосочетания и повторяющие в общем виде тип их связи (Н.Ф. Клименко). В лингвистике недостаточно изучена синтаксическая и лексическая сочетаемость глаголов, выступающая в качестве строительного материала для композитов. Появление неологизмов-композитов на основе нетипичной реализации валентностей с отклонением от установившихся закономерностей помогает осмыслить действие лингвистических факторов в процессе словотворчества, выявить принципы развития словообразовательного гнезда.

Исследователи отмечают, что в базовых для сложных слов словосочетаниях чаще всего «реализуется объектная и субъектная валентность глаголов, реже актуализируются его обстоятельственные валентности» [1, с. 42]. Основным фактором при образовании композитов являются функциональные характеристики компонентов синтагмы, обусловленные содержательной валентностью глаголов, входящих в ту или иную лексико-семантическую группу. Учет грамматической и лексической сочетаемости предикатов позволяет выделить типовую сочетаемость глаголов определенной ЛСГ, т.е. дать обобщенную характеристику тех позиций, которые чаще всего представлены в контексте слова (О.А. Михайлова). Исследователи выделяют типовые позиции, разграничивая среди них обязательные и факультативные, а также определяют арсенал средств и способов их замещения (А.А. Загнитко). Изучение типовых позиций для глаголов тех или иных ЛСГ важно для решения проблемы «ЛСГ и словообразование» (Г.Н. Плотникова, М.Ф. Скорнякова).

Так, в качестве типовых для глаголов физического действия выделяются позиции субъекта и объекта действия, а для глаголов движения обязательными являются позиция субъекта и позиция направленности движения – обстоятельство места. Выделенная обязательная позиция для глаголов отражается в сложных производных при помощи первого компонента композита – индикатора валентности (Е.Л. Гинзбург, Н.Е. Грушко).

В композитах реализуется, прежде всего, валентность объекта действия (Н.Е. Грушко), однако выделенная закономерность может не проявляться в тех или иных глаголах. Например, в гнезде с вершиной *ткать* преобладают композиты, первый компонент которых передает валентность ‘из чего’ (*бумаго/шелко/хлопко/льно/шерстоткачество, шерсто/шелкоткач, пестро/злато/золото/сребро/шелкотканый, шерсто/шелкоткацкий*). Валентность ‘что’ реализуется в субстантивном композите *ковроткачество* и в нескольких адъективных производных (*ковро/куле/ленто/металлоткацкий*). Нетипичной является валентность ‘где’ (*домотканый*). Такое распределение валентностей в сложениях обусловлено тем, что предикат *ткать* имеет включенный объектный актанта *ткань* (ср. *ткать* «изготавливать (ткань) путем плотного присоединения накрест переплетенных нитей <...>»). Поэтому для производных релевантна валентность ‘из чего’. Изменение включенного объектного актанта глагола закрепляется в композитах *ковроткачество, ковроткацкий* и др. Включенные актанта содержит и глагол *рушить* 3 «спец. сдирать шелуху с зерна, перерабатывая его в крупу», индикаторами ва-

лентности ‘что’ являются препозитивные основы *рисо-*, *просо-* и *гречко-* (*рисорушка*, *просорушка*, *гречкорушка*), в композитах *кру-порушка*, *крупорушина* объектная валентность является не выраженной.

В гнезде с вершиной *шить* представлены композиты, реализующие валентность ‘что’ (*белошвейка*), ‘чем’ (*золотошвейка*), ‘из чего’ (*шелкошвейка*).

Для сложений с основой *-лечение*, *-лечебный* типичными являются валентности ‘при помощи чего’ (*климато/парафино/солнце/теплелечение*) и ‘что’ (*аллерголечение*, *глазолечение*, *зуболечение*, *зуболечебный*, *онколечение*, *спинолечение*) и нетипичной – валентность ‘кого’ (*народолечение*, *скотолечебный*), что объясняется семантикой глагола *лечить*, обусловленной выдвижением на первый план семы ‘средство’ (ср. «применять какие-л. средства для излечения кого-л., а также больного органа»). В то же время на распределение валентностей влияют и морфемы опорных компонентов композитов, что наблюдается в производных с опорным словом *лечебница*: в сложениях представлены индикаторы валентности ‘при помощи чего’ (*вода/грязе/свето/кумысо/лечебница*), ‘кого’ (*ското/вет/психо/лечебница*), ‘что’ (*зубо/вен/кож/кардио/онко/лечебница*). В отдельных композитах валентности ‘что’ и ‘кого’ тесно переплетаются: *кардиолечебница* – лечебница для больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Ряд глаголов характеризуется расщепленной объектной валентностью ‘что из чего’, ‘что во что’, ‘что в чем’ и др.

Расщепленная объектная валентность ‘что из чего’.

Валентность ‘что из чего’ проявляется в предикатах *выжать*, *давить*, *варить* и др.: *выжать сок из капусты*, *давить сок из цитрусовых*. В композитах возможна лишь пошаговая реализация расщепленной валентности: а) *соковыжималка*, *соковыжиматель*, *сокодавка* (*выжимать что*, *давить что*); б) *чесноковыжималка*, *лимоновыжималка*, *свекловыжималка*, *лимонодавка* (*выжимать из чего*, *давить из чего*). Однако ситуации варки сока из чего-л. и приготовления варенья отражаются в композитах, имеющих только родовые компоненты (*соковарка*, *вареньеварка*). Напротив, в композитах *пихтоварка* «устройство для получения масла из пихтовой хвои», *розоварня* препозитивные основы реализуют вторую часть расщепленной валентности (*варить из чего*). Композиты *гречковарка* и *рисоварка* уточняют производное с родовым значением *кашеварка*.

Расщепленная объектная валентность ‘что во что’.

Валентность 'что во что' специфична для глагола *укладывать* (*укладывать солому / сено в скирды, укладывать пиленный лес в штабеля, укладывать корне- и клубнеплоды в бурты, укладывать тюки соломы в штабели, укладывать выкопанный картофель в валки*). Производное *укладчик* открывает позиции для валентности 'чего во что'. В композитах отражена вторая часть расщепленной валентности (*валкоукладчик, буртоукладчик, скирдоукладчик, тюкоукладчик* и *штабелеукладчик*). Композиты *лесоукладчик* «укладывать лес в штабели» и *штабелеукладчик* различаются по объему (ср. *штабелеукладчик* «машина, предназначенная для укладки материалов в штабели»), композиты *сено/соломоукладчик* «укладчик сена, соломы в тюки» и *тюкоукладчик* передают различные ситуации, поскольку производное *тюкоукладчик* называет машину, предназначенную для укладки тюков соломы в штабели.

Расщепленная объектная валентность 'что в чем'.

Расщепленная валентность 'что в чем' реализуется в глаголах со значением перемещения. Композиты являются новообразованиями, первый компонент передает валентность 'в чем': *трейлеровоз* «судно для перевозки грузов в автомобильных прицепах, трейлерах», *копновоз* «работник, занимающийся перевозкой скошенных хлебов, сена, уложенных в копны», *бункеровоз* (машина), *пакетовоз* (судно), *контейнеровоз* (судно и автомобиль).

Зафиксированы также композиты, отражающие в редуцированном виде актантные структуры глаголов 'что по чему' (*рекоплав*), 'что где' (*газонокосилка*), 'что чем' (*водоохлаждаемый*), 'что при помощи чего' (*газорезательная машина, водотушение, пенотушение, огнерезчик, пароварка, трубопровод*), 'что где' (*вагоноразмораживающий*), 'что из чего' (*бисеровязальный, бисеровяз, пуховязальный, пуховязальщица, шелкоделие*), 'что во что' (*пачковязальный*), 'что от чего' (*снегоочистительный, угароочищающий*), 'что чем' (*рукоделие, строчевышитый, строчевышивка*), 'что на что' (*силосорезка, круподерка, мукомольня, мукомолка* ← молотье рыбу на муку), 'кого чем' (*ножебой*), 'что где' (*парниковод, парниководство, оранжереевод, теплицевод*), 'кого где' (*горноспасатель*).

Таким образом, препозитивные основы композитов частично отражают актантную распределенность глагола. Закрепление в структуре производного той или иной валентности обусловлено семантикой глагола, вхождением его в ту или иную лексико-семантическую группу, а также морфемным составом опорного компонента / слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газизова Р.Ф. Сложные слова и исходные словосочетания с глагольным компонентом в русском и сербохорватском языках : [монография] / Р.Ф. Газизова. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1989. – 176 с.
2. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис : [монография] / Е.Л. Гинзбург. – М. : Наука, 1979. – 264 с.
3. Клименко Н.Ф. Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові : [монографія] / Н.Ф. Клименко. – К. : Наукова думка, 1984. – 252 с.
4. Петров А.В. Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов / А.В. Петров. – Симферополь, 2003. – 286 с.

УДК 81'373.612

В.И. Теркулов
Горловка, Украина

МОДЕЛИРОВАНИЕ УНИВЕРБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В работе описываются модели универбализации, которую автор определяет как процесс создания словесного эквивалента на базе словосочетания с сохранением семантики последнего. Итогом универбализации становятся поливербальный и моновербальный дублеты одной номинатемы. Выделяется шесть базовых моделей универбализации.

Ключевые слова: композит, универбализация, универбация, формант.

Термином универбализация я обозначаю процесс замены расчлененного наименования словом с сохранением семантики первого во втором, например, *зачетная книжка – зачетка, автомобильная дорога – автодорога, с голубыми глазами – голубоглазый, добыча нефти – нефтяная добыча*. В моем представлении исходное словосочетание и образованный на его базе универбат являются дублетами одной и той же номинативной единицы, которую я называю номинатемой. Выделяются следующие модели универбализации.

Модель 1: $(A + B) / (X) / \rightarrow A / X /$. К данной модели относятся все случаи эллипса, когда представителем словосочетания $(A + B)$, имеющего значение $/X/$, становится один из его компонентов (A) с тем же значением $/X/$. Это может быть зависимое слово, например, *дежурный офицер (A + B) – дежурный (A)*, или главное слово, например, *высокая температура (A + B) – температура (A)*.

Модель 2: $(A + B) + C / (X) / \rightarrow AC / X/$. В этом случае к словосочетанию $(A + B)$, имеющему значение (X) , прибавляется формант C при опущении компонента B . Данное прибавление имеет структурную значимость. Его следствием является возникновение не новой номинативной единицы (значение правого компонента формулы абсолютно идентично значению левого компонента), а вербального (словесного) эквивалента словосочетания. Например, к зависимому компоненту *маршрутное* (A) *такси* (B) при опущении компонента (B) добавляется формант *-/к/(а)* (C), в результате чего возникает слово *маршрутка* (AC) со значением, абсолютно тождественным значению исходного словосочетания (X) . В данном случае перед нами классическая универбация.

Модель 3: $(A + B) / (X) / \rightarrow AB / X/$. Это ситуация, когда происходит стяжение компонентов исходного словосочетания в сложное слово без изменения их количества. Я выделяю две разновидности этой модели.

Во-первых, это **прямая универбализация**, когда исходное словосочетание структурно абсолютно релевантно образованному на его базе слову: в композите сохраняется порядок расположения компонентов словосочетания; при его оформлении не используются дополнительные структурные единицы. Прямая универбализация может существовать только как универбализация аббревиационного типа, например, *военкор* (= *военный корреспондент*); *метеослужба* (= *метеорологическая служба*) и т.д.

Во-вторых, это **универбализация метатезного типа**, когда порядок расположения компонентов производящего словосочетания не изоморфен порядку расположения эквивалентных конструкторов композита. Здесь отмечается чистая композиция, например, *кино-артист* (= *артист кино*) и композиция, осложненная аббревиацией, например, *здравотдел* (= *отдел здравоохранения*), *кожимит* (= *имитатор кожи*).

Модель 4: $(A + B) + C / (X) / \rightarrow ABC / X/$. В этой модели к компонентам производящего словосочетания $(A + B)$ прибавляются аффиксальные морфемы (C), которые имеют не семантическое, а структурное значение. Существуют два типа реализации этой модели.

Первой разновидностью этой модели является **универбализация компонентного типа**, когда структура универбализационного композита количественно нерелевантна структуре исходного словосочетания. В этом случае осуществляется **добавление** структурных компонентов при образовании композитов. Таким структурным компонентом, который прибавляется, по обыкновению, есть

интерфикс, например, *газоаппаратура* (= *газовая аппаратура*). Иногда образование слова на базе словосочетания сопровождается имитацией деривационного процесса, т.е. выступает в виде универбализации универбного типа. Отличие от композитной деривации здесь заключается в том, что словообразовательный формант (обычно – суффикс) не привносит в семантику нового слова нового значения. Например, композит *великодушный* является абсолютно тождественным по значению фраземе *великой души*, хотя и имеет в своей структуре формант [ный].

Второй разновидностью указанной модели является **универбализация компонентно-метатезного типа**, когда добавление структурного форманта сопровождается перестановкой конструктов, например, *работорговля* – *торговля рабами*, *нефтепродукты* – *продукты нефтеперегонки*.

Модель 5: $(A + B + D) / (X) / \rightarrow AB /X/ (-D)$. В этой модели констатируется ситуация эллипсу части образующей конструкции при универбализации. Так же, как и в модели 4, модель 5 может иметь вид **универбализации компонентного типа**. Но в этом случае это ситуация не добавления, а потери, эллипса, во-первых, знаменательных единиц, например, *завком* (= *заводской комитет профсоюзной организации*), а во-вторых, служебных единиц, например, *НДС* (*налог на добавленную стоимость*).

Также осуществляется и **универбализация компонентно-метатезного типа**, когда потеря или знаменательного, например, *культуртовары* (= *товары культурно-бытового назначения*), или служебного слова, например, *радиопередача* (= *передача по радио*) сопровождается перестановкой компонентов образующей конструкции.

Модель 6: $(A + B + D) + C / (X) / \rightarrow ABC /X/ (-D)$. Универбализация по этой модели предусматривает одновременную потерю компонента производящей конструкции и добавление структурного аффикса, в русском языке – суффикса или интерфикса. Так же, как и в предыдущей модели, отмечаются ситуации чистой **универбализации компонентного типа**. Обычно это бахуврихи с опущенным служебным компонентом производящей конструкции, например, *белоснежный* (= *белый, как снег*) с потерей глоссы *как* и добавлением интерфикса *-о-* и форманта [ный], *одночастный* (= *из одной части*) с потерей глоссы *из* и добавлением интерфикса *-о-* и форманта [ный]. В некоторых случаях универбализация сопровождается только изменением грамматической оформленности без добавления суффиксальных формантов, например, *вислозадый* (= *с отвислым*

задом), белобокий (= с белыми боками).

Так же, как и в предыдущей модели, мной отмечаются и ситуации **универбализации компонентно-метатезного типа**, когда перестановка конструкторов сопровождается добавлением структурного форманту и потерей, во-первых, знаменательного элемента, например, *водопонижение* (= *понижение уровня воды*) с потерей глоссы *уровня* и добавлением интерфикса *-о-*, а во-вторых, служебного слова, например, *сахарно-белый* (= *белый, как сахар*) с потерей глоссы *как* и добавлением интерфикса *-о-*.

Во всех указанных выше моделях между производящим словосочетанием и словом нет семантических расхождений. Перед нами очевидный процесс универбализации, т.е. механической замены словосочетания эквивалентным словом без разрушения актуального тождества номинатемы вследствие семантического саморазвития единицы-источника, который и характеризует лексикализацию.

УДК 811.161.1'373.611

И.И. Турута

Днепропетровск, Украина

СЛОЖНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ МАСС-МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

Рассматривается создание сложных новообразований в языке СМИ, их наиболее частотные структурные типы, сочетаемостные возможности компонентов, а также особенности функционирования в масс-медийных текстах.

Ключевые слова: *средства массовой информации, новообразования, сложные слова, окказионализмы, структура, модель.*

Современные средства массовой информации можно рассматривать как своеобразный полигон для формирования новых языковых процессов, новых тенденций в современном русском языке, которые вызваны различными экстралингвистическими факторами. Среди этих процессов одним из самых значимых является процесс обогащения словарного запаса, получивший особую активность с конца XX в. Помимо слов, которые входят сейчас в русский язык из других языков, значительную часть пополнений лексического фонда составляют новообразования, созданные в основном в текстах средств массовой информации.

Возникновение новых слов в языке СМИ, как известно, обу-

словлено рядом причин. Во-первых, в масс-медийных текстах создаются новые слова для называния нового явления, понятия (например, *оранжизм, квотники, кнопкодав, майданостоятель, спикериада*), которые впоследствии или входят в словарный запас языка, или остаются достоянием конкретных публикаций. Во-вторых, появление большого числа новых слов вызвано ориентацией языка СМИ на экспрессивность и выразительность, что, с одной стороны, отражает воздействующую функцию публицистического текста, а с другой, – является реализацией одного из активных процессов в современном русском языке – усиления экспрессивности, стремления выработать новые средства выражения, новые формы образности [3, с. 14].

В группе разнообразных масс-медийных новообразований довольно большой процент занимают сложные слова (например, *белопятенная* [биография], *гимнописец, краснофонарные* [заведения], *стихосложитель*), которые можно уже считать приметой современных СМИ. Кроме постоянного желания авторов публикаций привлечь внимание читателей, заинтересовать и заинтриговать их (особенно, если такие слова вынесены в заглавие текста), причиной их возникновения становится необходимость в экономии текстового пространства (разместить максимум информации в минимальном объеме текста), а также закона экономии языковых средств. Проще сказать (написать) «*краснокнижные*» [животные], чем «*животные, которые занесены в Красную книгу*», «*оскароносный*» [кинорежиссер], чем «*кинорежиссер, получивший премию «Оскар» или являющийся обладателем этой премии*», «*сексуальноголосый*» [Брайн Ферри], чем «*Брайн Ферри, обладающий (или поющий) сексуальным голосом*» и т.д. Многие из новообразований являются окказиональными, сугубо авторскими, эксклюзивными, внутритекстовыми образованиями, что подчеркивает проявление личностного начала как одного из отличительных признаков современного развития русского языка [3, с. 99].

Для исследователей интерес представляют структурные и функциональные характеристики новых сложных слов, а также особенности их сочетаемостных возможностей.

Структурный анализ масс-медийных сложных новообразований позволил установить, что они могут восходить к словосочетаниям различной структурной организации и состоять из разного количества компонентов. Чаще всего сложные новообразования представляют собой двухкомпонентные структуры, производящей основой которых выступают атрибутивные словосочетания (кривное

родство – *кровнородственный* [смысл], чертова дюжина – *чертово-дюжинные* [проценты] или субстантивные (день рождения – *день-рожденческие встречи*). Возникновение двухкомпонентных новообразований возможно также на базе более сложных конструкций: Киевский совет народных депутатов – *киевсоветовский* [состав]. Трехкомпонентные композиты создаются на основе конструкций, различных по структуре и по реализуемым типам связи. Одни из них четко соотносятся со своей производящей основой, например, Старый Новый год – *староновогодняя* [ночь], значение других можно объяснить только описательной конструкцией, как, например, *креслоустремленный* [человек] – «человек, стремящийся занять кресло, т. е. высокую должность».

Масс-медийные новообразования помимо свободных словосочетаний могут восходить и к устойчивым, например: *пальчико-облизательный* [салат] ← фразеологизм *пальчики оближешь* [3, с. 45], *мыслию-по-древу-стекание* ← крылатое выражение *растекаться мыслью по древу* [1, с. 425].

Большую группу среди сложных новообразований составляют инновации, созданные на базе онимов. Чаще всего это сочетание имени и фамилии (Оскар Уайльд – *оскаруайльдовские* [джентльмены], Луи Виттон – *луивиттоновское* [платье], Шерлок Холмс – *шерлокохолмсовский* [голос]) или онима определенного разряда и нарицательного имени (дядя Сэм – *дядисемовский* [карман], М.С. Горбачев – [нечто] *горбачевскообразное*, Золушка – *золушкоподобность*, Мексика – *мексиканосериальные* [актеры] и т.д.). Отличительной чертой настоящего времени является возникновение новых слов от наименований политических партий («Наша Украина» – *нашеукраинцы*) или различных общественных организаций («Черное солнце» – *черносолнцевцы*). Некоторые новые сложные слова «строятся» в языке СМИ по моделям уже существующих новообразований, подчеркивая таким образом частотность самого явления. Так, по типу наименования популярной развлекательной телепередачи «*Прожекторперисхилтон*» (*прожектор* + *Перис Хилтон*) сконструировано и новообразование *прожекторжаннафрискинская* [реклама] (*прожектор* + *Жанна Фриске*).

Кроме того, что сложные инновации являются результатом действия экономии языковых средств, они создаются и для реализации конкретных авторских целеустановок, выполняют воздействующую, рекламную, стилистическую и другие функции. Для таких новообразований часто характерна стилевая несовместимость компонентов (*БИЛАН*Окаменная [Москва] – от *Дмитрий Билан*, *полит-*

паскудство, свежераспущенный [Кабмин], т.е. недавно распущенный) или орфографическая «свобода» («*аннагерман*»), способствующая усилению эффекта воздействия на читателя / слушателя.

В ряде случаев окказиональные новообразования являются синонимами к общеизвестным словам, например, *одностакашник* = *собутыльник*, которые своей прозрачной внутренней формой, стилевой маркированностью позволяют наиболее полно передать авторскую позицию, стилистическую тональность публицистического текста.

Лексико-грамматическая характеристика новых композитов позволяет выделить различные по частеречной принадлежности слова, но в большей степени это существительные («*ничегонеделание*», «*дырозатыкание*») и прилагательные (*барбинодобная* [кукла], *кличконосные* [российские политики], т.е. «имеющие (носящие) большое число прозвищ»).

Современные масс-медийные сложные новообразования представляют собой богатый материал для изучения активных процессов в русском языке, они интересны с точки зрения семантики, словообразования, орфографии и лексикографии, что в целом может способствовать дальнейшему развитию неологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берков В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М. : Русские словари, Астрель : АСТ, 2000. – 624 с.
2. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М. : Языки русской культуры, 2000. – 480 с.
3. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А.И. Федоров. – М. : Цитадель, 1997. – Т. 2. – 396 с.

УДК 81'373.611:811.161.1

Ю.А. Шепель

Днепродзержинск, Украина

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЯДОВ (на примере имён прилагательных русского языка)

В статье рассматривается вопрос о соотношении словообразовательной синонимии и вариативности слов с выходом на пересечение словообразовательных рядов производных слов.

***Ключевые слова:** словообразовательный ряд, словообразовательная синонимия, вариативность, словообразовательная система, словообразовательный формант.*

Словообразовательный ряд в качестве единицы словообразовательной системы относится к наименее изученным объектам. Исследования, поднимающие практические вопросы построения словообразовательных рядов, представлены легко обозримым количеством (работы П.А. Соболевой, А.Н. Тихонова, Е.С. Кубряковой, Е.Л. Гинзбурга, М.Д. Барченковой, Н.В. Емельяновой, Н.Е. Виленской, О.В. Глебовой, В.П. Кочеткова, З.В. Семериковой, Ю.А. Шепеля). В связи с этим для современной дериватологии не теряет своей актуальности вопрос системного характера связей общеструктурной производной лексики, в частности вопрос формирования словообразовательного ряда, определения его роли и места в системе словообразования.

Объектом исследования в настоящей работе является словообразовательный ряд, который рассматривается как один из способов упорядочивания / организации производных слов. Актуальность такого способа отражения структурных словообразовательных связей основывается на том, что современная дериватология сознательно ориентируется на «максимальные» единицы словообразовательной системы, которые демонстрируют, с одной стороны, тождество используемого словообразовательного средства и регулярную соотносительность с исходными единицами, а с другой, – общность корня и регулярную равноудаленность на то или иное количество формальных операций.

Предметом исследования являются содержание словообразовательных рядов имён прилагательных в русском языке и механизм продуцирования ряда как единицы словообразовательного уровня.

Методология исследования основывается на понимании словообразования как иерархически упорядоченной системы.

Поднимая вопрос о семантической структуре словообразовательных рядов, мы попытаемся установить, что предопределяет отнесение производных разных словообразовательных рядов к одному или к разным семантическим полям.

Одна из важнейших особенностей деривационной подсистемы как промежуточного звена между грамматикой и лексикой состоит в том, что их доминантные означающие – аффиксы, будучи зависимыми от лексической индивидуальности мотивирующих единиц, способны «распределяться» по разным и часто весьма далё-

ким друг от друга классифицирующим значениям, т.е. развивать в себе резко выраженную полисемию. В результате этого возникает развитая синонимия разных аффиксов. Не только материально родственные, но и материально неродственные аффиксы организуют лексически разный материал в пределах одного и того же деривационного значения.

Значительно большее число синонимичных образований встречается в суффиксальных словообразовательных рядах.

Среди отадекативных производных прилагательных с модификационным словообразовательным значением, которые относятся к префиксальным и суффиксальным словообразовательным рядам, синонимия тоже имеет место. Наиболее ярко она представлена среди прилагательных со значением отрицания и противоположности, а также со значением градации.

Как вариантные, так и синонимические форманты обладают рядом тождественных признаков: единством словообразовательного значения, наличием отношений свободной или дополнительной дистрибуции, различными стилистическими функциями. Средством разграничения служит критерий генетической общности, ощущаемой носителем языка: вариантные форманты обладают генетической общностью, для синонимических аффиксов наличие генетических связей безразлично. Однако последний критерий нейтрализуется соображениями о необходимости разграничивать диахронический и синхронный подходы в идентификации словообразовательных явлений.

Иными словами, понятие вариантности поглощает понятие синонимии. Например, в русском языке широко употребляются прилагательные на **-ит(ый)**, **-ист(ый)**, **-аст(ый)**, ср.: *зобастый*, *горластый*, *бородастый*, *волосастый*, *бровастый*, *сучкастый*; *ветвистый*, *мускулистый*, *морщинистый* и др. Общее словообразовательное значение суффиксов **-ат-**, **-аст-**, **-ист-** тождественно: «какой имеет что-нибудь в большом количестве, наделенный чем-нибудь чрезмерно», например, *носатый* // *носастый* – «с большим носом», *зубатый* // *зубастый* – «который имеет большие, острые зубы или много зубов». В значениях чрезмерности, величины, размера, силы и т.д. суффиксы **-ат-**, **-аст-** почти равнозначны. Это в свою очередь сближает словообразовательные ряды на **-ат(ый)**, **-аст(ый)**, что подтверждается наличием большого количества параллельных прилагательных на **-ат(ый)**, **-аст(ый)**, образованных от одной именной основы, ср.: *зубатый* / *зубастый*, *носатый* / *носастый*, *усатый* / *усастый*, *волосатый* / *волосастый* и пр. Вместе с

тем постепенное сближение прилагательных словообразовательных рядов на *-ам(ый)*, *-аст(ый)*, выражающееся в стирании отличий в значениях прилагательных с суффиксами *-ам(ый)*, *-аст(ый)*, в выравнивании их значений, приводит к постепенному сокращению объёма этих словообразовательных рядов за счёт сокращения таких пар производных. Так, в современном русском языке объём словообразовательного ряда на *-аст(ый)* в настоящее время превалирует над объёмом ряда на *-ам(ый)*.

Включение в состав суффиксального взаимодействия словообразовательных формантов, которые обладают не только физической близостью, но и признаками синонимии, казалось бы, снимает противоречие между словообразовательной вариантностью и синонимией. В то же время нерешённым остаётся вопрос о границах вариантных и синонимических словообразовательных элементов, а следовательно, вопрос о словообразовательной вариантности и синонимии. Проблема словообразовательной синонимии носит подчинённый характер по отношению к проблеме словообразовательной вариантности / инвариантности. Но нельзя не учитывать также универсальности явления синонимии, обслуживающей все уровни языка. Если пределом варьирования словообразовательной семантики является полисемия, то пределом варьирования физической стороны функциональной словообразовательной единицы следует признать синонимию.

Словообразовательная синонимия теснейшим образом связана с семантической словообразовательной вариантностью, хотя и не сводится к ней. Тем более словообразовательная синонимия не может быть ограничена стилистическим аспектом языка, т.к. представляет собой совокупность словообразовательных типов (производных), которые сопоставлены одному категориальному словообразовательному значению.

Особенности семантико-словообразовательных отношений между синонимичными производными проявляются в процессе изучения их внутренней сочетаемости. Определение внутренней сочетаемости слова предусматривает исследование закономерностей валентных связей языковых единиц. Такими единицами при словообразовании выступают аффиксы и производящие основы.

Подведем итог вышесказанному.

1. В местах пересечения словообразовательных рядов однокоренных производных, т.е. в местах общего семантического поля, наблюдается появление словообразовательной синонимии как смежного явления между паронимией и синонимией.

2. Словообразовательные синонимы, наблюдаемые в точках пересечения словообразовательных рядов, – это модификация коли-

чества и материального состава словообразовательных морфем, не нарушающая тождества слова. Словообразовательные синонимы отвечают таким требованиям: тождество корневой морфемы, семантическая равнозначность словообразовательного форманта и одинаковая синтаксическая функция производного.

3. В основу выделения лексико-словообразовательных синонимов положены два критерия: семантический и функционально-дистрибутивный.

Раздел 3.
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЕДИНИЦ
ЯЗЫКА В СТАТИКЕ И ДИНАМИКЕ

УДК 811.161.1'373.46'613

В.Н. Алиева
Симферополь, Украина

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ТЕРМИНЫ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье описывается общественно-политическая лексика и общественно-политическая терминология; конкретизируется понятие современной политической лингвистики; рассматривается заимствование как средство формирования современных терминов.

Ключевые слова: *общественно-политическая лексика, общественно-политическая терминология, заимствованные слова.*

В течение последних 10-20 лет лексическая система современного русского языка пополнилась большим количеством лексем, отражающих в своем значении новые общественные понятия. Проникновение заимствований в русский язык, а также их активное употребление вызваны процессами переустройства государства, изменениями в области политики, экономики, а также развитием науки и техники.

Наиболее важное место в языковой репрезентации современных идеологических концепций принадлежит общественно-политической лексике (далее – ОПЛ) и общественно-политической терминологии (далее – ОПТ), в которых ярко отражаются мировоззренческие установки носителей языка. Очевидно, что исследование данной части лексики представляет как лингвистический, так и социальный интерес.

Термины, терминосистемы и терминология в качестве отдельного пласта лексики являются предметом исследования отечественных и зарубежных лингвистов. Среди них выделяются работы А.А. Бурячка, А.Л. Голованевского, Дж. Гелбрейта, В.П. Даниленко, Л.П. Крысина, Т.Б. Крючковой, Л.А. Кудрявцевой, В.М. Лейчика, И.А. Стернина, Д.Н. Шмелева и др.

Объектом изучения в нашей работе являются общественно-политические термины, входящие в состав терминологии общественных и политических наук.

В настоящей статье предпринимается попытка изучения проблемы системных связей в общественно-политической терминофере.

Под термином мы понимаем «слово или словосочетание социальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [1, с. 83]. Терминология представляет собой совокупность терминов, которые обозначают денотаты и понятия какой-либо области науки и техники. В настоящее время достаточно хорошо изучены такие специфические признаки терминов, в частности в области общественных наук, как тенденция к моносемантности в пределах поля, тесная связь с понятием, ярко выраженный идеологизированный характер.

В научной литературе существуют неоднозначные трактовки характера взаимоотношений общественно-политической лексики и общественно-политической терминологии.

Отметим, что в последние годы развивается новое направление, связанное с политической коммуникацией, – политическая лингвистика, которая оперирует такими понятиями, как «политическая терминология», «политическая лексика», «политический язык». Политическая лексика объединяет специальный пласт слов, служащих для выражения политических взглядов и интересов адресанта и адресата. Это лексика, которая должна быть понятна «абсолютному большинству граждан» и пополняться за счет политологической терминологии [4, с. 12]. На наш взгляд, подобное определение вышеуказанного специального разряда слов по своему содержанию совпадает с характеристикой общественно-политической лексики, разработанной в монографии Т.Б. Крючковой [2, с. 13].

Одним из основных средств пополнения научной терминологии, в частности ОПТ, являются заимствования из разных языков. Непосредственные контакты людей, чтение литературы на чужом языке способствует активизации этого процесса. Заимствование слов наблюдалось во все времена. Науке известны так называемые слова-путешественники, которые вместе с обозначаемыми реалиями переходили от народа к народу. Терминологическая лексика литературных языков Европы формировалась на базе латинских и греческих образцов (прямое заимствование и создание новых терминов из латинских и греческих морфем, калькирование).

Конец XX в. – это период социальных и экономических потрясений в странах социалистического лагеря, в том числе и в бывшем Советском Союзе. Государства так называемого постсоветского пространства вступают в новую общественно-политическую формацию, делаются попытки проведения реформ в разных сферах

жизни. Язык по-своему реагирует на эти изменения. Терминология, связанная с общественно-политической деятельностью, пополняется новыми словами: *инаугурация* (*инаугурационный*); *рейтинг* (*рейтингование – рейтингово*); *имидж*; *консенсус* и др. Активизируются слова, находившиеся ранее в пассиве: *мэр* (*мэрия, мэрский*), *премьер* (*премьерский, премьерство*), *премьер-министр*. Одновременно уходят в пассив слова, характерные для советского периода (*горком, партком, советы, сверхплан* и др.).

Изменение отношения к западноевропейским странам, господство английского языка в мире приводит к тому, что большая часть слов политической направленности получает в качестве языка-донора английский (американский) вариант заимствования.

Заимствование новой лексики и расширение сферы употребления заимствованной ранее наблюдается прежде всего в специализированных разделах науки о языке, т.е. в области терминологии. Однако по мере того, как данные понятия и явления становятся актуальными для всего общества, такая узкоспециальная терминология переходит в разряд общеупотребительной, функционирующей в прессе, в теле- и радиопередачах. Задача журналиста в подобных случаях правильно построить контекст, который раскрыл бы значение термина, чтобы читатель понял его «на уровне частичного понимания, в объеме абстрактной родовой семы в сочетании с видовой семой, обозначающей часть целого» [3, с. 74].

Принято выделять заимствования относительно старые и актуализовавшиеся в последние годы. Например, раньше слово *президент* было актуальным в качестве наименования иностранных политических реалий. С изменением общественной жизни экстралингвистические факторы сделали это слово актуальным также для современного украинского государства. Такие слова, как *инаугурация, импичмент*, ещё десять лет назад входили в состав узкопрофессиональной общественно-политической терминологии. В настоящее время, благодаря деятельности СМИ, они стали известны широкому кругу населения и вошли в состав общественно-политической лексики.

Вместе с тем некоторые понятия советской эпохи теряют актуальность и приобретают черты специальных терминов: *комсомол, соцсоревнование, партком, правофланговый* и др. Следовательно, границы между ОПЛ и ОПТ характеризуются подвижностью.

Таким образом, отказ от коммунистической идеологии и сближение Востока с Западом способствуют тому, что определение базовых понятий в языке, особенно в области политики, становится нейтральным и близким по смыслу западноевропейским образцам.

«Терминологический взрыв» – особенность современной жизни. Новейшие достижения в области техники, электроники, культуры, искусства и политики приводят к расширению функционирования терминологии как в языке науки, так и в повседневной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М. : Высшая школа, 1987. – 103 с.
2. Крючкова Т.Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии / Т.Б. Крючкова. – М. : Наука, 1989. – 151 с.
3. Стернин И.А. Специальные термины в неспециальных текстах и их понимание читателем / И.А. Стернин // Лексика и словообразование русского языка : сборник научных трудов. – Рязань : Государственный педагогический институт, 1982. – 156 с.
4. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора) : [учебное пособие] / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Уральский гуманитарный институт, 2003. – 194 с.

УДК 811.161.1'373.46

Т.Н. Высоцкая

Днепропетровск, Украина

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ТЕХНИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале однословных терминов)

Рассмотрены способы образования однословных наименований технических артефактов в составе терминологии горнодобывающей промышленности; установлено, что в образовании моноксемных терминов используются в основном способы аффиксального словообразования, сложение, заимствование и лексико-семантическая деривация.

Ключевые слова: *однословные термины, способы номинации, технический артефакт.*

Пути номинации в русском языке в наиболее общем виде были намечены Д.Н. Шмелевым, который писал: «Для обозначения того или иного явления может быть или создано новое слово на базе уже имеющихся в языке лексических единиц и аффиксальных средств (префиксов и суффиксов) или заимствовано иноязычное слово, или образовано сложное, составное наименование, или же наконец, приспособлено слово, уже существующее в языке, которое

в таком случае определенным образом видоизменяет свою семантику (а часто при этом и стилистическую окраску)» [5, с. 170]. Терминологическая номинация осуществляется в соответствии с общеязыковыми принципами. Ее специфика – в создании именовании особого рода – терминов, поскольку термин имеет не лексическое значение, в основе которого лежит бытовое знание, за термином стоит концепт, в основе которого лежит знание научного плана.

Целью нашего исследования является анализ способов образования однословных терминов, обозначающих технические артефакты в составе терминологии горнодобывающей промышленности.

Как известно, однословные (моноксемные) термины наряду с многословными являются обязательной принадлежностью терминологии любой области знания [1, с. 121]. Они составляют ядро любой терминологической системы, функционируя как в качестве самостоятельных, автономных единиц, так и в качестве опорных компонентов многочисленных составных наименований.

Ученые отмечают, что для создания однословных обозначений специальных понятий используется практически вся языковая техника, которой располагает язык: словообразование, калькирование, заимствование, изменение значений, аббревиация, эллипсизация и др. [4, с. 105–109]. Многочисленные исследования специальной лексики свидетельствуют о том, что в разных сферах специальной коммуникации находят применение все способы номинации, действующие в общезыковой системе. Своеобразие терминологической номинации, характеризующей разные сферы специальной коммуникации, обуславливается преобладанием одних способов номинации над другими, их тяготением к той или иной понятийной сфере, связью определенных типов номинации с различными участками языковой действительности [2, с. 84; 3, с. 316]. Наше исследование в определенной мере направлено на подтверждение или опровержение данного положения.

Однословные наименования технических артефактов горной промышленности составляют чуть более трети всего проанализированного нами корпуса (342 термина из 1017, или 34%). В свою очередь, большинство из них вошли в терминосистему наименований артефактов горной промышленности как готовые языковые единицы – заимствования или семантические дериваты, составив в совокупности 111 и 108 единиц, соответственно.

Иноязычными по происхождению являются термины, пришедшие в основном из западноевропейских языков: немецкого (*анкер, болт, борт, демпфер, кайло, клапан, копер, кран, кронштейн,*

планишайба, цапфа, шайба, шиббер, шнек, шпиндель, штанга, шток и др.), английского (*бар* (элемент врубовой машины), *буфер, газгольдер, ниппель, плунжер, скип, скрепер, трак, трактор, экскаватор* и др.), французского (*балансир, буссоль, вагонетка, манжет, манипулятор, реборд, турель, ферма* и др.), голландского (*гак, домкрат, мачта, трос, шпора* и др.). Часть терминов имеет греко-латинское происхождение: лат. *деклинатор, компрессор, лубрикатор, перфоратор, редуктор, ротор, стабилизатор* и др., греч. *диоптр, циклон, цилиндр* и др. Другие языки представлены одиночными заимствованиями: *арка* (итал.), *бадья* (перс.), *барабан* (тюрк.), *башимак* (тур.), *винт* (польск.), *шпонка* (польск.) и др. Следует отметить, что многие заимствования проникли в терминологическую горного дела опосредованно, из других терминосистем.

Часть однословных терминов, обозначающих технические артефакты исследуемой терминосферы, являются по происхождению общеупотребительными словами, реже специальными обозначениями, непроизводными с точки зрения их образования: *бочка, веретено, втулка, гайка, долото, желоб, желонка, золотник, канат, каретка, клеть, ковш, козырек, колесо, коромысло, крюк, нож, рама, шарошка, штырь* и др.

Еще одним активным способом терминологической номинации является семантическая деривация, с помощью которой образовано 50 однословных номинативных единиц: *барашки, венец, вилка, гнездо, головка, гусеницы, звезда, зуб, зубки, зубья, канавка, колпак, коронка, костыль, лапа, ленивец, лобовина, лопата, палец, песочница, перо, пика, пояс, пята, пятка, ручки, салазки, сани, серьги, спинка, стакан, ствол, стол, сухарь* и др.

Морфологическая деривация, не столь актуальная для исследуемого пласта лексики, представлена аффиксацией и сложением.

Среди аффиксальных дериватов преобладают термины, созданные суффиксальным способом, включая нулевую суффиксацию (83 номинативные единицы): *бегун, вертлюг, верхняк, вкладыш, водило, горелка, державка, забурник, заглушка, наводка, переходник, ползун, расширитель, скальватель, тягач, захват, крепь* и др. Префиксально-суффиксальным способом образовано 6 номинативных единиц: *подлапник, подпятник, проушина, расхитыбовщик, укусына*, а префиксальным – только две: *контргайка, полумуфта*.

Способом сложения образованы 32 термина-наименования: *автоподатчик, автосамосвал, буродержатель, водобой, гидрозажим, двунога, землесос, землечерпалка, пневмодвигатель, противовес, противоугон, пульповод, пылеотсос, пылеприемник, самописец*

и др.

Таким образом, в образовании однолексемных терминов используются в основном способы аффиксального словообразования, сложение, заимствование и лексико-семантическая деривация. Еще одной особенностью исследуемой номинативной подсистемы является, очевидно, то, что большинство монолексемных номинаций входят в нее как готовые языковые единицы – заимствования или семантические дериваты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение / С.В. Гринев-Гриневиц. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
2. Красней В.П. Системная обусловленность терминообразования и ее проявление в белорусской терминологической лексике 20–30-х годов / В.П. Красней // Словообразовательная и номинативная деривация в славянских языках. - Ч. 2. – Гродно, 1982. – С. 84–87.
3. Пристайко Т.С. Номинация в сфере специальной коммуникации : дис. ... докт. филол. наук / Т.С. Пристайко. – Днепропетровск, 1996. – 396 с.
4. Способы номинации в современном русском языке / отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М. : Наука, 1982. – 294 с.
5. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 391 с.

УДК 811.161.1'373.21

Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина
Одесса, Украина

ТИПЫ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

В статье рассматриваются типы неофициальных номинаций реально существующих пространственных объектов в сопоставлении с официальными и вымышленными номинациями. Неофициальные номинации квалифицируются как динамическая составляющая в семантическом пространстве топонима-концепта.

Ключевые слова: *топоним, геообъект, номинация, концепт, интенция.*

Осмысление имени собственного как концептуального знака, получившее распространение в современной лингвистике [4], позволило расширить объём эмпирического материала, представляющего в речевой действительности данную языковую категорию. Де-

ло в том, что при анализе именовании лица, то есть при изучении антропонимов, в поле зрения исследователей всегда были как официальные, так и неофициальные номинации. А исследование топонимов осуществлялось обычно на материале официальных географических названий. И только в последнее время, наряду с языком художественной литературы, изучение языка СМИ и разговорной речи, изучение словообразовательных средств языковой игры и внимание к речевым интенциям коммуникантов показало не только огромный объём неофициальных географических номинаций, не только разнообразие способов и средств их образования, но также широчайший диапазон их семантико-когнитивного и функционального пространства.

В ряде работ [1; 3] мы уже показали, что топоним-концепт осваивается сознанием и объективируется речевыми реализациями. При этом он является объединителем лингвистической и экстралингвистической информации, а также презентует активную позицию говорящего в отражении объективной действительности.

В задачи данной статьи входит показать некоторые типы неофициальных номинаций реальных географических объектов, представленных как в художественной, публицистической литературе, так и в разговорной речи, и их роль в осмыслении семантического пространства топонима-концепта.

Вымышленные топонимы широко используются в классической литературе для детей и взрослых, а также в современной научно-фантастической литературе. Исследования показывают, что они, с одной стороны, могут быть построены по общеязыковым моделям, а с другой, – могут быть окказиональными [5]. Специфика вымышленных топонимов заключается в том, что они не имеют реального референта, не соотносятся с каким-либо реальным топообъектом, а создаются авторами для определённых целей и скорее всего не обладают вариативностью. В числе их интенций, кроме уже отмеченной лингвокреативной, можно назвать концептуально-содержательную, художественно-эстетическую, прагматическую функции.

Реально существующие геообъекты имеют, прежде всего, официальные номинации, которые выполняют идентифицирующую функцию и служат ориентиром в пространственном континууме. Но у них есть и неофициальные названия, среди которых назовём 1) стилистически окрашенные с поэтической, возвышенной экспрессией и 2) стилистически окрашенные с экспрессией разговорности.

Каждая из этих групп имеет несколько разновидностей. Так, в группе неофициальных стилистически окрашенных топонимов с

поэтической, возвышенной экспрессией, в свою очередь, можно выделить а) однословные поэтические номинации - синонимы к официальным названиям (например: *Белокаменная, Златоглавая – Москва*) и б) перифрастические номинации, которые построены по моделям простых и усложнённых словосочетаний (например: *первопрестольная столица, древняя столица, страны родной глава* (А.С. Пушкин); *невучий град мой, колокольный град мой; город, отвернутый Петром*; (М. Цветаева) и др. – *Москва; Петра творенье, юный град, новая столица, северная столица* (А.С. Пушкин), *Северная Пальмира* и др. - *Санкт-Петербург; Южная Пальмира, Черноморская Пальмира, маленький Париж, жемчужина у моря, южная столица Украины, столица юмора* и др. – *Одесса*).

Не только неофициальные образные, но и исходные, официальные номинации соотносятся с именуемыми пространственными объектами не напрямую, а опосредованно – через сознание человека, через его мировосприятие, осмысление действительности, его жизненные и эмоциональные установки. Однако в неофициальных названиях когнитивный и прагматический параметры оказываются выдвинутыми на первый план.

И однословные поэтические, и перифрастические синонимы официальных топонимов репрезентируют неисчерпаемый когнитивный и прагматический потенциал, который является частью лингвального и энциклопедического семантического пространства того или иного топонима-концепта и который искусно реализуют писатели и журналисты. При этом модели построения топонимических перифраз отличаются большим разнообразием [2], что даёт пишущему / говорящему значительные возможности выбора и индивидуального творчества.

Неофициальные топонимы второй группы (с экспрессией разговорности) образуются от официальных и отличаются широким диапазоном используемых средств. Среди наиболее распространённых способов образования этих экспрессивных производных оказывается структурное и семантическое стяжение двусловной нейтральной номинации в однословную. При этом возможны как минимум два варианта: а) с сохранением существительного как опорного компонента номинативной структуры (например: *Вышний Волочёк – Волочёк, Набережные Челны – Челны* и б) с сохранением первого (адъективного) компонента, который в функционирующем производном выступает как субстантивированная грамматическая форма (*Нижний Новгород – Нижний, Невский проспект – Невский, Большой театр – Большой*). Например: *С Невского мы скоро*

перешли на *Литейную* в дом Мурузы (В. Шкловский, «Три года»).

В ряде случаев образование однословной номинации сопряжено не только с устранением аппеллятивного элемента в топонимической структуре, но также и с усечением ономастического (по крайней мере, с точки зрения синхронного словообразования): *Каспий*, *Исаакий*, *Арал*, *Хвалынь*. Например: *Хорошо, когда в спектакле принимает участие такой большой кусок города и воды. Может быть, можно ещё усилить масштаб и развернуть композицию на весь город вместе с Исаакием и воздушным шаром над площадью Урицкого* (В. Шкловский, «Гамбургский счёт»).

Экспрессивные топонимы этой модели выступают в качестве средства художественной выразительности, например, в поэзии Марины Цветаевой: *Лира! Лира! Хвалынь - синяя! / Польшание крыл - в скинии!* («Душа»); *Помнишь беиеный день в порту, / Южных ветров угрозы, / Рев Каспия - и во рту / Крылышко розы* («Ахматовой»).

Специфика всех неофициальных топонимаций заключается в их синсемантичности. Они выполняют несколько функций, но всегда как члены парадигмы – с опорой на исходное имя. Так, для осмысления семантической и стилистической соотносительности приведенных выше экспрессивных номинаций чрезвычайно важен когнитивный багаж реципиента, знание двух полных названий одного пространственного объекта и регистрация сознанием усечения в уже редуцированном производном образовании: современное *Каспийское море* – *Каспий* и древнерусское *Хвалынское море* – *Хвалынь*. Только при этом условии может считаться достигнутым замысел автора. Говорящий рассчитывает на наличие у адресата необходимой апперцепционной базы, которая является платформой для взаимопонимания и создаёт возможность желаемого восприятия даже окказиональных производных.

В разряде неофициальных топонимов наблюдаем также образованные путём перевода, преобразования, замены компонентов онимов-композитивов или построение ассоциативов для создания возвышенной или, наоборот, шутливой тональности – для языковой игры, для выражения иронии, пренебрежительности. Ср., например: *Петербург*, *Петроград*, *Петрополь* и *Екатеринбург* – *Ельцинбург*, *Каткинград*. Маленькие города в Белоруссии и России: *Жабинка* – районный центр в Брестской области и *Новозыбков* в Брянской области – получили в речи ироничных коммуникаторов имена *Квакенбург* и *Новожабьевск*.

Очень продуктивно в русской речи образование экспрессивных топонимов путём усечения с суффиксацией, причем особую ак-

тивность проявляет суффикс **-ик-**, несущий положительную коннотацию: *Владик* – 'Владивосток и Владикавказ', *Дальник* и *Далик* – 'Дальнегорск, Дальнереченск', *Ефрик* – 'Ефремов', *Зелик* – 'Зеленоград', *Златик* – 'Златоуст', *Ижик* – 'Ижевск', *Берики* – 'Березники', *Петрик* – 'Петрозаводск', *Мурик* – 'Мурманск', *Марик* – 'Мариуполь'. Для языкового сознания русских в этом ряде образований очевидна проекция в топонимическую область из области антропонимической. Очень многие антропонимы имеют уменьшительно-ласкательные формы с суффиксом **-ик-**: *Анатолий* – *Толик*, *Эдуард* – *Эдик*, *Владимир*, *Владислав* – *Владик*, *Станислав* – *Стасик* и т.д.

Приведенные выше экспрессивные топонимы (как, впрочем, и антропонимы-деминутивы) характеризуют говорящего – прежде всего, его национальную принадлежность, речевую манеру и прагматическую установку. Они имплицитно характеризуют также ситуацию общения: совершенно очевидно, что это сфера неофициального, непринуждённого общения и атмосфера благожелательности – скорее всего с установкой на шутовую тональность. Но есть среди неофициальных номинаций реальных геообъектов и такие, которые отражают их экологическое неблагополучие, остроту социальных (в частности, межнациональных) отношений. Строятся они по-разному: либо путём замены компонентов и введения в качестве мотиваторов элементов с негативной семантикой и коннотацией (например, *Днепропыльдымск* – 'Днепродзержинск', *Некропетровск*, *Днепрожидовск* – 'Днепропетровск'), либо путём образования квазитопонимов, включающихся в топонимическую парадигму по принципу паронимии – намеренного каламбурного сближения созвучных компонентов (например, *Сверхжлобск* – 'Свердловск'; *Ижопск*, *Ижмурск* – 'Ижевск'; *Басурманск* – 'Казань' и под.).

Появление многих неофициальных топонимов обусловлено не только сменой культурных парадигм, усилением личного компонента в процессе самовыражения коммуникантов, но также изменениями в картине мира, ухудшением состояния окружающей среды, обострением социальных отношений. Мы не можем дать здесь полный перечень способов образования неофициальных топонимии как по причине их многочисленности, так и по той причине, что многие из них не являются широко используемыми и фиксация их носит рассеянный характер. Представленного материала достаточно, чтобы подтвердить онтологическое единство топонимии, включающей в качестве составляющих статические и динамические, ограниченные во времени и сфере использования компоненты. Внимание к последним намного расширяет наше видение го-

ворящего (его характер, лингвокреативный потенциал, его оценку познанной действительности и в одних случаях созидательную коммуникативную стратегию, а в других – речевую агрессию, межкультурную деструкцию) и объективируемой в речи действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гукова Л.Н. Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А.С. Пушкина : [словарь : пособие для учителя] / Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина. – Одесса : Астропринт, 2008. – 392 с.
2. Гукова Л.Н. Семантика и структура топонимической перифразы / Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина // Мова : науково-теоретичний часопис. – 2006. – № 11. – С. 253–262.
3. Гукова Л.Н. Семантико-стилистическая парадигма номинаций географического объекта / Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина // Проблемы общей и региональной ономастики : материалы VII Международной научной конференции. – Майкоп : Изд-во АГУ, 2010. – С. 315–318.
4. Карпенко О.Ю. Проблематика когнитивной ономастики : [монография] / О.Ю. Карпенко. – Одеса : Астропринт, 2006. – 328 с.
5. Кононова Ю.Н. Ономообразование в текстах русской детской литературы в аспекте языковой креативности / Ю.Н. Кононова // Проблемы общей и региональной ономастики : материалы VII Международной научной конференции. – Майкоп : Изд-во АГУ, 2010. – С. 326–329.

УДК 811.161.1'373.46

Е.А. Конопелькина

Днепропетровск, Украина

СПЕЦИФИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СЛОЖНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО РОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на материале терминологии экономико-правовой сферы)

В статье рассмотрены ономаσιологические возможности сложных способов образования наименований лиц по роду деятельности в экономико-правовой сфере современного русского языка; выделенные способы охарактеризованы с точки зрения их продуктивности в исследуемом номинативном пространстве.

Ключевые слова: *наименования лиц по роду деятельности, экономико-правовая сфера, сложные способы образования.*

К числу наиболее важных составляющих общего номинативного пространства экономико-правовой сферы русского языка, сложившегося в последние годы под влиянием различных экстралингвистических факторов, принадлежит многочисленная и постоянно

пополняемая группа номинаций лиц по роду деятельности (далее – НЛД), т. е. номинативных единиц со значением лица-деятеля, значительных фрагмент которой составляют сложные образования. К ним относятся наименования, созданные с помощью словосложения, сложения с суффиксацией и аббревиации.

В настоящем исследовании поставлена цель рассмотреть сложные номинации лиц и способы их образования на материале более 200 сложных НЛД экономико-правовой сферы, извлеченных из специальных и общих словарей русского языка.

Наиболее многочисленную группу НЛД, образованных путем сложения, составляют номинации с опорным компонентом, равным самостоятельному слову. В качестве первого компонента в таких образованиях может выступать:

а) целая основа слова (*лизингополучатель, залогодержатель, товаровладелец, правообладатель, грузоотправитель* и др.);

б) усеченная основа слова (*нарко-*: наркобизнесмен, наркопреступник, наркоторговец, наркодилер и др.; *авто-*: автовладелец, автостраховщик и др.; единичными примерами представлены усеченные основы интернационального характера: *авиа-*: авиаброкер и *евро-*: еврофермеры);

в) связанный компонент интернационального характера (*вице-*: вице-брокер, вице-президент; *медиа-*: медиа-баер, медиа-брокер, медиа-магнат и медиамагнат, медиа-менеджер и др.);

г) самостоятельное слово, в том числе и аналитическое прилагательное (*агент-аукционист, директор-администратор, инженер-консультант, кассир-контролер, посредник-поверенный, эксперт-юрист* и др.; *индент-агент, бизнес-аналитик, арт-дилер, арт-директор, курс-маклер, соло-арбитр* и др.).

В наши дни активно формируется ряд наименований лиц со вторым компонентом *менеджер*, зафиксированных в языке СМИ и, в отдельных случаях, в словарях: *эккаунт-менеджер, арт-менеджер, бренд-менеджер, офис-менеджер, PR-менеджер, тайм-менеджер, топ-менеджер, тренинг-менеджер, флит-менеджер* и др.

Из всех возможных смешанных способов для образования анализируемых однословных наименований наиболее широко используется суффиксально-сложный способ номинации, хотя в целом (по сравнению со словосложением) он не является продуктивным. Среди суффиксально-сложных образований лиц анализируемой номинативной сферы преобладают номинации с суффиксом *-тель*: *бланкоподписатель, займодаделец, наймодаделец, наследодатель, векселенадписатель* и др., немногочисленны наименования

ния с нулевым суффиксом: *законовед, правовед, счетовод, банкoмёт*; с суффиксами *-ец (займодавец)* и *-чик (рукоприкладчик)*. Многие наименования данного типа вместе с чистыми сложениями образуют пары терминов, обозначающих контрагентов экономико-правовой деятельности, например: *векселедатель – векселедержатель, ссудодатель – ссудополучатель, залогодатель – залогодержатель, лизингодатель – лизингополучатель, чекодатель – чекодержатель* и др.

Среди способов словообразования *аббревиация* занимает специфическое место, представляя собой такой способ словообразования, который направлен на «создание более коротких по сравнению с исходными структурами (словосочетаниями или сложениями) синонимичных им номинаций» [4, с. 9]. Немногочисленные отмеченные нами номинации распределяются по следующим структурным типам аббревиатур.

1. Сложносокращенные НЛД, образуемые из сочетания начальной части слова с целым словом: *турагент, туроператор, спецконтингент, бандглаварь, физицо*.

2. Инициальные аббревиатуры, состоящие из начальных букв словосочетания, в целом не используются для создания наименований лиц анализируемой концептосферы. Однако «Большой экономический словарь» предъясняет в отдельной словарной статье общеупотребительную инициальную аббревиатуру *бомж*, давая ее расшифровку – «без определенного места жительства» и сопровождая ее комментарием, который объясняет правомерность появления этого слова в словаре: «Аббревиатура, принятая в милиции как информация о паспортных данных. Тот, кто не имеет постоянного места жительства, прописки, определенных занятий; бездомный; бродяга» [2].

3. Единичны и случаи так называемой телескопической аббревиации, при которой соединяются начало одного и конец другого слова. В нашей выборке отмечены два синонимичных общеупотребительных НЛД, созданных таким образом: *трудоголик, работоголик* – ‘человек, полностью поглощенный, опьяненный работой’ [2]. Первые компоненты этих номинаций представляют собой основы слов *труд, работа*, соединенных с последней частью слова *алкоголик*.

4. Особую группу составляют образования, которые Д.И. Алексеев характеризует как «непосредственные слоговые отсечения от неаббревиатурных слов» [1, с. 196]. Е.А. Земская производство таких стилистически сниженных модификантов называет усечением [3, с. 86], отграничивая его от аббревиации. «Русская грамматика»

рассматривает их как особый вид аббревиатур [5, с. 256]. В «Большом экономическом словаре» приводятся единичные образованные таким образом существительные со значением лица: *нелегал* – ‘тот, кто находится на нелегальном положении; действует вне закона’ [2]; *универсал* – ‘1. работник, владеющий всеми специальностями в своей профессии; человек разносторонних знаний’ [2]; *индивидуал* – ‘тот, кто занимается индивидуально-трудовой деятельностью’ [2].

Как показал проведенный анализ, наибольшими словообразовательными возможностями в кругу сложных НЛД обладают осново- и словосложение; в меньшей степени – суффиксально-сложный способ. Сложносокращенные наименования лиц, зафиксированные специальными словарями, чаще всего являются по своему характеру общеупотребительными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Д.И. Сокращённые слова в русском языке / Д.И. Алексеев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1979. – 328 с.
2. Большой экономический словарь / под ред. А.И. Азрилияна. – [5-е изд., испр. и доп.]. – М. : Ин-т новой экономики, 2002. – 1280 с.
3. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : КомКнига, 2005. – 224 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Русская грамматика : в 2-х т. / [редкол.: Шведова Н.Ю. (гл. ред.) и др.] ; АН СССР. Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с.

УДК 811.161.1:81’373.45

И.Н. Мозовая

Днепропетровск, Украина

СПОСОБЫ ПОДАЧИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКЕ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

В статье рассмотрены способы репрезентации новой иноязычной лексики в языке русскоязычной коммерческой рекламы, отмечены наиболее характерные случаи контекстного пояснения иноязычных слов.

Ключевые слова: *иноязычное слово, реклама, контекстное пояснение, толкование.*

Экспансия заимствований, отмечаемая многими исследователями русского языка последних десятилетий, находит своё закономерное отражение в языке современной коммерческой рекламы.

Очевидно, что заимствования, в первую очередь англицизмы, избираемые рекламистами и копирайтерами в качестве характеризующего средства, как правило, представительны, престижны, аттрактивны. Они привлекают и задерживают внимание, а потому действенны и обладают манипулятивной силой. Однако значение таких слов не всегда и не всем понятно, поэтому их восприятие в значительной степени зависит от способа подачи иноязычного слова в контексте рекламного сообщения.

Целью настоящего исследования является установление и описание специфики репрезентации иноязычных слов в текстах современной коммерческой рекламы.

В ходе исследования установлено, что все типы новых заимствований (иноязычные включения, варваризмы и экзотизмы) могут функционировать в языке рекламы следующим образом: а) без пояснения; б) с контекстным пояснением или в) с пояснением словарного характера. Остановимся на характеристике двух последних способов подробнее.

Контекстное пояснение. Отметим, что рекламные сообщения часто содержат более или менее развернутое толкование какого-либо недавно заимствованного термина или описывают новые услуги (например, медицинские), которые становятся популярными в кратчайшие сроки. Их частое появление не только в рекламных заметках, но и в широкой печати связано, помимо решения узкорекламных задач, со стремлением определенных общественных кругов приблизить отечественного потребителя-клиента к европейскому образу жизни.

Для новой жанровой разновидности рекламы, пропагандирующей западный опыт и стиль жизни, характерно преобладание описательных приемов изложения. На основании наблюдений, сделанных в результате анализа исследуемого материала, мы можем выделить следующие наиболее частотные приемы контекстного объяснения иноязычных заимствований в рекламах разных жанров.

1. Сопровождение иноязычного вкрапления или варваризма прямым переводом: *Пьер Карден первым ввел понятие prêt-à-porter (готовая одежда), которое стало главным элементом мировой моды* («Натали», сентябрь 2004 г., с. 172).

2. Сопровождение иноязычного слова переводом и / или пояснением, как, например, в рекламном материале «Дорожные тонкости»: *Выберите малобюджетный вариант тарифа. Например, если вы едете за границу в субботу, а вернетесь в воскресенье, билет обойдется вам значительно дешевле, потому что здесь всту-*

нит в действие **Sunday Rule** – «правило воскресного дня». Кроме того, вы можете купить билет из группы **Super Saver**. Он стоит дешевле, хотя и имеет ограничения – например, **дэдлайн**, то есть определенный срок выкупа билета, или **блэкаут** (невозможно вылететь по этому тарифу в те или иные дни) («Натали», август 2006 г., с. 164).

3. Сопровождение наименований сопоставляемых предметов пояснением, которые могут не различаться или смешиваться потенциальным потребителем, в частности: *Не путайте лифтинговые средства с anti-age. Лифтинг – это временный эффект, когда крем или сыворотка подтягивают кожу до тех пор, пока вы их не смоете. Средства anti-age обладают более глубоким действием: они регулируют механизмы старения кожи и борются с морщинами постоянно* («Glamour», февраль 2005 г., с. 219).

4. Сопровождение иноязычного слова этимологическим комментарием: *Еще древние греки и римляне, имевшие доступ к Средиземному морю, открыли чудодейственный эффект термальных бань. Так появилась талассотерапия (в переводе с древнегреческого talasso – наука лечения человека морем)* («Натали», август 2004 г., с. 68) и др.

Подобным образом вводятся экзотизмы, которыми изобилуют рекламные материалы о международном отдыхе и туризме, например, о Венгрии: *В стране, где традиционное рождественское блюдо – винный суп, даже купленный на улице традиционный лангоши (творог с чесноком и густой сметаной на горячей пышной лепешке со вкусом пончика) фаст-фудом никак не назовешь* («COSMOPOLITAN», сентябрь 2004 г., с. 352).

Значение иноязычного включения можно понять, исходя из контекста: *Все скоростные трассы – платные (за исключением Германии, там все – free of charge)* – рекламная статья о путешествии по Европе («COSMOPOLITAN», август 2006 г., с. 91).

Таким же образом могут объясняться и графически адаптированные заимствования, например: *Любопытную новинку для модных жительниц мегаполиса создали дизайнеры марки 13:20 Елена Кудина и Ольга Рейниш. Это одежда-трансформер, позволяющая одну и ту же вещь превращать в несколько разных вариантов наряда. Ты сможешь менять свой стиль в течение дня, соответствовать актуальному дресс-коду вечером и при этом значительно экономить свое время* («JOY», октябрь 2006 г.)

Следует отметить, что нередко при толковании иноязычного слова составители рекламных текстов пытаются совместить простое

информирование о новом понятии или предмете с активным привлечением внимания читателя к этому предмету, стремясь заинтересовать его. Таковы, например, контексты следующих рекламных материалов: *Завсегдатаи ночных клубов, молодежных вечеринок и элитных пати уже успели оценить энергично-чувственные танцы в стиле RnB. Кроме классической «расшифровки» – ритм-энд-блюз, существует и гламурная транскрипция понятия RnB, а именно: рич энд бьютифул (богатые и красивые)* («2000», № 35, 2006 г.).

Информационно-словарные материалы становятся все более частой приметой рекламных страниц современных «глянцевого» журналов. В частности, журнал «Натали» в одном из своих номеров в рекламном материале о Новой Зеландии дает следующую информацию о новых видах развлечений, репрезентируемую иноязычными включениями: *Зимние развлечения в Новой Зеландии. Heli-Snowmobile - спуск на снегоходе со склона одной из снежных вершин Южных Альп, куда вас доставят на вертолете. Скорость скольжения контролируете вы сами. Bungee – банджи-джампинг. Огромное количество и разнообразие по всей стране. Sky diving – «небесное ныряние» – прыжки с парашютом самостоятельно или с инструктором. Особенно захватывающие над ледниками. Gliding – глайдинг – полеты на аэроплане с открытой кабиной. После короткого инструктажа вы сможете сами управлять аппаратом* («Натали», август 2004 г., с. 49).

Как мы видим, создатели рекламных текстов используют различные способы контекстного пояснения иноязычных слов: перевод, этимологический комментарий, предъявление иноязычного включения в контексте, позволяющем понять его значение, и др. Такая репрезентация иноязычной лексики делает текст рекламного сообщения более доступным и понятным.

УДК [811.111+811.112.2+811.161.1+811.161.2]’374:37

С.В. Сидун
Луцьк, Україна

**ВИРАЖЕННЯ ЕМПІРИЧНОГО КОМПОНЕНТУ
ЛЕКСИЧНОГО ЗНАЧЕННЯ У ДЕФІНІЦІЇ
(на матеріалі тлумачних словників англійської,
російської та української мов)**

У роботі розглядаються проблеми дефініції лексем з яскраво ви-

раженим емпіричним компонентом значення, який вказує на найхарактерніші особливості предмета, що сприймаються органами чуттів і практично не піддаються вербалізації. Досліджується, як виражається емпіричний компонент семантики у дефініціях лексем тематичної групи «страви».

Ключові слова: лексичне значення, конкретна лексика, емпіричний компонент значення, дефініція.

Лексичне значення слова є складним, багаторівневим утворенням, у якому поєднується інформація різних видів. У структурі лексичного значення конкретної іменної лексики деякі науковці виділяють емпіричний компонент, тобто закріплений за знаком узагальнений чуттєво-наочний образ предмета [1, с. 129]. Цей компонент включає найхарактерніші, сприйняті чуттєво, особливості об'єкта дійсності.

Емпіричний образ предмета складається з відображення його окремих ознак, що піддаються чуттєвому сприйняттю. Ознаки предмета, які сприймаються органами чуттів, можуть відобразитись у значенні слова не лише у чуттєвій, а також у раціональній формі – вони можуть бути концептуалізовані, тобто узагальнені до рівня утворення поняття, та названі.

Можливість остенсивного визначення слова, або, згідно з поглядом І.А. Стерніна, існування вербально-остенсивного значення, свідчить про наявність у такого слова емпіричного компонента. До вербально-остенсивних визначень належать дефініції слів з семантикою смаку, кольору, форми, запаху, звуку, руху, у яких емпіричний компонент є домінуючим [2, с. 137].

Опис емпіричного компонента значення слова є доволі складним, оскільки цей компонент має чуттєву природу і часто не піддається вербалізації та членуванню на складові елементи. І.А. Стернін вважає, що непрямим шляхом дослідження емпіричного компонента є аналіз словникових дефініцій у тлумачних словниках [2, с. 132]. Аналіз дефініцій показує, що лексикографи використовують найрізноманітніші засоби для фіксації емпіричного компонента значення слів: вербальні визначення, посилання на враження від інших референтів (*блакитний* - «колір неба»), а у випадках, коли слова в дефініції не здатні передати суті явища, може використовуватись ілюстративна дефініція - супровід знака малюнком або схемою його референта, що формує емпіричний компонент значення [2, с. 32].

Складність тлумачення лексем з емпіричним компонентом семантики може мати різні причини, залежно від того, якими орга-

нами чуттів сприймається чуттєва частина їх значення. Лексикографічний опис назв різноманітних страв (як складного, так і простого приготування) пов'язаний з низкою труднощів, оскільки всі страви мають особливий, притаманний лише їм, процес приготування, вигляд, смак та запах (ознаки, які сприймаються зоровими, смаковими, нюховими рецепторами).

Якщо процес приготування з більшим чи меншим успіхом можна описати вербально, як послідовність дій, а вигляд - проілюструвати малюнком (хоча обидва прийоми не завжди є ефективними), то смак і запах, які сприймаються дуже суб'єктивно, відобразити у словниковій статті важко і найчастіше просто неможливо. Для прикладу візьмемо дефініції слова *суп*, *soup* і подивимось, чи вводиться у них емпіричний компонент та яким чином він відображається.

Суп «рідка страва, яка являє собою переважно м'ясний, рибний або грибний відвар з овочами, крупами і т.н.» [4, с. 361]. *Суп* «жидкое кушанье, представляющее собой отвар (из мяса, рыбы и т.п.) с приправой из овощей, крупы и т.п.» [3, с. 419]. *Soup* «a liquid food especially with a meat, fish, or vegetable stock as a base and often containing pieces of solid food» («рідка страва зазвичай з м'ясом, рибою, з основою з різних овочів та часто із шматочками твердої їжі») [5].

Лексеми *суп* / *суп* / *soup* використовуються для позначення цілого класу страв, ряду супів, які мають різний склад компонентів, особливості приготування та споживання і, відповідно, як наслідок, різний смак, запах та зовнішній вигляд. Об'єднує усю різноманітність супів те, що це рідка страва з шматочками твердої їжі (м'яса, овочів, круп тощо). Саме ці диференційні ознаки подані у наведених визначеннях.

Проте близькі референційні характеристики мають також інші рідкі та напіврідкі страви, такі як борщ, селянка, окрошка, рагу, соте, куліш та багато інших. Таким чином, спираючись на подані дефініції, ці страви можна помилково віднести до класу супів. Крім того, стереотипне уявлення носіїв мови про суп у різних культурах відрізняється, а у дефініціях це не вказується. Можна вважати, що наведені визначення є недостатньо інформативними і не мають чітких ознак, на основі яких носію мови, незнайомому з відповідними позамовними об'єктами, вдасться відрізнити суп від подібних до нього страв.

Ми проаналізували дефініції понад сорока страв, характерних для різних національних кухонь (*борщ*, *піца*, *суп*, *тістечко*, *торт*,

хліб, шашлик та ін.), взявши за основу базові тлумачні словники української, російської та англійської мов. На основі проаналізованих тлумачень можемо умовно виділити наступні параметри, за якими будується словникове тлумачення:

- 1) рід страви (суп, кондитерський виріб, напій та ін.);
- 2) спосіб приготування (варіння, смаження);
- 3) склад компонентів (з чого готується);
- 4) зовнішній вигляд;
- 5) походження / культурний компонент (приналежність до національної кухні певного народу; ця ознака не завжди вказується експліцитно, частіше вона виводиться із вказівки на мову-джерело для того чи того слова - назви страви);
- 6) типове споживання (у холодному, гарячому вигляді, з чимось).

Названі параметри (крім манери приготування та зовнішнього вигляду) мають неемпіричну природу. Отже, у тлумаченнях подекуди вводяться лише два емпіричні аспекти: вказівка на манеру приготування та зовнішній вигляд страви, а про смак і запах продукту лексикографи зазвичай не подають жодної інформації. Варто зазначити, що жодна з дефініцій у розглядуваних словниках не мала малюнка-ілюстрації, хоча її наявність могла б у більшості випадків вирішити проблему диференціації референтів.

Аналіз показав, що дефініції лексем з розглянутого класу конкретної лексики не відповідають інтуїтивним уявленням мовців про значення цих слів, вони переважно малоінформативні, мають абстрактний характер, а емпіричний компонент, зазвичай, у них зовсім не представлений. Спираючись на словникову дефініцію певної страви, пересічній людині навряд чи вдасться розпізнати її за описом у словнику.

На нашу думку, опис емпіричного компонента значення слів класу конкретної лексики є дуже важливим, оскільки саме він робить можливою диференціацію референтів слів, а тим самим надає практичної цінності словниковим дефініціям.

ЛІТЕРАТУРА

1. Серебренников Б.А. Языковая номинация. Общие вопросы / Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. - М. : Наука, 1977. - 360 с.
2. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. - Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1979. - 156 с.
3. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. - [2-е изд., испр. и доп.]. - М. : Русский язык, 1981-1984.
4. Словник української мови : в 11 т. - К. : Наукова думка, 1970-1980.

5. Merriam-Webster Online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.merriam-webster.com/dictionary>.

УДК [811.111+811.161.1]:001

Р.И. Стеванович
Николаев, Украина

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В МЕНТАЛЬНОЙ СФЕРЕ (на материале русского и английского языков)

В данной статье зрительное восприятие рассматривается как главный ориентир человека в мире; анализируются лексические способы выражения зрительного восприятия в русском и английских языках.

Ключевые слова: *ментальная сфера, зрительное восприятие, лексическое выражение.*

Ментальная сфера человека тесно связана с другими системами [1, с. 42]. В языке зафиксирована прямая связь восприятия с ментальными состояниями и процессами: *прислушаться к чьему-либо мнению, видеть / чувствовать решение проблемы*. Информация, которую получает мозг, представляет собой материал для его работы, без которого он не был бы мозгом. Слова, описывающие зрительное восприятие: *смотреть, видеть, наблюдать; to see, to look, to observe, to examine* подразумевают получение информации, на основе чего перцептивная лексика получает возможность развивать эпистемические смыслы: *не видеть смысла, предвидеть, увидеть в истинном свете; to look forward to, to foresee, to anticipate*.

Слова *глаз* и *взгляд* в комбинации с глаголами описывают различные ментальные состояния и процессы: *«закрывать глаза на что-то» – «игнорировать», what hits the eye – «что бросается в глаза», to keep an eye on smth – «be attentive»*. При этом сама ментальная лексика имеет перцептивное происхождение. Напр., *прогнозировать – предвидеть; to anticipate – to look forward to, to foresee*.

Зрение – главный ориентир человека в мире: *the mighty world of eye – «могучий мир зрения»*. Зрительная информация обрабатывается мозгом моментально, на подсознательном уровне. Целостность зрительного восприятия проявляется в его избирательности, объект воспринимается не как таковой, а «под определенным углом зрения». Особенности зрительного восприятия проявляются не только в семантике и сочетаемости, но и в особенностях употребления ментальной лексики, показывающей, что в ментальной сфере есть

свой наблюдатель – *«mental observer»*, который способен видеть ненаблюдаемое. При этом ментальное зрение носит целостный, антропоцентричный характер. Лексика, связанная со зрительным восприятием, главным образом, используется во вторичных, метафорических значениях, которые обозначают разного рода ментальные явления: *осветить проблему, голые факты, точка зрения, заметить несоответствие*.

Большое количество слов и выражений, описывающих ментальную сферу человека, имеют «физическое» происхождение. Например, *проводить грань, ставить на одну доску, схватить смысл, попасть в поле зрения*. Человек представляет эти умственные операции как «наблюдаемые», т.е. как те, которые воспринимаются зрительно. Этот способ фиксирования знаний о мире Дж. Лакофф и М. Джонсон назвали «концептуальной метафоризацией» [2, с. 352]. Таким образом, происходит обозначение сложных и ненаблюдаемых явлений по аналогии с физическими и наблюдаемыми. Иначе это явление можно назвать «принципом наглядности», сущность которого заключается в «опредмечивании» непредметных сущностей по образу и подобию зрительного восприятия» [3, с. 233]. В результате действия этого мощного семантического механизма язык развивает дополнительные метафорические и метонимические значения, формирует устойчивые обороты, расширяет лексическую сочетаемость. Язык становится воплощением практического опыта человека. Главным образом, благодаря этому принципу ментальная лексика складывается из слов и выражений, описывающих физические, наблюдаемые явления и их восприятие, а работа мозга концептуализируется в языке по образу и подобию работы зрения: *исследовать проблему, рассматривать проблему, увидеть решение*.

Знания о мире, полученные зрительным путем, отличаются от знаний, полученных в процессе обучения. Знания, полученные перцептивно, – это знание того, как человек воспринимает происходящее через призму своего «я». Зрение – не только самый главный источник информации для человека, но и самый надежный способ ее верификации. Увидеть – значит поверить, узнать, убедиться, удостовериться. Информация, полученная в результате зрительного восприятия, хранится в виде «образов», «картинок», «изображений». «Образы» складываются в «ментальное зрение», формируют мировоззрение своего носителя: *выразить свою точку зрения, иметь взгляд на происходящее, поле зрения*.

Память и воображение непосредственно связаны со зрительным восприятием: они формируют «ментальное зрение», помогают

представить, что может произойти, предвидеть будущее. Условием успешного продвижения вперед к намеченной цели, пункту назначения выступает зрительное восприятие.

Таким образом, зрительное восприятие сопровождается ментальными процессами, сознательными или подсознательными, а ментальные процессы, сознательные или подсознательные, предопределяются в значительной степени зрительным восприятием. В результате ментальная сфера концептуализируется по образу и подобию зрительного восприятия, описывается в языке перцептивно мотивированными терминами, имеет своего «ментального наблюдателя», опирается на «ментальное зрение» и «ментальное изображение» – память и воображение. А «принцип наглядности» является главным не только во всех видах деятельности, но и в самой семантической и грамматической организации языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-67.
2. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 347-415.
3. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект / Н.К. Рябцева. – М. : Academia, 2005. – 630 с.

УДК 81'373.421:534:711.4.001.4

В.Ю. Тютюнник

Днепропетровск, Украина

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ АКУСТИКИ

Статья посвящена исследованию синонимических отношений в терминологии градостроительной акустики. Рассматриваются подходы ученых к проблеме синонимии и, в частности, к проблеме терминологической синонимии, приводится классификация синонимов исследуемой терминологии.

Ключевые слова: *терминосистемы, синонимия терминов, синонимический вариант, термины-дублиеты, синтаксические синонимы, словообразовательные синонимы, терминология градостроительной акустики.*

Мы живем в эпоху колоссальных глобальных цивилизацион-

ных преобразований. Весь мир переживает развитие интеграционных процессов постиндустриального общества. И это наглядно наблюдается в развитии такой области науки, как лингвистика, и в частности терминологии. Происходит взаимная интеграция понятийно-терминологического аппарата различных сфер знаний, расширяется международный лексикологический фонд, имеет место взаимодействие разноязычных терминологических систем.

Для полноценного анализа проблем терминологии необходимо изучение не только теоретических вопросов. Следует обращаться также к проблемам терминологических систем отдельных наук и сфер деятельности человека. Исследование отраслевых терминологических систем с целью их усовершенствования, упорядочения, стандартизации и унификации является одним из ведущих направлений современного терминоведения. В этом плане огромный интерес для лингвистов представляет разработка и создание отраслевых терминологических словарей.

Нужно сказать, что одни из терминологий – это уже устоявшиеся, закрепленные лексические системы, тогда как другие еще пребывают в процессе развития и становления. Терминология градостроительной акустики, по нашему мнению, принадлежит такой отрасли науки, которая до сих пор переживает период бурного, динамичного развития. Данная терминология представляет собой широко разветвленную, системно организованную совокупность терминов, функционирующих в составе пяти основных функционально тематических групп: наименования категории процессов, категории предметов, категории свойств, категории величин и категории единиц измерения.

Системность анализируемой терминологии проявляется как в тематико-понятийной ее организации, так и в упорядоченности, зависящей от собственно-языковых факторов и выявляющей отношения (парадигматические и синтагматические) слова к другим словам. Рассмотрим системность, присущую терминологии градостроительной акустики на примере синонимических отношений.

Явление синонимии в терминоведении признается как проявление парадигматических отношений в лексике. Однако само понятие «синонимия», как и понятие «синоним», трактуется по-разному. Подход к этой проблеме неоднократно менялся по мере развития терминологической науки. Так, основоположник терминологической школы Д.С. Лотте то заявлял об отсутствии синонимии в пределах определенной терминосистемы, рассматривая ее как нежелательное и чуждое терминологии явление [1], то, наоборот, призна-

вал, что терминам присущи синонимические отношения [2, с. 16].

Мы в данной статье следуем принципам В.П. Даниленко, которая под синонимом понимает «синонимический вариант термина» или «вариант термина», рассматривая такие единицы как вариативные наименования одного и того же понятия в конкретной терминосистеме [3, с. 174].

В русской терминологии градостроительной акустики представлены следующие виды синонимии:

1. **Термины-дублеты**, появившиеся в результате параллельного употребления единиц русского и иноязычного происхождения: *абсорбция – поглощение; маршрут звуковой волны – путь звуковой волны.*
2. **Синтаксические синонимы**, выраженные синонимическими конструкциями: *шумовая эмиссия – эмиссия шума; защита от шума – защита против шума.* Сюда же относятся варианты с инверсией компонентов составных терминов: *бегающая плоская волна – плоская бегающая волна; полубесконечный тонкий экран – тонкий полубесконечный экран.* Синтаксические синонимы реализуют как функцию уточнения, так и функцию замещения в тексте.
3. **Словообразовательные синонимы**: *противошумный экран – противошумовой экран; шумозащищающие средства – шумозащитные средства.*
4. **Эквивалентные составные термины с синонимическими опеределеляющими**: *акустический – звуковой* (акустическая волна – звуковая волна,); *акустический – шумовой* (акустический климат – шумовой климат) и т.д.
5. **Эквивалентные составные термины с синонимическими опорными словами**: *высокочастотные составляющие шумов – высокочастотные слагающие шумов; бег волны – пробег волны.*
6. **Синонимика сложного и составного термина**: *звуколокатор – звуковой локатор; вентиоборудование – вентиляционное оборудование.*

Кроме того, в акустике, как и в других областях знания, широко применяется контекстная синонимия, возникшая в результате эллипсиса: **стандартный коэффициент шума**, далее - **коэффициент шума**.

К собственно вариантам относятся:

- 1) **орфографические варианты**: *графо-аналитический метод – графоаналитический метод; флуктуация – флюктуация.*
- 2) **краткие варианты, употребляемые наряду с полными**: *ватт –*

Вт; децибел – дБ.

Наличие в рассматриваемой терминологии довольно многочисленной группы вариантных образований позволяет говорить об относительной устойчивости многих из них и об относительности самой терминологичности данных образований. Особенно это касается составных многокомпонентных наименований, в которых явно выделяется опорное понятие (типа *удельная звуковая мощность*) и варьирующиеся компоненты-конкретизаторы. Возможно, в таких случаях мы имеем дело с особенностями текстового функционирования терминов.

Кроме того, хотелось бы отметить, что большинство из перечисленных выше феноменов синонимии одинаково свойственны данной терминологии как в русском, так и в украинском, а также в английском языках: *акустическая волна – звуковая волна; акустический щит – акустический экран, акустичний щит – звуковий щит, acoustic screen – acoustic barrier; шумовая эмиссия – эмиссия шума, шумова емісія – емісія шуму, noise emission – emission of noise.*

С теоретической и с прикладной точек зрения, интерес представляет создание трех-, а возможно, и четырехязычного словаря по этой терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии / Д.С. Лотте. – М. : АН СССР, 1961. – 160 с.
2. Лотте Д.С. Краткие формы научно-технических терминов / Д.С. Лотте. – М. : Наука, 1971. – 84 с.
3. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
4. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики / С.Е. Никитина. – М. : Наука, 1987. – 144 с.
5. Гринев С.В. Введение в терминоведение / С.В. Гринев. – М. : Московский лицей, 1993. – 309 с.

УДК81'373.422:534:711.001.4

В.Ю. Тютюнник, О.В. Кондрашева
Днепропетровск, Украина

ОСОБЕННОСТИ АНТОНИМИИ ТЕРМИНОЛОГИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ АКУСТИКИ

Терминология градостроительной акустики представляет собой широко разветвленную, системно организованную совокупность

терминов, функционирующих в составе пяти основных тематических групп. Рассматриваются особенности антонимических отношений данной терминосистемы.

Ключевые слова: *терминосистема, структурные типы антонимии, противоположные видовые понятия, предельные понятия, антонимическая парадигма, терминология градостроительной акустики.*

Термины, терминосистемы и терминологии всегда являлись предметом анализа многочисленных трудов лингвистического, логического и общенаучного содержания. Исследование терминологии в отечественном и зарубежном языкознании осуществляется в самых различных направлениях: сущность термина, его свойства, проблемы формирования терминосистем и поиск путей их изучения.

Одной из актуальных проблем в этой области является вопрос стандартизации терминологии различных областей знания и создание отраслевых терминологических словарей. Терминология градостроительной акустики представляет собой широко разветвленную, системно организованную совокупность терминов, функционирующих в составе пяти основных тематических групп: наименования категории процессов, категории предметов, категории свойств, категории величин и категории единиц измерения.

Системность анализируемой терминологии проявляется как в тематико-понятийной ее организации, так и в упорядоченности, зависящей от собственно-языковых факторов и выявляющей отношения (парадигматические и синтагматические) слова к другим словам. Системность также проявляется в самих тематических группах, которые объединяются на основе семантической и функциональной общности и в пределах которых выявляются гиперо-гипонимические, синонимические и антонимические отношения.

В данной статье рассматриваются особенности антонимических отношений данной терминосистемы.

В науке неоднократно высказывалось положение о том, что антонимические отношения не свойственны терминам [4, с. 58; 3, с. 75-85], при этом указывалось, что в терминологии имеет место просто деление, отграничение понятий, а не их противопоставление. Но, по мнению некоторых ученых, эта точка зрения не выдерживает серьезной критики. «Лексике языка науки, - пишет В.П. Даниленко, - антонимия свойственна не менее, а скорее более, чем общелитературной. И для этого есть свои причины, кроющиеся в природе научных понятий» [1, с. 79]. Следовательно, антонимия присуща языку науки. Вопрос лишь в том, какие ее разновидности свойственны научной терминологии. Так, по мнению В.П. Даниленко, «в языке

науки находит применение два структурных типа антонимии – лексической и словообразовательной» [1, с. 205]. Эти два типа антонимии и реализуются в терминологии градостроительной акустики.

Лексический тип антонимии представлен следующими примерами: *высокий – низкий* (высокая изоляция – низкая изоляция, высокий тон – низкий тон); *внешний – внутренний* (источник); *сильный – слабый* (сильный шум – слабый шум) и т.д.

Словообразовательный тип антонимии выражается посредством регулярного использования префиксов. Чаще всего при этом наблюдается чередование префикса с его отсутствием: *симметричный – несимметричный* (симметричные волны – несимметричные волны); *экранированный – неэкранированный* (экранированные участки – неэкранированные участки); *постоянный – непостоянный* (постоянный шум – непостоянный шум) и т.д.

Приведенные примеры отражают парадигматические отношения, реально существующие в акустической терминологии, они осознаются носителями языка и, прежде всего, специалистами, о чем свидетельствуют не только заявления, цитировавшие выше, но и текстовые данные с параллельным употреблением антонимов: *линейные и точечные* (источники); *стационарные и мобильные* (источники звука); *объективная и субъективная* (оценка шума); *действительная и мнимая* (составляющая импеданса) и т.д. С помощью союза *и* здесь объединяются наименования антонимических признаков. Такое употребление специальных понятий, противопоставленных по определенному признаку, является характерным для языка науки в целом и для данной терминологии в частности.

Центральным при определении лексической антонимии является понятие противоположности. Логическую основу антонимии образуют несовместимые противоположные видовые понятия (контрарные и комплементарные).

Контрарную противоположность выражают крайне симметричные члены упорядоченного множества (контрарные видовые понятия), между которыми существует средний промежуточный член. Это наиболее характерный и распространенный вид противоположности. Он лежит в основе антонимии слов, указывающих на качество. В данной терминологии такими предельными понятиями являются, например: *крайне высокие частоты – крайне низкие частоты*; *поперечные звукопоглощающие кулисы – продольные звукопоглощающие кулисы* и т.п. Предельность присутствует также в словообразовательных антонимах. Качественные прилагательные с приставками *не-*, *без-* выступают как антонимы только в том случае, ес-

ли они являются предельными, крайними членами антонимической парадигмы. Применительно к данной терминологии можно полагать, что определяющие компоненты сочетаний типа *однородные волны – неоднородные волны; синусоидальные волны – несинусоидальные волны; отраженная волна – неотраженная волна* и т.п. являются предельными членами антонимической парадигмы. Возможно, что здесь имеет место и **комплементарная противоположность**, которая, по мнению Л.А. Новикова, «в отличие от **контрарной** характеризуется тем, что между противопоставляемыми членами (видовыми понятиями), дополняющими здесь друг друга до единого целого (родового понятия) и являющимися по своей природе предельными, нет никакого среднего, промежуточного члена» [5, с. 245]. В приведенных противопоставлениях типа *сходящийся – расходящийся (сходящиеся волны – расходящиеся волны)* проявляется **векторная противоположность**, представляющая собой противоположность разнонаправленных действий, движений, признаков.

Можно констатировать, что в исследуемой нами терминологии градоостроительной акустики представлены все основные семантические типы антонимов:

- 1) антонимы, выражающие качественную противоположность (они реализуют контрарную противоположность);
- 2) антонимы, выражающие комплементарность;
- 3) антонимы, выражающие противоположную направленность действий, признаков и свойств (векторная противоположность).

Рассматривая антонимические отношения данной терминологии, следует отметить, что антонимы не только противопоставлены друг другу, они не просто отрицают друг друга, но и предполагают нечто общее, на основании чего их можно сравнивать. В поле этим общим должно быть родовое по отношению к ядру наименование, **суперординанта**, в чем проявляется системность терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
2. Деборин А.М. Заметки о происхождении и эволюции научных понятий и терминов / А.М. Деборин // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 36-45.
3. Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» / Л.А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – М. : Наука, 1965. – С. 75-85.
4. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке / Л.А. Новиков // Семантический анализ противоположности в лексике. – М. : Изд-во Московского

университета, 1973. – 290 с.

5. Новиков Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982. – 272 с.

Раздел 4. ДИНАМИКА ЕДИНИЦ ЯЗЫКА РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

УДК 81'367.4

Т.В. Калугина
Симферополь, Украина

РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО СМЫСЛА «ОБРАЗ, СПОСОБ И КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССА» (на материале произведений К.Г. Паустовского)

В статье исследуется языковой смысл «образ, способ и качественная характеристика процесса». Используется ономазиологический подход, который позволяет выйти за пределы изучения слова и включить в исследование разноуровневые языковые единицы (слова, словосочетания, предложно-надежные формы имени, лексии, фразовые номинанты).

Ключевые слова: ономазиология, языковой смысл, образ, способ и качественная характеристика процесса, ономазиологический ряд.

В традиционном понимании ономазиология – теория номинации, один из двух аспектов семантики (наряду с семасиологией), который изучает природу, закономерности и типы языкового обозначения элементов действительности [1, с. 432]. Ономазиологический подход выходит за пределы лингвистической семантики и включает четыре направления: семантико-структурное, функциональное (с грамматическим ответвлением), текстово-коммуникативное и когнитивное.

Для обозначения номинативной единицы используются два термина: ономата (предложенный В.М. Никитевичем) и номината (предложенный В.И. Теркуловым). Мы считаем, что теория номинации будет неполной без привлечения местоимений в широком смысле слова. По мнению большинства ученых (А.С. Белоусовой, Е.Н. Сидоренко, Н.Ю. Шведовой и др.), местоимения, несущие исходный смысл языковых множеств, являются естественными категоризаторами языка. В последние годы идея о местоимении как «языковом категоризаторе» развивается Н.Ю. Шведовой.

Местоимения являются словами, через которые анализируются глобальные понятия бытия: «Языковой смысл – это самое общее понятие, первично означенное местоименным исходом, средствами местоимений сегментированное по троичному признаку “определенность – неопределенность – непредставленность (отсутствие, не-

существование)» и материализуемое при помощи таких разноуровневых языковых единиц, семантика (языковое значение) которых включает в себя соответствующее понятие и объединяет все эти единицы в некое семантическое множество» [3, с. 32].

Объектом рассмотрения в нашей работе является реализация языкового смысла «образ, способ и качественная характеристика процесса» в произведениях К.Г. Паустовского.

Поставлена цель – описать способы реализации данного языкового смысла в художественном тексте.

Мы используем определение языкового смысла, предложенное Е.Н. Сидоренко: «Языковой смысл – это самое общее, универсальное понятие, выраженное системой разноуровневых ономаσιологических единиц, объединенных в семантическое целое, и категоризируемое одним или несколькими вопросительными местоимениями (в случае их отсутствия – соответствующими функциональными заместителями – лексиями)» [2, с. 11]. Проф. Е.Н. Сидоренко впервые вводит термин «ономаσιологический ряд» и включает в его состав максимально 5 звеньев: слово; словосочетание особого типа, эквивалентное по значению слову; лексию (так называемое «составное слово»); предложно-падежное сочетание имени; фразовый номинант (придаточную часть сложноподчиненного предложения с синтаксическим артиклем или без него) [2, с. 98].

К.Г. Паустовский выражает смысл «образ, способ и качественная характеристика процесса» несколькими способами.

При нерасчлененном выражении языкового смысла используется слово. Определим морфологическую принадлежность данных слов. Во-первых, это форма имени существительного в творительном падеже: *В ветер леса шумят великим океанским гулом и вершины сосен гнутся вслед пролетающим облакам* (К. Паустовский). Во-вторых, наречия образа и способа действия: *Я люблю Мещерский край за то, что он прекрасен, хотя вся прелесть его раскрывается не сразу, а очень медленно, постепенно* (К. Паустовский). В-третьих, деепричастия, которые являются классом слов, совмещающим признаки глагола и наречия – вербально-адвербиальным контаминантом. Категориальный вопрос к деепричастиям – *как?*: *Листва берез висит не шелхнувшись* (К. Паустовский). В-четвертых, местоимения разных семантических разрядов, но одинаковые по категориальной соотносительности: *Как рождается замысел?* (К. Паустовский).

К широко используемым расчлененным средствам выражения языкового смысла в произведениях К.Г. Паустовского относятся

предложно-падежные формы: а) родительный падеж имени с предлогом **без**: *Я допускаю мысль, что писатель гениальный тоже может писать без всякого плана* (К. Паустовский); б) дательный падеж имени с предлогом **по**: *Предсказания погоды передаются по радио* (К. Паустовский); в) винительный падеж имени с предлогом **сквозь**: *Сквозь ветки сосен просвечивало бледное небо* (К. Паустовский); г) творительный падеж имени с предлогами **с, в**: *Одни только дворники ничего не делали, хотя и ждали ветра с гораздо большим нетерпением, чем остальные жители города* (К. Паустовский); д) предложный падеж имени с предлогом **в**: *Ливни приближались в молчании* (К. Паустовский).

Языковой смысл может выражаться словосочетаниями: *Потому что поэзия берет в плен, пленяет и незаметным образом (= незаметно), но с непреодолимой силой (= непреодолимо) возвышает человека и приближает его к тому состоянию, когда он действительно становится украшением земли, или, как простодушно, но искренне говорили наши предки, «венцом творения»* (К. Паустовский).

При создании лексий (термин Е.Н. Сидоренко) используются сочетания двух слов с компонентом **как**: *как никогда, как полагается, как положено, как попало, как следует, как угодно, неведомо как, как придется* и др. Лексии с местоименным компонентом **как** в приведенных примерах эквивалентны неопределенным местоимениям, но структурно усложнены. В предложении они отвечают на вопрос **как?**

Фразовые номинанты (по терминологии В.Н. Мигирина, Н.И. Пельтихиной и др.), как и лексии, относятся к ономасиологическим единицам расчлененного типа. В работах Е.Н. Сидоренко фразовая номинация рассматривается как субъективная модель наименования соответствующих фрагментов действительности, имеющая строение придаточной предикативной единицы, с синтаксическим артиклем (соотносительным словом, коррелятом) или без него, выступающая в качестве развернутого члена главной по отношению к ней предикативной единицы и представляющую собой окказиональное название [2, с. 93]. Выбор фразового номинанта позволяет более точно выразить языковой смысл при отсутствии или смысловой недостаточности других средств выражения. Например: *Эх, если бы все вышло так, как задумано: удрать от денкинцев, от эвакуации!* (К. Паустовский).

При ономасиологическом подходе местоимение **как?** является исходным категоризатором языкового смысла «образ, способ и

качественная характеристика процесса». Дополнительными смысловыми категоризаторами выступают лексии *каким образом?*, *каким способом?*

Средством выражения данного языкового смысла на номинативном уровне является ономаσιологический ряд, состоящий из 5 звеньев: 1) слова; 2) словосочетания; 3) лексии; 4) предложно-падежной формы имени; 5) фразового номинанта. В этом ряду слово является синтетической ономаσιологической единицей, а словосочетание, лексия, предложно-падежная форма, фразовый номинант – аналитическими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочерган М.П. Загальне мовознавство / М.П. Кочерган. – К. : ВЦ «Академія», 2008. – 464 с.
2. Сидоренко Е.Н. Языковые смыслы и ономаσιологические средства их выражения / Е.Н. Сидоренко. – Симферополь : КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. – 128 с.
3. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998. – 176 с.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

4. Паустовский К.Г. Повести / К.Г. Паустовский. – М. : Правда, 1980. – 672 с.

УДК 482-3

С.Б. Козинец
Саратов, Россия

ИСТОРИЯ СЛОВА КУЛАК

В статье рассматривается история советизма кулак с момента первой словарной фиксации до перехода в разряд историзмов.

Ключевые слова: *советизм, историзм, историко-лексикографический анализ.*

В последнее время наблюдается все увеличивающийся интерес к истории советского государства. Новые поколения плохо ориентируются даже в том, что происходило в их стране 20–30 лет назад, не говоря о более раннем времени. После распада СССР вместе с советскими реалиями утратили актуальность и многие слова, в одночасье ставшие историзмами. В научной литературе их принято называть *советизмами* [2].

Многие из этих слов либо неизвестны представителям нового поколения, либо непонятны. В связи с этим возникла необходимость составления специального словаря советизмов, в котором бы не только раскрывалось значение слова, но и отражалась история его формирования и развития. В настоящей статье предпринята попытка историко-лексикографического описания слова *кулак*, актуального для 20–30-х годов XX века.

Слово *кулак* в значении лица имеет сложную историю. Оно было впервые зафиксировано в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 года в значении ‘перекупщик, торговщик’ [4, с. 489]: *Не стану поминать промышленников и дармоедов разных родов, кулаков, которые меняют по деревням разные припасы* (В. Даль, Хмель, сон и явь); *Родился ли ты уж так медведем, или омедведила тебя захолустная жизнь, хлебные посевы, возня с мужиками, и ты чрез них сделался то, что называют человек-кулак?* (Н. Гоголь, Мертвые души).

С течением времени употребление слова несколько изменилось: кулаком стали называть «мелкого базарного торговца, который по нужде и обвесит и обмерит; в общем всякий, кто личному интересу, материальной выгоде жертвует другими соображениями» [1, с. 258]: *Шельма твой Анашка, питерский, ведь, кулак, распоясал машину на один полштоф да и думает: баста!* (А. Писемский, Горькая судьбина), таким образом, негативная оценка развивается у слова уже в то время.

После отмены крепостного права, когда произошло резкое расслоение в крестьянской среде, кулаками стали называть богатых крестьян, использующих труд наемников – батраков: *Богачи-кулаки – это самые крайние либералы в деревне, самые яростные противники господ, которых они мало того что ненавидят, но и презирают, как людей, по их мнению, ни к чему неспособных, никуда негодных* (А. Энгельгардт, Письма из деревни). В конце XIX – начале XX вв. за словом *кулак* это значение закрепляется: *От кулака-хозяина одно отличие: тот на себя старается, а эти на обитель усердствуют* (В. Немирович-Данченко, Святые горы).

В период Октябрьской революции слово приобрело политическую коннотацию: кулак стал относиться к классу эксплуататоров, т.е. врагов, что отразилось и в толковании значения слова ‘зачиточный крестьянин, эксплуатирующий односельчан’ [5, т. 1, с. 592]: *Кулаки, пользуясь паникой, начали скупать земли в качестве «крестьян»* (Н. Суханов, Записки о революции); *Но ведь все, кто делал и у нас хоть какое-нибудь дело («кулаки»), работали именно*

так, без любви к человеку, а приносили это в свой труд, как хищник, которому тоже кажется, что он любит свою жертву (М. Пришвин, Дневники); Сначала «кулак» был столь же абсолютно бранным и столь же безмерно широким понятием, как «буржуй» (Н. Устрялов, Под знаком революции).

В дальнейшем это значение вычленяется в самостоятельное слово и в словарях выделяется как омоним: кулак² ‘богатый крестьянин, эксплуатирующий батраков, бедняков’ [3, т. 2, с. 147].

Во время коллективизации слово стало политическим ярлыком: кулаком называли любого, кто имел какое-нибудь имущество и не хотел вступать в колхоз: *В ряде мест правые оппортунисты продолжают церемониться с кулаком, не только не давая ему твердых заданий, но и не принимая даже никаких мер против его агитации за невыход в лес* («План лесозаготовок должен быть выполнен» // «Правда», 1930); *В союзе с рабочими колхозники будут намахивать всех кулаков и врагов* (М. Шолохов, Поднятая целина).

В разряд кулаков попали почти все середняки – крестьяне, нажившие достаток собственным трудом: *Как более способный и трудолюбивый он возбуждает зависть у других и считается, в конце концов, кулаком* (М. Пришвин, Дневники); *Сочли меня кулаком, а за что, и сами не понимают: хозяйство вел справно, всю жизнь работал, всем помогал, семью большую вырастил и всех люди вывел...* (К. Ливанов, Без Бога). Таким образом, именно в конце 20-х – начале 30-х годов рождается советизм кулак.

Слово кулак образовало целое гнездо: **кулацкий** ‘прил. к кулак’ [5, т. 1, с. 592]: *Ежедневно приезжая на работу в крупные центры, эти рабочие кадры в первую очередь должны быть использованы нашими профорганизациями для оказания влияния на результаты выборов в селах и деревнях, для противодействия проникновению и засилью кулацких элементов в советах* («Союз железнодорожников и перевыборы советов» // «Гудок», 1927.02.04); **кулачество** ‘собр. кулаки’ [5, т. 1, с. 592]: *Потому, что у нас народились внутри партии и около партии люди, видящие в «расширении» нэпа «спасение» смычки рабочих и крестьян, требующие, ввиду снятия чрезвычайных мер, отказа от ограничения кулачества* (И. Сталин, Об индустриализации и хлебной проблеме); **кулачье** ‘кулачество’ (простореч. презрит.) [5, т. 1, с. 593]: *Верно, что из этих же сел немало кулачья ушло и к белым, но остается несомненным, что перевес был всегда на красной стороне* (Д. Фурманов, Чапаев).

После уничтожения кулацкой прослойки деревни слово в

официальном значении стало переходить в разряд историзмов, а в бытовой речи употреблялось как ругательство. В конце 60-х годов кулаками стали называть скупых и жадных людей: *Ну... вроде как кулак, скупой и жадный* (Н. Дубов, Мальчик у моря), а также жителей деревни, имеющих хороший достаток: – *Здесь просто хотят проявить сочувствие тестю. – Кулаку тестю, – уточнил Ваня. Наступила нехорошая тишина* (В. Шукшин, Крыша над головой).

В конце 80-х годов слово окончательно утратило свою актуальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. История слов / В.В. Виноградов. – М. : РАН, 1999. – 1138 с.
2. Козинец С.Б. Наименования лиц: материалы к словарю советизмов / С.Б. Козинец, З.С. Санджи-Гаряева // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. – Саратов : ИЦ «Наука», 2009. – С. 257–268.
3. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1–4. – М. : Русский язык, 1985–1988.
4. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. – СПб., 1847. – Т. 2.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – Т. 1–4. – М. : Вече, 2001.

УДК 811.163.1'38

Е.А. Купченко

Симферополь, Украина

МЕТАФОРА «ВМЕСТИЛИЩА» В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА «РАЗУМ»

(на материале агиографической литературы XI–XVII вв.)

В статье рассматривается образное воплощение абстрактной сущности разума посредством когнитивных метафор «сосуда» и «дома» с общим значением вместилища в памятниках агиографического жанра.

Ключевые слова: *концепт, разум, метафора, агиография.*

Перед исследователем истории духовной культуры встают, прежде всего, трудности понимания категорий этой культуры. Каждая эпоха, цивилизация или социальная система характеризуются особым способом восприятия мира, что требует от ученого «исто-

ризма в превосходной степени» [2, с. 8].

Внимание к языковым средствам позволяет исследователю избежать субъективности в оценке культурных фактов и духовных ценностей средневековья. Для нашего исследования интерес представляет мироощущение древнерусского человека, которое проявляет себя на всех языковых уровнях, прежде всего, на лексическом.

Житие как наиболее популярный и распространенный жанр средневековой литературы включает в себе всю систему ценностей, лежащую в основе мирозерцания древнерусского человека; в этом жанре проявляется «наивысший (понятийный) предел духовной культуры народа» [2, с. 47].

Языковая репрезентация концепта «разум» в агиографическом тексте тяготеет к образному воплощению ментальной сущности разума. Частным и специфическим случаем метафоризации понятия является овеществление, опредмечивание разума: приобретение лексическим значением семы «неживого».

Цель настоящей работы заключается в исследовании когнитивно-моделирующей роли метафоры «вместилища» в языковой репрезентации концепта «разум» в концептуальной системе агиографического жанра.

Формирование метафоры вместилища в житиях связано, прежде всего, с образами разума-сосуда и разума-дома, которые мы рассмотрим. Метафора вместилища (сосуда) реализуется, главным образом, в устойчивом сочетании **вложи емоу во оумъ** со значением «подумать, осознать, прийти в голову» [4, с. 728].

В отличие от современного *прийти в голову*, в составе данного сочетания актуализируется «податель мысли»: это Бог (**гъ не хотян см^рти грешникоу но живоу быти емоу влагает во оумъ юному се мнихоу ити в поустыню и блг^витися оу пр^лвна; [блжному князю миханлу] посла въ блг^ть и даръ стаго дха на нь и вложи ем^у въ сердце ѳхати пред ц^рм** (Житие муч. кн. Михаила и воеводы его Феодора, XIV–XV вв.)) или дьявол (злый враг) (**вложи емоу злыи врагъ. ненавистникъ хрст^танского рода. во оумъ иже ѿити в миръ и рострицыса; дѣволъ ненавистникъ дша^м члескымъ <...> влагаетъ во оумъ семоу василию. пако имѣнїю многоу стого обрѣсти** (Житие преп. Антония Сийского, XVI в.)).

Следует отметить, что, если речь идет о дьяволе, о «подателе мысли» может не упоминаться: **во оумъ вложи емоу ити на лѣшіе. на далніе езера ловитвы оустроити** (Житие преп. Анто-

ния Сийского, XVI в.).

Таким образом, человеческий ум является «вместилищем» Божественного промысла («**сосѸ^А бы^њ прѣ^њтмѸ^њ духоу**») или дивольского умысла («**по научению диволю**»). А.И. Осипов по этому поводу пишет: «Мозг человека напоминает чем-то телефонную станцию, которая не вырабатывает информацию, а только её передаёт. <...> Мозг является только передаточным механизмом, а не источником сознания человека» [4, с. 18].

Как мы видим, разум в концептуальном пространстве жития представляет не столько интеллектуальную, сколько духовную ценность: «тонкость ума, имея своим началом и корнем ‘страх Божий’ представляет собой прежде всего иного особую чуткость к постижению воли Божьей и особую способность к ее исполнению» [1, с. 3].

В житийном тексте также актуализируется воспринимающее, усваивающее и воспроизводящее начало – человек: мысль дается ему извне (или свыше), и в состоянии готовности-«открытости» (В.Н. Топоров) человек ее воспринимает. Это момент соприкосновения имманентного мира (умозрительного, сотворенного) с трансцендентной реальностью (нетварным миром, совершенным бытием). Мысль выступает звеном, связующим Творение с Творцом: **часто* блженыи во оумъ приимаше послѣдний днь. живота своего смртныи час** (Житие преп. Антония Сийского, XVI в.); **си на оумѣ азъ грѣшныи нестеръ приимъ** (Житие преп. Феодосия Печерского, XII–XIII вв.); **сте прѣемше на оумъ нѣкаа жена именемъ антонида пр^Абнаго на помощь призываа. единем окомъ слепа** (Житие преп. Димитрия Прилуцкого, XVI в.) и др.

В других контекстах податель «смысла» / мысли во «вместилище» ума не актуализируется: **во оумъ прииде емоу еже приатни нѣчто ѿ соуца прахоу. таже во стени гровницѣ** (Житие преп. Антония Сийского, XVI в.); **прииде ми во оумъ молитиса** (Житие преп. Павла Обнорского, XVI в.); **оусше рука емоу и прииде во оумъ емоу о прежде бывашихъ чудесехъ** **препо^Абнаго сергия и повеле везти себе в монастырь** (Житие преп. Сергия Нуромского, XVI в.) и др.

Разум в житийном тексте также осмысливается как место, «прище, «свой дом», пребывание в котором представляет нормальное состояние для человека. Как блудный сын, человек может покинуть этот «дом», но имеет возможность вернуться обратно: **и тако пѣвше пр^АбномѸ сергію молебнаа. і авік в свои оумъ**

прїде, и здравъ восвоаси ѿнде; ѿ оубога^г домѸ оума моего ничесо* имыи (Житие преп. Александра Свирского, XVI в.). бѣшенъ нѣкто не въ своемъ оумѣ мимондын (Житие Андрея Юродивого, XIV в.). в разоумѣ истины прѣти (Житие преп. Антония Сийского, XVI в.).

Выводы.

1. Метафора «вместилища» обращена к внутреннему человеку, к той сфере, в которой осуществлялась его духовная жизнь.

2. Через призму когнитивных метафор «сосуда», «дома» разум в житии осмысливается как духовная (иногда даже сакральная) ценность: здравый смысл имеет высшей задачей оградить от греха.

3. Разум проявляет себя как божественное свойство, через которое Бог открывается человеку как разумное духовное начало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Премудрость в Ветхом Завете / С.С. Аверинцев. – М., 2003. – 215 с.
2. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси / А.И. Клибанов. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 368 с.
3. Осипов А.И. Посмертная жизнь души. Беседы современного богослова / А.И. Осипов. – М. : Даниловский благочестник, 2009. – 128 с.
4. Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.) / [под ред. Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.]. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1999. – 842 с.

УДК81'373.232.1

И.В. Мурадян
Одесса, Украина

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФАМИЛИИ ДУБРОВСКИЙ В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА

Статья посвящена изучению семантических слов, приращения смысла, этимологии и фонетической оформленности антропонима Дубровский из одноименной повести А.С. Пушкина.

Ключевые слова: семантика, имя, антропоним, номинация.

Семантикой антропонимических номинаций в художественном тексте занимались многие ученые, из которых наиболее значительный вклад внесли Ю.А. Карпенко, В.Н. Михайлов, В.А. Никонов, О.И. Фоянкова и др. Значение антропонима в художественном тексте очень велико: оно играет конструктивную и структурно-семиотическую роль в формировании «художественной картины

мира» [1, с. 168].

Каким образом писатель выбирает имена для своих персонажей, какими критериями руководствуется, выделяя из огромного разнообразия общенародной антропонимии нужную номинацию или создавая новую, авторскую, которая входит в произведение и становится частью его языковой и образной ткани? Ответить на этот вопрос сложно, но можно попытаться проникнуть в творческую лабораторию писателя. Это особенно важно при исследовании текстов А.С. Пушкина, так как его мастерство номинации литературных героев оказало влияние на всё последующее развитие русской литературы.

Повесть «Дубровский» в этом аспекте особенно интересна. А.С. Пушкин её не закончил. Сохранился план, из которого явствует, что писатель собирался написать третий том. В черновиках А.С. Пушкина имеется много исправлений собственных имен, что дает возможность проследить, как работал Пушкин над именованиями своих героев.

Фамилию для главного героя автор нашел не сразу. В период работы над «Капитанской дочкой» А.С. Пушкин услышал рассказ П.В. Нащокина о небогатом белорусском дворянине Островском, который в результате судебного процесса потерял имение и стал разбойником. Эта тема увлекла Пушкина, и он стал работать над текстом, назвав главного героя Островским.

Однако А.С. Пушкин не сохранял в своих произведениях реальные фамилии прототипов. Наверно, поэтому в черновиках появилась фамилия Зубровский. Но и эта фамилия тоже не удовлетворила Пушкина. Он выбрал для своего героя фамилию Дубровский, подсказанную, как отмечает Д.Д. Благой, псковскими преданиями о бунте крестьян помещика Дубровского [2, с. 610].

Итак, в процессе работы над повестью для номинации главного героя автор использовал три фамилии: Островский, Зубровский и Дубровский. Следует отметить, что все они обладают социально значимым в описываемую эпоху суффиксом *-ск-*, подчеркивающим принадлежность ее владельца к дворянскому роду [3, с. 209]. Значит, выбор фамилии Дубровский осуществлялся по семантике ее основы.

А.С. Пушкин отрицательно относился к «говорящим» именам типа Вороватин, Взяткин и другим, характерным для классицизма и распространенным в современной А.С. Пушкину литературе. Он давал своим героям фамилии, взятые из реальной жизни или построенные по существующим образцам, но активизирующие свое

значение в условиях контекста. Дубровский – это реальная фамилия, она не обладает никаким прямо характеризующим значением. Всмотримся пристальнее в соотношение семантики ее основы с характером героя, названного этой фамилией, и событиями, происходящими в повести.

Этимология фамилии главного героя (Дубровский) приводит нас к слову *дуброва*, семантика которого в контексте повести обозначает «того, кто разбойничает в дуброве». М.С. Альтман отмечает, что этой фамилией Дубровский обязан своей судьбе, «превратившей его из дворянина и офицера в лесного разбойника». Кроме того, М.С. Альтман пишет, что в литературе пушкинского периода «Дубровский, как и Дубровин, очень частая и типичная «разбойничья» фамилия, связанная с характером и местом их "промысла"» [4, с. 387].

Стремясь усилить семантический потенциал фамилии Дубровский, А.С. Пушкин вводит в текст повести разбойничью песню «Не шуми, мати зеленая дубровушка ...», в которой слово *дубровушка* способствует активизации этого семантического пласта в фамилии Дубровский.

Есть в фамилии Дубровский и другая семантическая соотнесенность: Дубровский – дуброва – дуб. Если человека соотносят с дубом, то подчеркивают такие его черты, как силу, твердость духа, непоколебимость, гордость, достоинство. Все эти черты присущи Андрею Гавриловичу Дубровскому и его сыну Владимиру и как нельзя лучше подчеркнуты их фамилией.

Следует также отметить фонетическое оформление фамилии Дубровский. Фамилия Зубровский также имеет неплохое звучание, но замена фрикативного [з] на взрывной [д] не только меняет семантику основы, но и придает фамилии особую звучность.

Такая семантическая многослойность, активизирующаяся в условиях связи со всем текстом, а также фонетическая оформленность фамилии Дубровский, очевидно, определили её выбор А.С. Пушкиным.

Для главного героя автор выбирает имя, которое для начала XIX в. было довольно редким, – Владимир [5, с. 117]. Это объясняется, видимо, индивидуально-авторским вкусом, поскольку героев с именем Владимир в произведениях А.С. Пушкина довольно много, например, Владимир Ленский, Владимир из повести «Метель», Владимир из «Романа в письмах». Некоторые ученые даже высказывали предположение, что «роковая судьба злополучного жениха или возлюбленного у Пушкина связывалась с именем Владимир» [4,

с. 392].

Интересна вариативность всего именованного главного героя, которую А.С. Пушкин связывает с изменениями, происходящими в его судьбе. В начале повести герой назван просто по имени – Владимир, несколько раз в сочетании с фамилией – Владимир Дубровский, т.к. он сын помещика, а сам еще помещиком не является. Такая номинация встречается в речи его отца (в сочетании с интимно-ласковыми вариантами – Володя и Володенька), а также в речи автора.

Когда же Владимир Дубровский приезжает в деревню и сам, хоть и ненадолго, становится помещиком, то и в речи автора, и в речи крестьян появляется характерное для именованного барина обращение по имени и отчеству: «Владимир Андреевич».

Однако вскоре Владимир теряет все и становится разбойником. Герой попадает в исключительные обстоятельства. «Эта исключительность проявилась в его изображении – ореоле таинственности, маске «благородного разбойника» [6, с. 80]. Резко изменяется его социальное положение. А.С. Пушкин это отражает в изменении формы его именованного. Теперь главный герой как в речи автора, так и в речи других персонажей повести именуется только по фамилии – Дубровский.

Так с помощью разных форм именованного героя А.С. Пушкин довольно тонко показывает изменение его социального статуса.

Таким образом, А.С. Пушкин, выбирая для своего героя реальную фамилию, актуализирует её семантику через развитие сюжета. Как слово в художественном тексте приобретает приращение смысла, так и антропоним реализует свой потенциал через тесную связь со всем художественным целым текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинин В.М. Теория и практика лексикографии поэтонимов / В.М. Калинин. – Донецк, 1999. – 247 с.
2. Благой Д.Д. Комментарий / Д.Д. Благой // Пушкин А.С. Драматургия. Проза. – М. : Правда, 1983. – 623 с.
3. Никонов В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М. : Наука, 1974. – 278 с.
4. Альтман М.С. О собственных именах в произведениях Пушкина / М.С. Альтман // Ученые записки Горьковского ун-та. – Вып. 72. – Т. 1. – Горький, 1964. – С. 377-396.
5. Бондалетов В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
6. Мусий В.Б. История русской литературы первой половины XIX века : учебное пособие / В.Б. Мусий. – Одесса : Астропринт, 2007. – 188 с.

К ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ: АНАЛИЗ ТЕКСТА

Статья посвящена проблеме стиля в историческом аспекте, разрешаемой сквозь призму сложных связей средневековых категорий жанра, нормы, функции и стиля и показанной на примере конкретных текстов среднерусских житий.

Ключевые слова: *реально-вещное, сущностно-содержательное начала, сакральные и профанные языковые средства, гиперкорректные формы.*

Труд В.В. Виноградова «О языке художественной прозы» продолжает оставаться классическим по вопросу о принципах исторической стилистики. По мнению ученого, в исследовательской процедуре следует выделять три «стилистики»: стилистику языковых средств, стилистику текста (речи) и стилистику художественной речи. В.В. Виноградов еще не выделяет «функциональную стилистику» (стили в отношении их друг к другу), но вплотную к ней подходит. Принципы отбора словесных средств в процессе анализа каждого текста, по В.В. Виноградову, следующие: *символика* – система авторских символов и способы их эстетического преобразования (эвфония, ритм, формулы, цитаты и т.д.) и *композиция* (или *синтактика*) – принципы расположения слов, их организации в синтагме, их единство, принципы организации текста [1, с. 12]. Первый принцип касается предмета и объекта исторической стилистики, второй – метода анализа стилистических единиц.

От средневековья не дошло авторской рефлексии по поводу стиля. Это одна из самых спорных категорий в истории русского литературного языка. Полемизируя с Л.С. Ковтун, Н.И. Толстой считает, что оперирование термином «церковнославянский язык» снимает проблему стиля, тогда как «известно постоянное стремление восточных славян к расширению границ церковнославянского языка за рамки церковных текстов до границ средневекового литературного языка» (цит. по: [2, с. 55]).

Противоречивость в истолковании средневекового текста с точки зрения стиля, свойственная современной научной рефлексии, вызвана исходной синкретичностью категорий *функция – жанр* –

текст – стиль – язык – семантика. Жанр, стиль, функция - взаимосвязанные формы воплощения языка в тексте, которые могут быть определены друг через друга.

Отсутствие прямой зависимости жанра от стиля (что произошло в XVIII в.), стиля от языка (XIX в.), слитность этих категорий в реальной литературной практике отличает средневековое понятие стиля от понятия стиля нового времени. Однако есть принципиальное специфическое свойство стиля, некорректируемое временем: *стиль* есть правило выбора языковых единиц из нескольких вариантов, функционально важных и существенных. Одновременно этот выбор проявляет себя в пределах *текста*, поскольку *стиль* является функционально организованным текстом. *Жанр* как форма выражения также функционально организованный текст, поэтому стиль маркирован принципом выбора.

В средневековом тексте отражен результат выбора, варианты же, составляющие фон для эксплицированного, восстанавливаются исследователем из сведений о *системе языка* в его книжной и разговорной разновидностях. В русле обозначенной проблемы понятие сущностную природу языковых предпочтений позволяет обращение к жанру жития, функция которого состоит в синтезе конкретного и отвлеченного, вещественного и идеального. Осуществление подобного синтеза в пределах текста нарушает исходное дополнительное распределение языковых средств по сферам употребления, ибо отвлеченное не всегда соотносилось с сакральным, а конкретное – с профанным.

Тем не менее, не всякий открытый текст «анфиладного» типа разрушает исходное распределение архаически-высоких и народно-разговорных средств. Так, в «Домострое» эти средства хотя и объединены в рамках текста, но распределены четко по главам, регламентирующим, с одной стороны, бытовую сферу жизни человека, с другой – нравственно-религиозную. Однако дополнительная дистрибуция языковых средств, соответствующая двум уровням изложения – реально-вещному и сущностно-содержательному, входит в противоречие с трехуровневой моделью текста «Домостроя» (*духовное строение – мирское строение – домовное строение*). Средний уровень – светскую сферу человеческой жизни, отношения, т.е. нравственно-этическое начало, - автор соотносит аналогично религиозной сфере с книжными средствами выражения.

В житии соответствие мировосприятия и его отражения в языке и стиле нарушалось еще и совпадением сакрального и светского миров, возникавшего в реальной религиозной практике святого.

Следовательно, особую проблему житийного стиля составляет отношение агиографов к так называемым «бытовизмам» (по определению самих авторов, «простой речи»), отражающим жизненные реалии: предметы быта (еда, одежда), явления природы, недуги и т.д. Специфика в видении задач жития как текста (формы выражения святости) определяла наличие или отсутствие этих признаков «вещного» мира в житийном дискурсе, а при их наличии – функцию в выражении того или иного понятия. Обиходные слова выражают существенный признак понятия, обозначенного семантически родовой лексемой: множество *рыбъ ихже мѣстная речь сиужкы обыче нарицати*. Видовое обозначение идентифицирует данное понятие, поэтому лексемы, принадлежащие разным сферам бытования, в тексте соотнесены как единицы одной языковой и стилистической системы.

Желание выразить вещественное, земное содержание средствами абстрактными создавало противоречие между функцией и системой, разрешавшееся на лексико-словообразовательном уровне в неологизмах – своеобразных гиперцерковнославянизмах. Характерно, что наибольшее количество окказионально усложненных форм выделяется в житиях именно на уровне словообразования – одного из важнейших факторов стилистической организации текстов. Словообразовательный «взрыв» является специфической чертой XVI в. В сакральных текстах этот «взрыв» реализовался как средство абстрагирования повествования (и одновременно интенсификации семантики) и как результат абстрагирования – способ создания стилистически маркированных языковых единиц.

Обновление различных аффиксов, употребление их в новых значениях, рожденных из соединения семантически различных суффиксов в одном слове, является причиной создания авторами гиперкорректных образований – формально усложненных вариантов для нейтральных книжных (*труд – потруждение, любви – любление*).

Сакральная идея жанра и гипертрофированная форма совпали в идее высокого стиля в тексте жития, открытом для подобных динамических процессов в языке. Семантика рода шире семантики вида по объему, но уже по содержанию, поэтому разработка признаков сакральной идеи в специфических средствах выражения святости приводила к появлению в текстах необычных, внесистемных форм, рефлекслируемых современным сознанием как риторические, искусственные. Использование существующих в системе книжного языка моделей и их словообразовательной семантики, синтезированной в пределах слова, представлено в гиперкорректной форме (*съподружебьникъ*), не зафиксированной в исторических словарях.

Форма демонстрирует усиление аффиксами грамматической семантики комитативности в корневой морфеме, лексическое значение которой само по себе передает совместное действие.

Генетически подобные новообразования не являются ни архаизмами, ни церковнославянизмами – это текстовые (дискурсивные) элементы, в функциональном отношении выступающие в качестве средства создания отвлеченности смысла.

В понимании и истолковании языковых предпочтений важное значение имеет также редактирование и созданные на разных его этапах тексты. Выбор вариантов при редактировании «материализован», поэтому позволяет делать более определенные выводы о сущности авторской работы с текстом и о скорректированной временем природе стилистического с точки зрения функционально-семантической, с одной стороны, и ментальной, – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
2. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык / В.В. Колесов. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1989. – 296 с.

УДК 81.02

Е.Н. Сидоренко
Симферополь, Украина

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ В РОЛИ КАТЕГОРИЗАТОРОВ ЯЗЫКОВЫХ СМЫСЛОВ

В статье рассматривается количественный и качественный состав местоимений, выполняющих роль категоризаторов языковых смыслов.

Ключевые слова: языковой смысл, категоризатор языкового смысла, вопросительное местоимение, ономаσιологическая единица, единица именованя.

Местоимения (или прономинативы) издавна привлекали к себе внимание языковедов (см., например, работы С.Ф. Самойленко, М.В. Фёдоровой, В.Н. Мигирина, Л.А. Киселёвой, Л.Я. Маловицкого, К.Е. Майтинской, М.И. Откупщиковой, Е.М. Вольф, Ю.В. Большой, О.П. Ермаковой, О.Н. Селиверстовой, О.В. Петровой и др.), но в настоящее время они рассматриваются не только как лексические единицы именованя с прономинальным способом отображения действительности, но и как особое средство (категоризатор)

разграничения языковых смыслов.

Теорию языковых смыслов в современном её варианте предложила Н.Ю. Шведова [3; 4]. По её мнению, языковой смысл – «это самое общее понятие, первично обозначенное местоименным исходом ... и материализуемое при помощи таких разноуровневых языковых единиц, семантика (языковое значение) которых включает в себя соответствующее понятие и объединяет все эти единицы в некое семантическое множество» [3, с. 32].

В нашем представлении языковой смысл – это самое общее, универсальное понятие, выраженное системой разноуровневых ономаσιологических единиц, объединённых в семантическое целое, и категоризируемое одним или несколькими вопросительными местоимениями (а в случае их отсутствия – соответствующими функциональными заместителями) (подробнее об этом см. в работе [2]).

Одним из важнейших достижений теории языковых смыслов является рассмотрение местоимений (в широком понимании этого термина) в качестве категоризаторов языковых смыслов. К сожалению, Н.Ю. Шведова не назвала количественный состав языковых смыслов, а представленная ею система местоименных категоризаторов нуждается в значительной корректировке.

Цель настоящей статьи – уточнить понятие «категоризатор языкового смысла»; определить объём прономинальной лексики, выполняющей роль категоризатора, и – соответственно – количество и содержание языковых смыслов в русском языке.

Местоименный категоризатор мы рассматриваем как один из важнейших дифференциальных признаков языкового смысла. Кроме него, мы выделяем такие дифференциальные признаки, как ономаσιологический характер определённого понятийного содержания, рассмотрение его в направлении от значения к средствам выражения; наличие у него собственного, индивидуального категориального (обобщённого лексико-грамматического) значения; универсальный характер представления в разных языках, всеобщность и др.

Н.Ю. Шведова и Ю.Л. Воротников относят к местоименным категоризаторам все прономинативы разных семантических разрядов. Правда, Н.Ю. Шведова в системе местоимений выделяет две группы: 1) вопросительные, в которых функция указания совмещается с функцией «обозначения глобальных понятий бытия» и 2) местоимения, «модифицирующие смыслы». Первую группу местоимений автор называет «исходными» и обращает внимание на их роль в именовании «общей языковой смысловой категории». «Двусторонность местоимения как слова, означающего, с одной стороны, поня-

тие и, с другой стороны, ту ступень, на которой находится соответствующее знание, придаёт этому слову качество смыслового и схода, на котором базируются смысловые категории языка» [4, с. 11]. Но в целом автор не даёт точного перечня местоименных категоризаторов, что дало повод Ю.Л. Воротникову говорить о выделении в работах Н.Ю. Шведовой более двух десятков языковых смыслов. С этим нельзя согласиться по следующим причинам.

1. По нашему мнению, в роли категоризаторов языковых смыслов выступают прежде всего **вопросительные** прономинативы как семантический разряд, в наиболее чистом виде выражающий содержание языкового смысла. Другие семантические разряды прономинальной лексики (указательный, неопределённый, обобщающе-выделительный, отрицательный) затемняют содержание языкового смысла из-за дополнительного наложения разрядовой семантики.

2. В роли категоризаторов языковых смыслов выступают вопросительные местоимения в **основном** значении. Например, вопросительное местоимение *что* имеет основное значение вопроса о предмете (**Что** ты читаешь?) и омонимичные формы со значением вопроса о причине (**Что** ты грустишь?), цели (**Чего** пожаловал?), о мотивации, совмещающей значения причины и цели (**Что** ты так долго стучишь?), о состоянии живого существа, положении дел (**Что** больная, выздоравливает?), о качественной характеристике предмета (*Ну что* твой новый компьютер, нравится?). Некоторые из этих форм имеют разговорный характер; в просторечии возможен вопрос *что?* о стоимости чего-либо (**Что** стоит эта шуба?). В роли категоризатора языкового смысла «предметность» используется *что?* в значении вопроса о предмете. Это местоимение должно быть стилистически нейтральным, активно используемым в современной речи, поэтому недопустимо использование в роли категоризаторов языковых смыслов (как и учебно-исследовательских вопросов по отношению к частям речи) таких вопросов, как *что?* в значении вопроса о стоимости и под.

3. Языковой смысл может иметь не один категоризатор, а два или три, например: *кто?*, *что?* – у языкового смысла «предметность»; *какой?*, *чей?*, *какой?* – у языкового смысла «признак предмета» и т.д., хотя возможно использование и одного вопросительного местоимения, например, *когда?* при выражении языкового смысла «время», *зачем?* – цели и т.д. При наличии двух или трёх местоименных категоризаторов массив ономаσιологических средств его выражения (как синтетических – словных, так и расчленённых: предложно-падежных форм; словосочетаний особого типа, эквивалентных слову;

лексий; фразовых номинантов) соответственно объединяется вокруг одного из категоризаторов. Каждый такой массив является частью целого, а единицы именованья, составляющие его, могут быть рассмотрены как гипонимы по отношению к языковому смыслу в целом.

Такой подход позволил нам выделить 13 языковых смыслов: 1) предметность, 2) признак предмета, 3) количество и число, 4) процесс, 5) качественную характеристику процесса, признак, способ и образ действия, 6) меру и степень, 7) пространство (место и направление), 8) время, 9) причину и следствие, 10) цель, 11) условие, 12) уступку, 13) состояние [2, с. 12].

В лингвистической литературе отсутствует описание ономаσιологических средств, обслуживающих каждый языковой смысл, степени конкурентоспособности разных видов именованья, правил их выбора. Изучение их чрезвычайно актуально и даёт богатый материал для понимания работы механизма языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воротников Ю.Л. Местоимения как «языковые категоризаторы» / Ю.Л. Воротников // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 42–49.
2. Сидоренко Е.Н. Языковые смыслы и ономаσιологические средства их выражения: научное издание / Е.Н. Сидоренко. – Симферополь : Крымчпедгиз, 2008. – 128 с.
3. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл (Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства) : научное издание / Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998. – 176 с.
4. Шведова Н.Ю. Система местоимений как исход смыслового строения и его смысловых категорий : научное издание / Н.Ю. Шведова, А.С. Белоусова ; Российская академия наук. Отделение литературы и языка. Институт русского языка РАН. – М. : Институт русского языка РАН, 1995. – 120 с.

УДК 81.373

Р.Я. Токмеджи
Симферополь, Украина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА КАК ЕДИНИЦЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

В статье рассмотрены гнезда с формальной и семантической структурой, определяющиеся особенностями их структурных элементов – словообразовательных парадигм, словообразовательных це-

почек, а также словообразовательных типов.

Ключевые слова: *словообразовательное гнездо, типовая парадигма, словообразовательные цепочки, словообразовательный тип.*

Среди лингвистов нет единого мнения об основной единице системы словообразования. В качестве такой единицы выдвигают производное слово, словообразовательный тип, формант, словообразовательное гнездо. По мнению А.Н. Тихонова, «основной объект словообразования - производное слово», однако оно не является основной единицей синхронной системы словообразования. Каждое конкретное производное слово – это, прежде всего, единица словаря, лексическая единица; оно входит в систему словообразования, лежит в основе этой системы, но не обладает системообразующим свойством. Производное слово участвует в системной организации словообразования лишь в составе словообразовательного типа, являясь его элементом.

Словообразовательный тип (далее - СТ) - основная единица синхронной системы словообразования, выступающая в системообразующей функции» [2, с. 3].

СТ представляет собой комплексную единицу, которая объединяет производные слова

- а) созданные на базе образующих основ, которые относятся к одной и той же части речи;
- б) имеющие один и тот же формант (относящиеся к одному и тому же способу словообразования);
- в) обладающие одним и тем же словообразовательным значением.

СТ представляет собой совокупность словообразовательных пар. Например, один СТ образуют глаголы *лететь - вылететь, плыть - выплыть, идти - выйти, ползти - выползти, бежать - выбежать*, которые имеют одно и то же словообразовательное значение, выражаемое одним и тем же формантом – префиксом **вы-**.

Другой СТ составляют словообразовательные пары *лепить - вылепить, тачать - вытачать, ткать - выткать* и т.п.; формант – префикс **вы-**.

Третий тип образуют глаголы *лететь - прилететь, бежать - прибежать, нести - принести, гнать - пригнать* и т.п.; формант – префикс **при-**.

СТ функционируют в пределах частей речи. Совокупность СТ той или иной части речи составляет ее словообразовательную систему (подсистему). Совокупность СТ всех частей речи в их взаимосвязи и взаимодействии образует первую подсистему русского

словообразования.

СТ выступают преимущественно как аффиксальные общности, поскольку аффиксы – это главное средство выражения словообразовательного значения. К ним примыкают сложения и сложносокращенные слова. Сложные слова, оформленные с помощью интерфиксов, легко могут быть истолкованы как аффиксальные общности, это также касается сложений с нулевым интерфиксом.

Аффиксальные общности противопоставлены корневым общностям словообразовательной системы - словообразовательным гнездам (далее - СГ), которые составляют вторую подсистему русского словообразования.

Как и СТ, СГ формируются в пределах частей речи, поэтому принято различать СГ имен существительных, имен прилагательных, имен числительных, местоимений, глаголов, наречий, междометий и звукоподражаний. Части речи возглавляют СГ и, стало быть, определяют их семантическую и формальную структуру.

Следовательно, морфология как бы опекает систему словообразования: «Обе подсистемы взаимосвязаны и лишь вместе образуют целостную систему словообразования русского языка. Они не являются двумя разными частями одного целого, а представляют систему в разных ее сечениях, в двух разрезах. В одно целое связывает их словообразовательный тип, который как составная часть входит во все комплексные единицы словообразовательного уровня языка» [2, с. 5].

В Грамматике-80 сделана попытка определения системы русского словообразования: «Под словообразовательной системой понимается совокупность словообразовательных типов языка в их взаимодействии, а также совокупность словообразовательных гнезд» [1, с. 137]. Как мы видим, в основу определения положены две различные единицы системы словообразования, однако авторы не соотносят их, не определяют их место в системе и не выявляют их системных показателей.

В Грамматике-80 читаем: «Основной единицей классификации словообразовательной системы является словообразовательный тип. Это схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся: а) общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении (морфема или др. словообразовательные средства)» [1, с. 135]. В трактовке авторов «словообразовательное гнездо – это совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченная в соответ-

ствии с отношениями словообразовательной мотивации. Вершиной (исходным словом) гнезда является немотивированное слово. Гнездо может быть определено и как совокупность словообразовательных цепочек, имеющих одно и то же исходное слово» [1, с. 134].

Сами по себе эти определения не вызывают возражений. Главный недостаток в их трактовке – несоординированность их как двух частей одного целого. Не показано, каким образом они выступают как элементы единой системы словообразования, как взаимосвязаны, как взаимодействуют. Авторы фактически различают три единицы системы словообразования: словообразовательный тип, словообразовательное гнездо, словообразовательную цепочку. Последняя пристроена к гнезду, но ее место в системной организации словообразования никак не раскрыто.

На наш взгляд, в построении системы русского словообразования участвуют все словообразовательные единицы: словообразовательные типы, словообразовательные категории, словообразовательные ряды, словообразовательные гнезда, словообразовательные цепочки, словообразовательные парадигмы.

Словообразовательные типы, категории, ряды как комплексные единицы словообразования строятся на базе словообразовательных пар, которые они обобщают, объединяют по определенным признакам. По общности деривационного значения словообразовательные типы объединяются в словообразовательные категории.

Так, имена качества образуют словообразовательную категорию на базе суффиксальных слов на *-ость*, *-изн(а)*, *-от(а)*, *-ев(а)* и др.: *редкость*, *белизна*, *чернота*, *синева*, *рыжесть*, *темнота*, *голубизна*, *краснота* и др.

Имена действия объединяют существительные с суффиксами *-ниј* (*е*), *-тиј* (*е*), *-к(а)*, *-б(а)*, *-еж*, *-ств(о)*, *-ациј(а)*, *-н(я)*, *-ок* и др., например: *пение*, *чтение*, *слушание*; *взятие*, *открытие*, *закрытие*, *прибытие*; *стрельба*, *косьба*, *пальба*; *рубка*, *колка*, *резка*; *грабеж*, *галдеж*, *кутеж*, *дележ*; *строительство*, *баловство*, *бегство*; *резня*, *беготня*, *возня*; *спекуляция*, *организация* (соревнований), *реорганизация*, *популяризация*, *реализация* (товара); *бросок*, *толчок*, *кувырок*, *прыжок* и т.п.

Под словообразовательным рядом понимают конечное множество словообразовательных структур, характеризующихся тождеством последнего деривационного шага: *беление*, *сушение*, *чернение*, *золочение*, *проветривание*, *подделывание*, *обслуживание*, *огрубление*, *ослабление*, *омоложение*, *оздоровление*, *выкачивание* и т.п.

Словообразовательный тип, словообразовательная категория,

словообразовательный ряд – это объединения по семантической общности формантов. Они противопоставлены объединениям по общности корней – словообразовательным гнездам.

Таким образом, в системной организации русского словообразования участвуют все типы аффиксов (формантов) и корни – в разных комбинациях, сочетаниях, в составе разных единиц словообразовательной системы. При этом они не только соприкасаются, но и активно взаимодействуют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика : в 2 т. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М. : Наука, 1980. – 784 с.
2. Тихонов А.Н. Проблемы изучения комплексных единиц системы словообразования / А.Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1982. – С. 3–19.

УДК 812.161.1'06:812.161.1'04

Л.М. Устюгова
Ужгород, Украина

СЛОВА С ПРАСЛАВЯНСКИМ КОРНЕМ *-SERD- В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СТРУКТУРА КОРНЕЙ

*Проанализированы основные средства пополнения корпуса лексем с праславянским корнем *-serd- в истории русского языка. Главным из этих средств автор считает использование старославянского неполногласного корня в русском словообразовании, а также при калькировании западноевропейских слов. Абстрактный характер значения корня *-serd- способствовал возникновению в русском языке 11-ти разновидностей данной морфемы.*

Ключевые слова: *праславянский корень, полногласные и неполногласные сочетания, калькирование, опрощение.*

1. Известно, что наличие этимологически соотносительных гетерогенных слов и морфем, различающихся такими признаками, как рефлексy *tj и *dj, полногласные/неполногласные сочетания, начальные гласные и др., является одним из показателей старо- и церковнославянского влияния на русский язык. В сравнительно большом корпусе русских слов с праславянским корнем *-serd- (всего 173 единицы) лексемы с заимствованным неполногласным корнем составляют свыше 88% (153 слова). Поскольку в каждой па-

ре этимологически соотносительных слов с праславянскими корнями, включающими сочетания ‘гласный полного образования + плавный’, имеются свои особенности развития, в нашем сообщении основное внимание уделяется определению своеобразия механизмов включения слов с неполногласными разновидностями корня **-serd-* в русский литературный язык.

2. По нашим наблюдениям, одной из наиболее характерных особенностей слов с корнями *-сред-/-серед-* является отсутствие их чёткой стилистической противопоставленности. Например, в Лаврентьевском списке «Повести временных лет» преобладают слова с полногласными корнями (*среда в земле мои, середнии тѣломъ*), в то время как в других списках памятника им соответствуют слова с неполногласием [5, с. 242]. Соотносительные лексемы с корнями *-серед-/-сред-* зафиксированы в Успенском сборнике XII–XIII вв. и в других древнерусских памятниках. Отсутствие чёткой стилистической противопоставленности наблюдалось вплоть до XIX в., в том числе и в языке А.С. Пушкина, и частично сохраняется в современном русском языке. В БАС, например, наряду с нормативными *среда 1, середина, средний, среди* даются устаревшие и просторечные слова *среда 1, середина, середний, среди*, встречающиеся в художественной литературе [БАС, т. 14].

3. Другая особенность анализируемой группы слов заключается в том, что специфика значения праславянского корня **-serd-* в целом не претерпела значительных трансформаций. При сравнительно большом количестве гомоморфных лексических полей (групп слов, объединённых одной морфемой, в данном случае – корнем), все они сохраняют сему ‘находящийся между чем-то’.

4. Исходным словом для лексем с корнем **-serd-* является праславянское **serda*, которое в языке восточных славян преобразовалось в *среда*, а в южнославянской зоне – в *срѣда*. В древнерусском литературном языке были представлены и полногласный, и неполногласный варианты этого слова, причём полногласная лексема *среда* по значению полностью совпадала со старославянским существительным *срѣда*, а неполногласное слово *среда* в древнерусском языке имело больший объём значения, чем старославянское *срѣда*. И в старославянском, и в древнерусском языках слово *среда* совмещало такие значения, как ‘день недели’ и ‘группа людей’ [7, вып. 38, с. 153–154]. К концу XIX в. происходит разделение некогда единого слова на омонимы *среда 1* (‘день недели’) и *среда* ‘группа людей’ (*буржуазная среда, среда заедает*), отразившее

влияние французского *milien* и в известной степени являющееся его семантической калькой [4, с. 341, 345]. По мнению М. Фасмера, значение ‘средний день недели’, славянское слово, имевшее древнее название ‘день Вотана’, получило в порядке калькирования д.-в.-н. *mittawëcha* ‘среда’ [6, т. 3, с. 607].

5. Прилагательное *средний* и в старославянском, и в древнерусском языках сохранило связь с мотивирующим существительным *среда*. В современном русском языке оно образует самостоятельное гомоморфное лексическое поле (далее ГМЛП), включающее 84 слова. Компонентами данного поля являются преимущественно сложные прилагательные, соотносящиеся с 1-м (*среднерусский*), 2-м (*средневозрастной*) и 3-м (*среднесуточный*) значениями исходного слова. Указанное ГМЛП в русском языке активно пополняется новообразованиями, чаще всего отражающими 2-е значение прилагательного *средний* (‘промежуточный по своим свойствам, признакам и т.д.’): *средневес*, *среднеотраслевой*, *среднеразвитый*, *среднеустойчивый* и др.

6. ГМЛП с исходным словом *среди* не выделялось ни в старославянском, ни в древнерусском языках, т.к. предлоги *среди* и *посреди* являются застывшими формами местного падежа существительного *среда*. В современном русском языке эта связь утрачена, поэтому предлог *среди* образует самостоятельное ГМЛП. Поскольку предлоги и приставки связаны генетическим родством, к ГМЛП предлога *среди* примыкают образования с приставкой *среди-* (*Средиземное море* и производные).

7. Весьма компактным в смысловом и структурном отношении является ГМЛП с центром *посредник*. У компонентов этого поля преобладает значение ‘содействие в осуществлении связей, общения между кем-либо’, которое представлено и в древнерусском языке, однако в тот период оно не было основным ни у одного из слов с корнем **-serd-*. Поэтому для древнерусского и старославянского языков самостоятельное ГМЛП с таким значением мы не выделяем.

8. Основное значение ГМЛП с исходным словом *посредственный 1* – ‘невысокого качества, заурядный, средний’. Для этого поля не характерно значение ‘совершающийся через посредство чего-либо, промежуточный’ (ср. *посредственный 2*). В данном поле всего три компонента, причём значение лица у лексемы *посредственность*, по мнению В.В. Виноградова, возникло под влиянием французского языка, поскольку переход от значения отвлечённости к значению лица почти не свойствен современному русскому языку

[1, с. 83].

9. ГМЛП с центром *посредство* представляет значительные трудности для анализа, т.к., с одной стороны, исходное существительное имеет помету ‘устаревшее’ и приравнивается по своему значению к существительному *посредничество*, а с другой – через существительное *посредство* дается толкование философских терминов *опосредствованный / опосредствовать*. Анализ иллюстративного материала в БАС показывает семантическую связь существительного *посредство* и с лексемой *посредничество*, и с лексемой *средство*, что даёт основания для выделения самостоятельного ГМЛП с центром *посредство*. Первая фиксация существительного *посредство* относится к XVII в. И хотя в древнерусском языке это слово имело несколько значений, иллюстративный материал к нему в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» даётся в основном из переводных памятников [2, вып. 17, с. 221–223], что указывает на возможность семантического калькирования лексемы *посредство*.

10. Передавая идею расположения внутри чего-то, праславянский корень **-serd-* имел весьма обобщённое значение. Вариант этого корня **-sьrd-* представлен в лексемах с конкретным значением (*сердце, сердцевина*). В производных же с корнем **-serd-* исходное обобщённое значение только в отдельных случаях приобретало черты конкретизации (*среда/среда* – ‘день недели’) В большинстве же случаев лексемы с этим корнем имели абстрактные значения. Пределом такой абстрагированности значения является возникновение предлогов *среди/серед*.

11. Основной причиной преобладания в русском языке слов с неполногласными разновидностями корня **-serd-* можно считать абстрактный характер его значения. Это вполне соответствует характерной для русского литературного языка тенденции к использованию старославянских лексических и словообразовательных средств для передачи абстрактного значения. Специализация значений способствовала изменению структуры корня, который претерпевал процесс опрощения, присоединения к себе приставки и суффикса. В результате этого в современном русском языке возникли следующие разновидности корня **-serd-*: *сред-*, *средн-*, *среди-*, *средин-*, *посредник-*, *средств-*, *посредств-*, *посредственн-*, *непосредственн-*, *серед-*, *серёdk-*, *середняк-*, *середин-* (всего 11).

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексико-

- графия. – М. : Наука, 1977. – С. 69–94.
2. Словарь русского языка XI–XVII в. – Вып. 1–21. – М. : Наука, 1975–1995.
 3. Словарь современного русского литературного языка : в 17-ти т. – М. ; Л., 1948–1965 [БАС].
 4. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е годы XIX века / Ю.С. Сорокин. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 565 с.
 5. Устюгова Л.М. Характер различий в использовании книжнославянизмов и соотносительных русизмов в основных списках «Повести временных лет» (к проблеме становления норм русского литературного языка) : дис. ... канд. филол. наук / Л.М. Устюгова. – М., 1974. – 267 с.
 6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. – М. : Прогресс, 1964, 1967, 1971, 1973.
 7. Slovník jazyka staroslověnského: Lexicon linguae palaeoslovenicae. – Vyd. 1-50. – Praha : Academia, 1958-1999.

УДК 81'367.633:81'367.6:81'373.611

Е.В. Цымбалюк
Симферополь, Украина

СЕМАНТИКА ОМОНИМИЧНЫХ ПРЕДЛОГОВ- ПРЕФИКСОВ: ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ

Исследование посвящено проблеме функционального перехода первообразного предлога в префиксальную морфему. Предлагается метод семантического анализа группы первообразных предлогов в составе свободных сочетаний с однозначными словами.

Ключевые слова: первообразный предлог, префикс, межъязычные функциональные омонимы, морфологическое сочетание.

В восточнославянских языках большая часть древнейших префиксов была образована путем перехода группы первообразных предлогов в систему морфем. Проблема существования функциональной омонимии «предлог – приставка» связана, прежде всего, с вопросом определения языкового статуса данных единиц. В современной лингвистике существует две концепции языковой природы первообразных предлогов: 1) слова («служебные», обладающие лексической неполнотой [3], или «самостоятельные», вербиального или адвербиального происхождения [2]) и 2) «синтаксические морфемы» [1].

Классификация предлогов как слов поддерживает идею межъязычной трансформации лексемы в морфему. Именно межъ-

русная переходность, в основе которой лежат диахронные преобразования, составляет главный интерес современной трансформационной лингвистики и определяет актуальность данного исследования.

Во второй половине XX в. в связи с возникновением в учении функционального языкознания теории ономазиологии единицей номинации стали признаваться не только слова, но и их сочетания, представляющие собой разъединенное выражение одного языкового смысла [4]. Начали разрабатываться термины **морфологическое сочетание** – «сочетание служебного слова со знаменательным» [4, с. 42], и **деривационное сочетание** – «такое морфологическое сочетание, в котором служебное слово представляет собой коррелят реляционного аффикса» [4, с. 49]. При этом основной особенностью деривационных сочетаний называлась способность иметь расчлененную, аналитическую форму либо синтезироваться.

В качестве единицы нашего исследования были взяты морфологические сочетания «префиксальный глагол + предлог» и «предлог + имя существительное».

В результате изучения семем первообразных предлогов-префиксов, актуализированных в первом тексте «Летописной книги» С.И. Шаховского [5], нами были выделены следующие модели морфологических сочетаний.

I. Модель дублирования предлогом всех семем префикса глагола (случаи тавтологического повтора предлога и префикса): *нападе страх ... на вся люди* (158-9), *отиде от ... худыхъ градовъ* (28), *собрався со князми и з боляры* (148).

II. Модель семантической эквивалентности предлога и префикса глагола (случаи синонимии лексико-семантических вариантов предлога и префикса): *к нькоему городку ... прииде* (176-7), *царский вльнецъ возложил на главу свою* (126-7), *от их ... супружества изыде муж великославен* (6-7) и др.

III. Модель конкретизации предлогом объектной семантики префикса глагола: *погребень бысть ... в пречестномъ храме* (112-4), *послал ... под ... Псковъ послов* (46-7), *собрашась вся воинства в сонмъ едину* (189) и др.

IV. Модель окказиональной конкретизации предлогом антонимичного префикса глагола: *великий князь оттоиде к Богу* (53-4), *отведоша ... на утльшение* (94-5), *уклони мысль свою на крестьяньское убиение* (44-5) и др.

V. Модель именной, адвербиальной или вербиальной лексикой, образованная на базе сочетания предлога с бесприставочным словом: *вслхъ людей подрученны себь учини* (85) – *окрестныя госу-*

дарства ... **под** свою ... **руку поручил** (15-16), **достиже** совершенного мужеска возраста (13) [стежити до (чего?)], онъ же **испусти** слезы пред народом (127-8) [пустить из (кого?)] и др.

В ходе исследования было доказано, что морфологические сочетания в русском языке XVII в. могли иметь два пути конденсации в префиксальное слово:

- 1) в соединении предлога с глаголом – посредством сращения, при котором предлог в производном глаголе выполнял роль агглютинативного аффикса, сохраняя семантику расчлененного сочетания и приобретая дополнительное значение результативности (например, *стежити до* (чего) - *достежити* / *достигнуть* (чего); *колоть за* (что) – *заколоть*);
- 2) вследствие префиксально-суффиксального способа словообразования отыменных частей речи, при котором новое слово – это результат соединения предлога с основой существительного и категориального суффикса производной лексико-грамматической единицы (например, *под властью* – *подвластный*; [*поручить*] *под руку* – *подрученный*; *у сердца* – *усердный*).

При анализе расчлененных морфологических сочетаний было установлено, что их смыслы формировались в зависимости от семантики входящих в их состав предлогов. Ярким примером данного положения служат сочетания, предлог которых выступает конкретизатором антонимичного префикса глагола. Так, в единицах *отойти к*, *отвести на* и *уклонити на* предлог замещает префиксальную семантику движения от ориентира собственным значением направления к нему.

При изучении эквивалентных расчлененных и синтетических морфологических сочетаний было отмечено, что предлог в них управляет семантикой глагола. Так, сопоставление сочетаний *быть при* – *прибыть*, *быть у* – *убыть* выявило, что предлог, переходя в префиксальную морфему и приобретая сему результативности, переводит глагол статики в разряд глаголов динамического действия по наличию в самой результативной семантике значения достижения определенной цели. Обратный анализ подобных сочетаний – от синтетического типа к аналитическому – показал, что такие префиксальные глаголы движения, как *прийти*, *прибежать*, в своем расчлененном типе *идти при*, *бежать при* аннулируют сему направления к ориентиру, обладая идеей постоянной близости к нему во время производимого пути. Значение приближения к ориентиру расчлененным сочетанием могло быть выражено через глагол бытия *стать*, обладающий значением достижения цели: *стать при*. Та-

ким образом, предлог, переходя в приставку, мог не только изменять семантику глагола, но и требовать его замены в целом. Из чего следует вывод, что в сочетании со связочными глаголами и глаголами движения не предлог являлся показателем вида глагола, а глагол указывал на статичное или динамичное выражение пространственной семантики предлога.

Результатом нашего исследования стали выводы о способности предлога образовывать словосочетание, обладающее потенциальной языковой возможностью конденсации в префиксальное слово, а также о формировании смыслов таких сочетаний в зависимости от семантики первообразных предлогов, входящих в их состав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) : [учебное пособие для вузов по специальности «Русский язык и литература»] / В.В. Виноградов. – 3-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 1986. – 559 с.
2. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е.С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.
3. Лукин М.Ф. Морфология современного русского языка : [пособие для студентов-заочников факультетов русского языка и литературы педагогических институтов] / М.Ф. Лукин. – М. : Просвещение, 1973. – 120 с.
4. Никитевич В.М. Словообразование и деривационная грамматика : [спецкурс по общему языкознанию для студентов-филологов] / В.М. Никитевич. – Алма-Ата : КазГУ, 1978. – 64 с.
5. Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII вв. / сост. и общ. ред. Л. Дмитриев и Д. Лихачев. – М. : Художественная литература, 1987. – 616 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алиева Васфие Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Андрейченко Оксана Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Арделян Елена Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, докторант кафедры перевода и общего языкознания Кировоградского государственного педагогического университета имени Владимира Винниченка (г. Кировоград).

Бессонова Людмила Ефимовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Блюмина Ольга Валентиновна – аспирант кафедры языкознания и русского языка Горловского государственного педагогического института иностранных языков (г. Горловка).

Буянова Людмила Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета (г. Краснодар).

Валева Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета (г. Краснодар).

Высоцкая Татьяна Николаевна – старший преподаватель кафедры перевода Днепропетровского национального горного университета (г. Днепропетровск).

Габидуллина Алла Рашиатовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой языкознания и русского языка Горловского педагогического института иностранных языков (г. Горловка).

Гадомский Александр Казимирович кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Гафарова Ранетта Исметовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет» (г. Симферополь).

Гукова Лина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета им. И.И. Мечникова (г. Одесса).

Евраева Светлана Валериевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общего и русского языкознания Днепропетровского национального университета им. О. Гончара (г. Днепропетровск).

Жуйкова Маргарита Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики Волынского национального университета им. Леси Украинки (г. Луцк).

Загороднева Екатерина Владимировна – старший преподаватель кафедры теории и практики французского языка ГОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет», соискатель кафедры лексикологии и стилистики французского языка Московского государственного лингвистического университета (г. Липецк).

Иванова Наталья Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета им. И.И. Мечникова (г. Одесса).

Калугина Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет» (г. Симферополь).

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета (г. Волгоград).

Козинец Сергей Борисович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования Саратовского института повышения квалификации и переподготовки работников образования (г. Саратов).

Кондрашева Ольга Васильевна – старший преподаватель кафедры украинского и иностранных языков Днепропетровского регионального института государственного управления Академии государственного управления при Президенте Украины (г. Днепропетровск).

Конопелькина Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Днепропетровского национального университета им. О. Гончара (г. Днепропетровск).

Коряковцева Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой прикладной лингвистики и логопедии Института польской филологии Природно-Гуманитарного университета (г. Седльце, Польша).

Купченко Елена Анатольевна – аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Маркитантов Юрий Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка, декан факультета украинской филологии и журналистики Каменец-Подольского национального университета им. И. Огиенко (г. Каменец-Подольский).

Мозовая Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Днепропетровского национального университета им. О. Гончара (г. Днепропетровск).

Мурадян Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета им. И.И. Мечникова (г. Одесса).

Нашиванько Ольга Викторовна – преподаватель Днепропетровской государственной медицинской академии (г. Днепропетровск).

Олянич Андрей Владимирович – доктор филологических наук, профессор, декан факультета социально-гуманитарного образования Волгоградской государственной сельскохозяйственной академии, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Волгоград).

Петренко Оксана Романовна – соискатель кафедры украинского языка Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Донецкого института психологии и предпринимательства (г. Одесса).

Петров Александр Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Петрова Луиза Александровна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Одесского национального университета им. И.И. Мечникова (г. Одесса).

Пименова Марина Владимировна – член-корреспондент САН ВШ, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета (г. Кемерово).

Пономаренко Елена Аликовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Крымского государственного медицинского университета им. С.И. Георгиевского (г. Симферополь).

Рогожникова Татьяна Павловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой исторического языкознания Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, (г. Омск).

Сегал Наталья Александровна – ассистент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Сидоренко Евдокия Николаевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Сидун Соломия Владимировна – соискатель кафедры прикладной лингвистики Волынского национального университета им. Леси Украинки (г. Луцк).

Смагулова Гульдархан Нургазиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры казахской филологии Казахского национального университета им. аль-Фараби (г. Алматы, Республика Казахстан).

Стеванович Раиса Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Черноморского государственного университета им. П. Могилы (г. Николаев).

Степанченко Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды (г. Харьков).

Теркулов Вячеслав Исаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и русского языка Горловского государственного педагогического института иностранных языков, проректор по научной работе Горловского государственного педагогического института иностранных языков (г. Горловка).

Токмеджи Рустем Якубович – кандидат филологических наук, доцент, декан психолого-педагогического факультета Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет» (г. Симферополь).

Турик Людмила Романовна – кандидат филологических наук, заместитель директора Луцкой специализированной школы № 1 (с. Липляны, Киверцевский р-н, Волынская обл.).

Турута Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Днепропетровского национального университета им. О. Гончара (г. Днепропетровск).

Тютюнник Вера Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры интенсивного обучения иностранным языкам Прид-

непровской государственной академии строительства и архитектуры (г. Днепропетровск).

Устинова Елена Викторовна – ассистент кафедры английской филологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета (г. Самара)

Устюгова Людмила Михайловна – доктор филологических наук РФ, профессор кафедры русского языка Ужгородского национального университета (г. Ужгород).

Фомина Людмила Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета им. И.И. Мечникова (г. Одесса).

Цымбалюк Елизавета Викторовна – магистр филологии, учитель русского языка и литературы Севастопольской общеобразовательной школы I-III ступени № 22 (г. Севастополь).

Чернышев Алексей Борисович – кандидат филологических наук, переводчик ЗАО «ВолгАэро» (г. Рыбинск, Россия).

Чикибаев Аркадий Геннадьевич – преподаватель кафедры иностранных языков для нефилологических специальностей Бердянского государственного университета (г. Бердянск).

Шепель Юрий Александрович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры перевода Днепродзержинского государственного технического университета (г. Днепродзержинск).

Щербачук Лидия Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, докторант Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Киев).

Ярошенко Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и истории языка Донецкого национального университета (г. Донецк).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА: ЕДИНИЦЫ, КАТЕГОРИИ, НАПРАВЛЕНИЯ

<i>Андрейченко О.І.</i> Структура і прагматика метафоричної моделі «Політика – це артефакти» у газетно-журнальному дискурсі	3
<i>Буянова Л.Ю.</i> Текст как ментально-когнитивный конструкт: специфика вербализации и типология системообразующих структур знания	6
<i>Валева Л.В.</i> Интерпретирующая роль мифа в языке	9
<i>Воркачев С.Г.</i> «Понятия» и «беспредел»: идея справедливости в корпоративном исполнении	12
<i>Гадомский А.К.</i> Основные направления исследования русской теолингвистики	15
<i>Евраева С.В.</i> Смысловое наполнение концепта <i>церковь</i> в поэзии А.Блока	19
<i>Иванова Н.Г.</i> Пресуппозиционная структура значения онима в рекламном тексте	23
<i>Карасик В.И.</i> Интерпретативные модусы общения	25
<i>Олянич А.В., Устинова Е.В.</i> Прагматическая реализация текстовой категории квотационной манипулятивности в политической коммуникации	28
<i>Петренко О.Р.</i> Проблема визначення структурних та стилістичних особливостей сакральних текстів	32
<i>Петрова Л.А.</i> Прототипическая ситуация в структуре художественной дефиниции	35
<i>Пименова М.В.</i> Изучение языка в аспекте ментальности	38
<i>Пономаренко Е.А.</i> Реализация жанра просьбы в условиях речевого общения врача и пациента: динамический аспект (на материале произведений писателей-врачей)	42
<i>Сегал Н.А.</i> Пространственные смыслы в политическом тексте	46
<i>Смагулова Г.Н.</i> Лингвокультурологические особенности лексических единиц охотничьего искусства в казахской культуре	49
<i>Степанченко И.И.</i> Текст и дискурс как статическое и динамическое образования	54
<i>Турик Л.Р.</i> Критерії виокремлення перформативних дієслів	56
<i>Чернышев А.Б.</i> Синхрония в номинации как условие формирования когнитивных антонимов	60
<i>Чикибаев А.Г., Габидуллина А.Р.</i> Языковая игра с прецедентными феноменами на учебных занятиях	63

<i>Щербачук Л.Ф.</i> Об'єктивація концепту <i>кохання</i> в поетичному дискурсі (на матеріалі творів Ліни Костенко)	67
<i>Ярошенко Н.А.</i> Логоним как способ номинации лица	71

Раздел II. ДЕРИВАЦИЯ В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ

<i>Арделян Е.В.</i> Образность фразеологических единиц с ономастическим компонентом	74
<i>Бессонова Л.Е.</i> Семантика производного слова в политическом тексте	77
<i>Блюмина О.В.</i> Об ономастическом компоненте в структуре композитов	80
<i>Гафарова Р.И.</i> Стилистическая дифференциация суффиксальных универбов	84
<i>Жуйкова М.В.</i> Національно-культурна специфіка фразеології та проблема її калькування	87
<i>Загороднева Е.В.</i> Экспликация маскулиных гендерных маркеров во фразеологических единицах французского языка с ономастическим компонентом	90
<i>Когіаковсєва Е.</i> O modalnych nomina abstracta w języku polskim	93
<i>Маркітантов Ю.О.</i> Оказіональні фразеологічні новотвори у поетичному мовленні	98
<i>Нашиванько О.В.</i> Способы деривации терминов медицинской косметологии в русском языке	101
<i>Петров А.В.</i> Реализация актантной структуры глагола в неологизмах-композитах русского языка	104
<i>Теркулов В.И.</i> Моделирование универбализационных процессов	109
<i>Турута И.И.</i> Сложные новообразования в русскоязычных масс-медийных текстах	112
<i>Шепель Ю.А.</i> Словообразовательная синонимия в системе словообразовательных рядов (на примере имен прилагательных русского языка)	115

Раздел III. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА В СТАТИКЕ И ДИНАМИКЕ

<i>Алиева В.Н.</i> Заимствованные общественно-политические термины в лексической системе современного русского языка	119
<i>Высоцкая Т.Н.</i> Способы номинации технических артефактов горной промышленности в русском языке (на материале однословных терминов)	122
<i>Гукова Л.Н., Фомина Л.Ф.</i> Типы неофициальных наименований географических объектов в современной русской речи	125

Конопелькина Е.А. Специфика словообразования сложных наименований лиц по роду деятельности (на материале терминологии экономико-правовой сферы)	130
Мозовая И.Н. Способы подачи иноязычной лексики в языке коммерческой рекламы	133
Сидун С.В. Выражения эмпиричного компонента лексического значения у дефиниции (на материале толмачных словарей английской, российской та украинской мов)	136
Стеванович Р.И. Лексические способы выражения зрительного восприятия в ментальной сфере (на материале русского и английского языков)	140
Тютюнник В.Ю. Некоторые особенности синонимических отношений в терминологии градостроительной акустики	142
Тютюнник В.Ю., Кондрашева О.В. Особенности антонимии в терминологии градостроительной акустики	145

Раздел IV. ДИНАМИКА ЕДИНИЦ ЯЗЫКА РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

Калугина Т.В. Реализация языкового смысла «образ, способ и качественная характеристика процесса» (на материале произведений К.Г. Паустовского)	149
Козинец С.Б. История слова <i>кулак</i>	152
Купченко Е.А. Метафора «вместилища» в структуре концепта «разум» (на материале агиографической литературы XI–XVII вв.)	155
Мурадян И.В. Семантический потенциал фамилии Дубровский в повести А.С. Пушкина	158
Рогожникова Т.П. К проблеме исторической стилистики: анализ текста	162
Сидоренко Е.Н. Вопросительные местоимения в роли категоризаторов языковых смыслов	165
Токмеджи Р.Я. Некоторые аспекты изучения словообразовательного гнезда как единицы словообразовательной системы языка	168
Устюгова Л.М. Слова с праславянским корнем *-SERD- в истории русского языка: лексическое значение и структура корней	172
Цымбалюк Е.В. Семантика омонимичных предлогов-префиксов: диахронный аспект	176

Наукове видання

**Семантика і прагматика мовних одиниць
у синхронії та діяхронії:
збірник наукових праць**

(мовою оригіналу)

Технічний редактор *Купченко О.А.*

Верстка *Фазилова А.Р.*

Дизайн обкладинки *Чепік О.Ю.*

Підписано до друку 08.11.2010 р. Формат 60×84¹/₁₆.

Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.

Надруковано на різнографі.

Обл.-вид. друк. арк. 10,25. Об'єм 11,75 друк. арк.

Тираж 100 прим. Зам. № 126.

Видавець і виготовник КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав»
95000, м. Сімферополь, вул. Горького, 5.

*Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта
видавничої справи ДК № 508 від 26.06.2001 р.*